

Учредитель и издатель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет».

Издание принимает рукописи по следующим научным специальностям, по которым принимаются статьи:

- 5.3.1. Общая психология, психология личности история психологии;
- 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых сред;
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 5.4.6. Социология культуры;
- 5.4.7. Социология управления;
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования;
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования.

Адрес учредителя

614068, Пермский край,
г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Тел. +7(342) 2396-305
E-mail: fsf-sgn@yandex.ru

Научный рецензируемый журнал «Социальные и гуманитарные науки: теория и практика» отражает научные интересы специалистов в области актуальных проблем философии, социологии, психологии. Публикуются оригинальные статьи, основанные на теоретических и эмпирических исследованиях в данных областях.

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

Владимир Сергеевич Волегов

Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия
fsf-sgn@yandex.ru

Зам. главного редактора

Олег Владиславович Лысенко

Кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Александр Михайлович Бельский (канд. социол. наук, Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, г. Минск);

Светлана Николаевна Лихачева (канд. социол. наук, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, г. Могилев);

Илона Генриховна Неделевская (канд. социол. наук, Гродненский государственный университет имени Я. Купалы, г. Гродно);

Алеся Андреевна Похомова (канд. социол. наук, Белорусский государственный университет, г. Минск);

Мариэтта Хачатуровна Карамян (д-р психол. наук, профессор, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, г. Ташкент).

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Елена Михайловна Березина (канд. филос. наук, доцент МВСШЭН, Москва);

Екатерина Сергеевна Игнатова (канд. психол. наук, доцент ПГНИУ, г. Пермь);

Лариса Александровна Косолапова (д-р пед. наук, профессор ПГНИУ, г. Пермь);

Светлана Николаевна Костина (канд. социол. наук, доцент, доцент УрФУ, г. Екатеринбург);

Лариса Викторовна Логинова (д-р социол. наук, профессор СГЮА, г. Саратов);

Марина Леонидовна Магидович (д-р социол. наук, профессор РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург);

Любовь Анатольевна Метлякова, (канд. пед. наук, доцент ПГПТУ, г. Пермь);

Дарья Викторовна Моисеева (канд. социол. наук, с.н.с. НИУ ВШЭ, г. Москва);

Артем Андреевич Чернега (канд. социол. наук, Администрация Тотемского городского округа, г. Тотма, Вологодская область);

Ирина Юрьевна Черникова (д-р пед. наук, доцент ПНИПУ, г. Пермь).

**SOCIAL SCIENCES
AND HUMANITIES:
THEORY AND PRACTICE**

ISSN 2949-5601
Scientific peer-reviewed journal
Published 4 times a year
2025
Issue 3(14)

Founder and Publisher

Perm State University

Address of Editorial Board

15, Bukireva str., Perm,
Perm Krai, Russia, 614068
Tel. +7(342) 2396-305
E-mail: fsf-sgn@yandex.ru

The periodical is included
in the List of the Higher Attestation Commission of the
Russian Federation in the following scientific specialties, for
which the articles are received:

5.3.1. General psychology, personality psychology history of
psychology

5.3.4. Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital
environments

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.6. Sociology of culture

5.4.7. Sociology of management

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education

5.8.7. Methodology and technology of professional education

The scientific peer-reviewed journal

“Social and Humanitarian Sciences:
Theory and Practice” reflects the scientific
interests of specialists in the field of topical
problems of philosophy, sociology, and
psychology. Original articles based on theoretical
and empirical research in these areas are
published.

EDITORIAL TEAM

Editor-in-Chief

Vladimir S. Volegov

PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology

Perm State University, Perm, Russia

fsf-sgn@yandex.ru

Deputy Chief Editor

Oleg V. Lysenko

PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Social and Humanitarian Technologies

Perm State University, Perm, Russia

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Aleksandr M. Belski (PhD in Sociology, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk)

Svetlana N. Likhacheva (PhD in Sociology, Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev)

Ilona G. Nedelevskaya (PhD in Sociology, Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno)

Alesya A. Pohomova (PhD in Sociology, Belarusian State University, Minsk)

Marietta Karamyan (PhD of Psychology, Professor National University of Uzbekistan, Toshkent)

EDITORIAL BOARD

Elena M. Berezina (PhD in Philosophy, Associate Professor, MSSES, Moscow),

Alexander Elena M. Berezina (PhD in Philosophy, Associate Professor, MSSES, Moscow),

Ekaterina S. Ignatova (PhD in Psychology, Associate Professor, PSU, Perm),

Larisa A. Kosolapova (Doctor of Pedagogy, professor, PSU, Perm),

Svetlana N. Kostina (PhD in Sociology, Associate Professor, UrFU, Ekaterinburg),

Larisa V. Loginova (Doctor of Sociology, Professor, SSAL, Saratov),

Marina L. Magidovich (Doctor of Sociology, Professor RSPU, Saint Petersburg),

Lyubov A. Metlyakova (PhD in Pedagogy, Associate Professor, PSHPU, Perm),

Darya V. Moiseeva (PhD in Sociology, Senior Researcher, HSE University, Moscow),

Artyom A. Chernega (PhD in Sociology, Administration of Totma district, Totma),

Irina Yu. Chernikova (Doctor of Pedagogy, Associate Professor, PNRPU, Perm).

СОДЕРЖАНИЕ

Международный научный семинар «Современная молодежь в фокусе социологии: ценности, установки, консолидационный потенциал»	5	International Scientific Seminar “Modern Youth in Focus of Sociology: Values, Attitudes, and Consolidation Potential”
--	---	--

СОЦИОЛОГИЯ / SOCIOLOGY

Использование студентами ИИ: как формировать правильные этические установки? <i>Костина С.Н.</i>	6	Use of AI by students: how to form correct ethical attitude? <i>Kostina S.N.</i>
Потенциал «цифровых тел» как инструмента социологического исследования молодежи <i>Шурко А.В.</i>	14	The potential of “Digital bodies” as a tool for sociological research of youth <i>Shurko H.V.</i>
Манипулятивные практики в медиаконтенте: влияние тикток- блогеров на политические установки подростков <i>Грицай Л.А.</i>	20	Manipulative practices in media content: the influence of TikTok bloggers on the political attitudes of teenagers <i>Gritsai L.A.</i>
Информационные навыки молодежи Республики Беларусь: современные вызовы и перспективы развития <i>Воронина С.Н.</i>	28	Information skills of youth in the Republic of Belarus: current challenges and development prospects <i>Voronina S.N.</i>
Социальные сети в коммуникационном пространстве студенческой молодежи <i>Куляй Е.С., Сысоева М.В.</i>	37	Social networks in the communication space of students <i>Kulyai E.S., Sysoeva M.V.</i>
Финансовая грамотность молодежи Республики Беларусь: социологический анализ <i>Образжей О.Н.</i>	45	Financial literacy of youth in the Republic of Belarus: a sociological analysis <i>Obrazhey O.N.</i>
Факторы образовательного выбора и карьерных ориентаций выпускников школ в российском регионе <i>Макарова М.Н.</i>	57	Factors of educational choice and career orientation of school graduates in the Russian region <i>Makarova M.N.</i>

Ключевые направления закрепления и профессионального развития молодых кадров: опыт Республики Беларусь <i>Галич Л.П.</i>	65	Key directions of retention and professional development of young staff: experience of the Republic of Belarus <i>Galich L.P.</i>
Особенности процесса инклюзии в сфере общего среднего и профессионального образования Беларуси <i>Яковлева Н.И.</i>	72	Features of the inclusion process in the sphere of general secondary and vocational education in Belarus <i>Yakauleva N.I.</i>
Молодежные сообщества как инструмент развития научного потенциала <i>Суворова А.А.</i>	80	Youth communities as a tool for scientific development <i>Suvorova A.A.</i>

ПСИХОЛОГИЯ / PSYCHOLOGY

Психодиагностика развития личности в условиях цифровой образовательной среды <i>Махиянова А.А.</i>	86	Psychodiagnostics of personality development in a digital educational environment <i>Mahiyanova A.A.</i>
---	----	---

ПЕДАГОГИКА / PEDAGOGY

Изменения в мотивации к изучению английского языка на пути от школьных установок к профессиональным ориентирам (на материале экономических специальностей) <i>Джабраилова В.С., Хмелева Н.В.</i>	93	Changes in English language learning motivation from school-based attitudes to professional orientations (evidence from economics majors) <i>Dzhabrailova V.S., Khmeleva N.V.</i>
К вопросу об использовании искусственного интеллекта в сфере высшего образования <i>Андреева Э.В.</i>	99	On the use of artificial intelligence in higher education <i>Andreeva E.V.</i>
Ways of improving motivation to learning a language in young school children <i>Balakina I.A., Rozhkova E.V.</i>	106	Ways of improving motivation to learning a language in young school children <i>Balakina I.A., Rozhkova E.V.</i>

РЕТРАКЦИЯ / RETRACTION

Уведомление о ретракции статьи	111	Notification of article retraction
--------------------------------	-----	------------------------------------

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР
«СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ В ФОКУСЕ СОЦИОЛОГИИ:
ЦЕННОСТИ, УСТАНОВКИ, КОНСОЛИДАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ»
(г. Пермь, 10–12 сентября 2025 г.)**

С 10 по 12 сентября 2025 г. на базе Пермского государственного национального исследовательского университета прошел Международный российско-белорусский научный семинар «Современная молодежь в фокусе социологии: ценности, установки, консолидационный потенциал». Поводом для мероприятия стало сочетание сразу нескольких знаковых событий: 30 лет прошло с основания философско-социологического факультета Пермского университета, 35 лет исполнилось Институту социологии Национальной академии наук Беларуси, прошел 1 год с подписания соглашения о сотрудничестве между двумя нашими организациями, а также в 2025 году г. Пермь носит звание «Молодежной столицы России».

Однако помимо праздничных дат и званий, проведение подобного семинара имеет и важную содержательную причину. Современный мир стремительно меняется: развиваются технологии искусственного интеллекта и дополненной реальности, социальные сети и мессенджеры становятся повседневной средой для взаимодействия, растет неопределенность на рынке труда. Молодежь, в силу своего переходного характера, оказывается не только активным участником всех перечисленных процессов, но и проводником для многих из них. Поэтому для представителей разных социальных и гуманитарных наук, включая педагогику, психологию, социологию, как никогда важно обмениваться опытом проведения и результатами исследований процессов в молодежной среде.

В работе научного семинара приняли участие не только представители Института социологии НАН Беларуси и Пермского государственного национального исследовательского университета, но и представители более чем 20 научно-педагогических организаций Республики Беларусь и Российской Федерации, представители органов государственной власти и местного самоуправления. Особенно важно, что семинар стал площадкой для взаимодействия как опытных исследователей, так и тех, кто только начинает свой путь в науку: магистрантов, аспирантов, стажеров.

Большая часть статей, представленных в этом номере, были подготовлены в связи или по результатам работы Международного научного семинара «Современная молодежь в фокусе социологии: ценности, установки, консолидационный потенциал». От лица реакции журнала выражаю надежду, что содержание данного выпуска заинтересует наших уважаемых читателей и будет полезным для последующих исследований социальных процессов в молодежной среде!

*Владимир Сергеевич Волегов,
главный редактор научного журнала
«Социальные и гуманитарные науки: теория и практика»,
кандидат социологических наук, доцент*

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.648.2
EDN AAIYRK
DOI: 10.17072/2949-5601-2025-3-6-13

Костина Светлана Николаевна,
кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры государственного и муниципального управления
Уральский федеральный университет
620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19
s.n.kostina@urfu.ru
Scopus AuthorID: 55825822300
ORCID: 0000-0001-9346-600X
SPIN-код: 9484-1590

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТУДЕНТАМИ ИИ:
КАК ФОРМИРОВАТЬ ПРАВИЛЬНЫЕ ЭТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ?**

В статье раскрываются вопросы необходимости формирования этических установок студентов при использовании технологий искусственного интеллекта (ИИ). Делается попытка раскрыть три исследовательских вопроса: зачем необходимо формировать у студентов этические установки в сфере ИИ, какие этические принципы должны быть установлены в вузах, кто должен заниматься формированием этических установок студентов. В результате исследования установлено, что разработка этических принципов использования искусственного интеллекта в вузах осуществляется на трех уровнях – международном, национальном и организационном. В организациях высшего образования наблюдается три подхода к регулированию ИИ: запрет, разрешение (или отказ от регулирования), разрешение с ограничениями. Работу над формированием этических принципов использования ИИ вузы в РФ начали вести в 2024 году. Ряд вузов приняли свои правила и положения по использованию ИИ в образовательной деятельности. В то же время вопрос о систематической работе по формированию этических установок студентов в сфере ИИ остается нерешенным и требует дальнейшего регулирования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, технологии ИИ, этика ИИ, этические установки, организации высшего образования, студенты.

Ссылка для цитирования: Костина С.Н. Использование студентами ИИ: как формировать правильные этические установки? // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 3(14). – С. 6–13.
<http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-3-6-13> EDN AAIYRK

Svetlana N. Kostina

PhD in Sociology, Associate Professor,
Associate professor of the Department of State and Municipal
Management

Ural Federal University,
19, Mira str., Yekaterinburg, Russia, 620002

s.n.kostina@urfu.ru

Scopus AuthorID: 55825822300

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9346-600X>

SPIN-код: 9484-1590

USE OF AI BY STUDENTS: HOW TO FORM CORRECT ETHICAL ATTITUDE?

The article reveals the issues of the need to form ethical attitudes of students when using artificial intelligence technologies. An attempt is made to answer three research questions: why is it necessary to form ethical attitudes in the field of AI in students, what ethical principles should be established in universities, who should be involved in forming ethical attitudes of students. The study found that the development of ethical principles for the use of artificial intelligence in universities is carried out at three levels - international, national and organizational. In higher education organizations, there are three approaches to regulating AI: prohibition, permission (or refusal to regulate), permission with restrictions. Universities in the Russian Federation began to work on the formation of ethical principles for the use of AI in 2024. A number of universities have adopted their own rules and regulations on the use of AI in educational activities. At the same time, the issue of systematic work on the formation of ethical attitudes of students in the field of AI remains unresolved and requires further regulation.

Keywords: sounds in urban environment, the sounds of the city of Perm, phonosemantics, semantic differential.

For citation: Kostina S.N. [Use of AI by students: how to form correct ethical attitude?] *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 3(14), pp. 6–13 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-3-6-13>, EDN AAIYRK

В последние несколько лет использование генеративных ИИ становится все более легкодоступным для широких слоев населения, наблюдается его внедрение в различные сферы деятельности, в том числе в образование. Научное и образовательное сообщество только подходит к необходимости комплексного изучения и регулирования применения ИИ в высшем образовании. В исследовании 2019 года О. Завацки-Рихтер и соавт. на основе проведенного ими систематического обзора научной литературы пришли к выводу, что в научной сфере наблюдается почти полное отсутствие критического осмысления проблем и рисков ИИ в образовании (AIEd), слабая связь с теоретическими педагогическими перспективами [15]. Все это порождает необходимость дальнейшего изучения этических и образовательных подходов в применении AIEd в высшем образовании. В соответствии с этим, целью данной статьи выступают этических вопросов использования студентами ИИ и рассмотрение тенденций их регулирования вузами. Для достижения поставленной цели были сформулированы три исследовательских вопроса:

- зачем необходимо формировать у студентов этические установки в сфере ИИ?
- какие этические принципы работы с ИИ должны быть установлены в вузах?
- кто должен заниматься формированием этических установок студентов в сфере ИИ?

В качестве методов исследования применялся анализ научной литературы, анализ нормативных документов различного уровня – международных, российских, а также вузовских.

Зачем студентам формировать этические установки использования ИИ?

Обоснование необходимости применения искусственного интеллекта в высшем образовании включает ряд аргументов. Во-первых, так как ИИ все больше используется в различных отраслях экономики, выпускники должны иметь соответствующие знания и навыки. Во-вторых, ИИ можно использовать для улучшения обучения студентов. В-третьих, в силу того, что использование ИИ в образовании и оценке становится все более распространенным, крайне важно, чтобы учащиеся понимали принципы, лежащие в основе этой технологии, чтобы поддерживать академическую честность и предотвращать мошенничество [7].

Как показывают исследования, студенты активно используют ИИ в ходе учебной деятельности [4], в том числе для подготовки домашних и дипломных работ¹. В сети Интернет появились специализированные ИИ для академического письма (например, Study24AI, Davinchi), а также для помощи в написании работ, например, для перефразирования текстов в собственные формулировки (Paraphrasing Tool AI), поиска источников и оформления библиографии (Сервис «Моя учеба» Сбера), проверки на антиплагиат и детектор ИИ (Smodin) и др.

В то же время ИИ в высшем образовании породило целый ряд проблем. В результате исследований было выявлено, что использование технологий ИИ приводит к снижению навыков письма и критического мышления у студентов [14] (хотя в научной литературе есть и противоположное мнение [9]), снижению интеллектуальных усилий при выполнении заданий [8], а также порождает серьезные проблемы с академической честностью и плагиатом в студенческих работах, что в итоге снижает качество образования в целом. Еще одной группой проблем использования ИИ в научной и образовательной деятельности выступают «галлюцинации ИИ» [13], когда сгенерированные тексты содержат фактологические ошибки, несуществующие библиографические ссылки с известными авторами и связными названиями, либо ссылки на источники полностью отсутствуют. Все больше в сфере высшего образования распространяется так называемый ИИ-гиаризм (AI-giarism) – новая форма академической нечестности, включающей ИИ и плагиат [6]. Это вызывает еще одну этическую проблему – создание у тех студентов, которые используют ИИ для подготовки заданий, несправедливого преимущества перед другими студентами, у которых нет доступа к этой технологии. В итоге такая ситуация может привести к неравенству в процессе оценки, т. к. преподавателю сложно адекватно оценить понимание материала студентом [8], а также может быть сложно отличить собственное письмо студента от ответов, сгенерированных ИИ. Такая ситуация отмечается исследователями из разных стран. Исследование Intelligent.com в 2023 году выявило, что студенты в основной массе понимают, что использование ИИ при подготовке работ неправильно, но почти треть уверена, что преподаватели этого не заметят². Согласно результатам опроса, проведенного НИУ ВШЭ в 2025 г., в котором приняли участие более 4000 студентов 10 ведущих вузов РФ, в 85% случаев преподаватели не замечали ответы ИИ в работах студента³. Исследования в других российских вузах показывают наличие проблемы сформированности этических установок студентов при использовании технологий искусственного интеллекта – например, большинство опрошенных студентов Рязанского государственного радиотехнического университета не в полной мере осознают, что тексты, сгенерированные ИИ, являются плагиатом, и не считают нужным указывать соавторство или использование ИИ в своих работах [3].

AIEd используют не только студенты, но и другие участники образовательного процесса. Технологии ИИ применяются вузами в четырех широких областях: профилирование и прогнозирование учебной деятельности студентов, интеллектуальные системы обучения, оценка и анализ, адаптивные системы и персонализация [15]. Последствия такого применения также носят этический характер: это касается защиты персональных данных студентов и конфиденциальности [там же], справедливости оценивания и т. д.

Какие этические принципы работы с ИИ должны быть установлены в вузах?

Развитие искусственного интеллекта на протяжении последних 50 лет привело к появлению новых морально-нравственных вызовов [2], исследование которых ведется в рамках новой научной дискуссионной сферы – этики ИИ («AI Ethics»). Этика в области ИИ может быть определена как «набор ценностей, принципов и методов, которые используют широко принятые стандарты “хорошего” и “плохого” для руководства моральным поведением при разработке и использовании технологий ИИ» [11].

Распространение AIEd создало для университетов необходимость в разработке политики образования в области ИИ. Попытки сформулировать руководящие принципы для решения данного вопроса предпринимаются на различных уровнях. Во-первых, это документы, которые были предложены международным сообществом. К ним можно отнести принципы, сформулированные на Пекинском консенсусе, который был согласован на Международной конференции по ИИ и образованию в Пекине (16–18 мая 2019 г.), в которых том числе провозглашалась политика справедливого, инклюзивного и этичного использования ИИ.

¹ Нейросеть или профессор: дипломную работу за москвича написал искусственный интеллект // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/02/01/reg-cfo/nejroset-ili-professor-diplomnuu-rabotu-za-moskvicha-napisal-iskusstvennyj-intellekt.html> (дата обращения: 09.06.2025).

² Nearly 1 in 3 College Students Have Used ChatGPT on Written Assignments // Intelligent.com. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.intelligent.com/nearly-1-in-3-college-students-have-used-chatgpt-on-written-assignments/> (дата обращения: 09.06.2025).

³ ИИ в образовании: как преодолеть соблазн готовых решений // Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/news/edu/1038459152.html> (дата обращения: 09.06.2025).

Этические принципы использования AIEd были предложены в документах ЮНЕСКО – «ИИ и образование: Руководство для лиц, формирующих политику»¹ и «Рекомендации по этике искусственного интеллекта»². Согласно рекомендациям, политика и правила справедливого, инклюзивного и этичного использования ИИ предполагают необходимость разработки соответствующих регламентов и программ. Такие документы должны содержать несколько направлений действий³. Во-первых, обеспечение справедливого использования преимуществ AIEd, в том числе за счет создания соответствующей инфраструктуры, доступности ИИ для наиболее уязвимых групп общества, а также применение ИИ, который имеет доказанную историю включения учащихся с разным опытом и способностями. Во-вторых, устранение предвзятости при использовании ИИ за счет обучения его на данных, репрезентативных для разнообразия с точки зрения пола, инвалидности, социального и экономического статуса, этнического и культурного происхождения и географического положения. В-третьих, стимулирование подхода к проектированию, который включает этику, конфиденциальность и безопасность в исследованиях и разработках ИИ в образовании. Оно включает установление норм о защите данных, которые сделают сбор и анализ образовательных данных видимыми, отслеживаемыми и проверяемыми учителями, учениками и родителями. Это может быть достигнуто за счет ряда мер: четкой политики в отношении права собственности на данные, конфиденциальности и доступности для общественного блага, достижения баланса между открытым доступом и конфиденциальностью данных⁴.

Второй уровень регулирования AIEd относится к законодательству на уровне отдельных стран. Национальные государства в ходе регулирования ИИ в образовании используют различные подходы⁵. Независимый подход (Китай, ЕС, США, Республика Корея, ОАЭ) предполагает наличие отдельных политик и стратегий в области ИИ, таких как «Влияние искусственного интеллекта на обучение, преподавание и образование» ЕС. Комплексный подход (Аргентина, Малайзия) построен на интеграции элементов ИИ в существующие политики и стратегии в области образования или ИКТ. Тематический подход (Китай, Эстония, ЕС, Сингапур) сосредотачивает внимание на одной конкретной теме, связанной с ИИ и образованием (например, Общий регламент ЕС по защите данных)⁶. Также на уровне страны могут быть установлены этические принципы использования ИИ. Например, в Австралии в 2019 году был принят в котором сформулировано 8 принципов: создание чистой выгоды для людей, превышающей затраты; непричинение вреда; соблюдение нормативных и правовых требований; защита конфиденциальности; справедливость (отсутствие несправедливой дискриминации в отношении отдельных лиц, сообществ или групп); прозрачность и объяснимость; возможность оспорить результаты; подотчетность⁷. В то же время, согласно оценкам ОЭСР, по состоянию на начало 2024 года ни в одной из стран с развитыми системами ИИ [1] не было специального регулирования использования генеративного ИИ в образовании.

В РФ не установлен запрет или ограничение на использование ИИ студентами в образовательном процессе. Однако базовые принципы применения ИИ, в том числе этические, были закреплены в ряде документов. В Национальной стратегии развития ИИ до 2030 года выделены 2 группы принципов – развитие ИИ и нормативно-правовое регулирование общественных отношений, связанных с развитием и использованием технологий ИИ: безопасность, гуманистический подход, уважение автономии и свободы воли человека, недискриминация, риск-ориентированный подход, квалифицированная экспертная оценка⁸. Особо хотелось бы выделить принцип ответственности, который предполагает недопущение делегирования системам ИИ ответственного нравственного выбора и ответственности за последствия принятия решений⁹.

¹ AI and education: Guidance for policy-makers / F. Miao, W. Holmes, H. Ronghuai, Z. Hui // UNESCO [Электронный ресурс]. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000376709> (дата обращения: 09.06.2025). DOI: 10.54675/PCSP7350

² Recommendations on the Ethics of Artificial Intelligence // UNESCO [Электронный ресурс]. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137> (дата обращения: 09.06.2025).

³ AI and education: Guidance for policy-makers...

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ Artificial Intelligence Australia's Ethics Framework A Discussion Paper [Электронный ресурс] // URL: https://consult.industry.gov.au/strategic-policy/artificial-intelligence-ethics-framework/supporting_documents/ArtificialIntelligenceethicsframeworkdiscussionpaper.pdf (дата обращения: 09.06.2025).

⁸ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года: утв. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/1f32224a00901db9cf44793e9a5e35567a4212c7/ (дата обращения: 09.06.2025).

⁹ Там же.

В Кодексе этики в сфере ИИ, разработанном Альянсом в сфере искусственного интеллекта в 2021 г., содержится 23 принципа, объединенных в 6 групп: главный приоритет развития технологий ИИ заключается в защите интересов и прав людей и отдельного человека; необходимость осознания ответственности при создании и использовании ИИ; ответственность за последствия применения ИИ всегда несет человек; применение технологии ИИ по назначению и там, где это принесет пользу людям; приоритет интересов развития технологий ИИ над интересами конкуренции; важность максимальной прозрачности и правдивости в информировании об уровне развития технологий ИИ, их возможностях и рисках¹. К Кодексу присоединилось уже более 900 организаций, в том числе более 47 вузов РФ². Также этические принципы содержатся в Декларации об ответственном генеративном ИИ, Белой книге этики в сфере искусственного интеллекта. В последней целый раздел посвящен ИИ в сфере образования, в котором рассмотрены вопросы этичности использования ИИ в образовательном процессе учащимися и преподавателями³. Неэтичным признается ведение преподавателем предмета через свою цифровую имитацию без личного присутствия в аудитории, в то же время такие ситуации использования ИИ, как написание учебных работ и их проверка, прокторинг, снижение оценки за использование ИИ признаются этичными, но с ограничениями⁴.

Третий уровень регулирования ИИ в образовании – организационный (сами вузы). Т. Иоку с соавт. на основе анализа документов 60 вузов в разных странах выделили 3 позиции по отношению к использованию ИИ: запрет несанкционированного использования ИИ студентами, рассматривая это как плагиат и академическую халатность (приняли такие ведущие университеты мира, как Кембриджский, Оксфордский, Гарвардский, Принстонский, Йельский и др.); продвижение инструментов ИИ и его ответственного и этичного использования студентами (Токийский, Пекинский, Киотский, Корейский, Цюрихский университеты); нейтральная позиция в отношении использования генеративного ИИ, открыто не поддерживают и не запрещают инструменты ИИ, но подчеркивают важность академической добросовестности и этичного его использования (Сиднейский, Корнельский, Мельбурнский университеты и др.) [10].

В Российской Федерации в последние годы активно ведется дискуссия о регулировании вузами ИИ в образовании. Наблюдаются также различные позиции представителей вузов в этой сфере. Так, например, ректор Московского физико-технического института считает, что не нужно запрещать студентам использовать искусственный интеллект при подготовке дипломных работ, а «знания студента выясняются при личной беседе преподавателя, экзаменатора и студента»⁵. Такого же мнения придерживаются и ректоры других вузов, подчеркивая этический аспект применения ИИ студентами⁶. Например, и. о. ректора Белгородского государственного национального исследовательского университета Е.А. Карловская считает: «Запретить или разрешить использовать ИИ – это декларация... В таких вопросах важнее воспитывать культуру применения технологий и понятным образом осуществлять контроль соблюдения принятого “этикета”»⁷.

В то же время, начиная с 2024 г. появляются практики вузов по регулированию применения ИИ в учебной деятельности, в которых устанавливаются ограничения использования искусственного интеллекта. Среди тех, кто уже принял свою политику в этой сфере, – Московский городской педагогический университет, Сколковский институт науки и технологий, НИУ ВШЭ, Томский государственный университет. Ограничения применения ИИ в студенческих работах могут касаться его декларирования (указания целей, способов, границ и др.), установление допустимых способов использования ИИ. Применение ИИ без декларирования или в обход правил рассматривается как нарушение академических норм, что может повлечь за собой

¹ Кодекс этики в сфере ИИ: [Электронный ресурс] // URL: https://ethics.a-ai.ru/assets/ethics_files/2025/05/23/%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81_%D1%8D%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B8_20_10_1_yKu2UtZ.pdf (дата обращения: 09.06.2025).

² Подписанты Кодекса этики в сфере ИИ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://ethics.a-ai.ru/assets/ethics_files/2024/12/28/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B9_1_8616ymt.pdf (дата обращения: 09.06.2025).

³ Белая книга этики в сфере искусственного интеллекта / под ред. А. В. Незнамова. М.: Nova Creative Group, 2024. 200 с.

⁴ Там же.

⁵ В МФТИ заявили, что не планируют запрещать студентам использовать ИИ // Научно-технологическое развитие Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--m1agf.xn--p1ai/events/v-mfti-zayavili-chto-ne-planiruyut-zapreshchat-studentam-ispolzovat-ii/> (дата обращения: 09.06.2025).

⁶ Разрешают ли вузы использовать нейросети при написании дипломов? // Российский союз ректоров [Электронный ресурс]. URL: <https://rsr-online.ru/news/2023/12/5/razreshayut-li-vuzy-ispolzovat-nejroseti-pri-napisanii-diplomov/> (дата обращения: 09.06.2025).

⁷ Там же.

дисциплинарное взыскание¹. Однако во многих случаях политика университетов оставляет вопросы применения ИИ на усмотрение преподавателя, который должен самостоятельно определить, как использовать ИИ на своих занятиях, а также разработать или обновить любые правила, касающиеся использования ИИ [12].

Какие этические принципы AIEd устанавливают российские вузы? Сколковский институт науки и технологий в декабре 2024 г. утвердил положение, в котором закреплено 5 принципов использования ИИ в образовательной деятельности: человекоцентричность, уважение прав и законных интересов третьих лиц, прозрачность, надежность источников информации, соблюдение требований академической честности². В Декларации этических принципов создания и использования систем искусственного интеллекта НИУ ВШЭ закреплено 9 принципов: приоритет человеческого общения, информированности и обучающего использования, академической честности, прозрачности, конфиденциальности и соблюдения интеллектуальных прав, исключения предвзятости и дискриминации, справедливой доступности, разумного ограничения, ответственного отношения к созданию и использованию ИИ.³ Как мы видим, при разработке своих политик вузы опираются на международные и национальные рекомендации, однако единства этических принципов не наблюдается.

Кто должен заниматься формированием этических установок студентов в сфере ИИ?

На сегодняшний момент наиболее распространенной является практика, когда использование ИИ в учебном процессе остается на усмотрение преподавателя, который должен определить границы и способы применения данной технологии как у себя, так и у студентов. Это требует от преподавателя наличия соответствующих цифровых компетенций. Их состав носит дискуссионный характер и достаточно активно обсуждается в научной литературе. Например, Т.А. Бороненко и В.С. Федотова предложили трехкомпонентную модель цифровых компетенций педагога с учетом работы с ИИ [1]. Общепользовательская компонента цифровых компетенций должна включать владение фундаментальными теоретическими представлениями о применении генеративных моделей ИИ, их принципов и алгоритмов; умение работать с сервисами ИИ, в том числе «способность обеспечить безопасное, этическое и ответственное использование ИИ на основе понимания потенциальных рисков и угроз» [там же]. Общепедагогические компетенции связаны с возможностями применения ИИ при разработке учебных материалов и организации взаимодействия со студентами. Предметно-педагогическая компонента предполагает способности использования ИИ в рамках ведения конкретной дисциплины, в том числе соблюдение этических аспектов использования ИИ-ассистентов в образовательных контекстах [там же]. Однако среди более 50 компетенций отсутствует способность формирования у студентов этических установок при использовании ИИ.

Исследователи отмечают отставание преподавателей в освоении ИИ от студентов, что требует более активной политики вузов по подготовке и переподготовке педагогических кадров в сфере работы с искусственным интеллектом в образовании [5]. На наш взгляд, одной из тематик таких курсов должна стать этика ИИ, в том числе в учебном процессе, в организации преподавания отдельных дисциплин.

Для того, чтобы преподаватель как основной субъект формирования отношения студентов ИИ не остался «один на один» с данной проблемой, формирование этических установок в студентов в вузе должно опираться на имеющуюся нормативную базу – как федеральную, так и на локальные документы вуза. К ним относятся, кроме специализированных политик в сфере ИИ, имеющиеся локальные правовые акты, которые регулируют вопросы организации текущей и промежуточной аттестации, разработку учебно-методических комплексов, этические кодексы и политики в сфере воспитательной работы. Вузам необходимо предусмотреть либо принятие специализированных локальных актов, направленных на регулирование AIEd, в которых бы прописывались этические принципы работы студентов ИИ, роль и функционал преподавателя, либо своевременно вносить изменения в имеющиеся документы. Так, в положениях о разработке учебно-

¹ Правила внутреннего распорядка обучающихся Национального исследовательского университета: утв. протоколом Ученого совета НИУ ВШЭ от 24.06.2016 № 07 // Высшая школа экономики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/docs/187025700.html> (дата обращения: 09.06.2025).

² Положение о принципах использования искусственного интеллекта в образовательной деятельности: утв. Приказом ректора Сколковского института науки и технологий от 20 декабря 2024 № 1630 [Электронный ресурс] // URL: <https://back.skoltech.ru/storage/app/media/education%20docs/policy-on-ai.pdf> (дата обращения: 09.06.2025).

³ Декларация этических принципов создания и использования систем искусственного интеллекта в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» // Высшая школа экономики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/docs/969670638.html> (дата обращения: 09.06.2025).

методических материалов (программ дисциплин) должен присутствовать раздел, посвященный технологиям ИИ, в том числе содержащий перечень доверенных технологий, способы использования ИИ в учебной деятельности, критерии проверки и оценки либо запрет на их использование.

Заключение

В современный период отношение к ИИ в образовании носит амбивалентный характер: с одной стороны, на национальном уровне поставлена задача формирования доверия к технологиям искусственного интеллекта у широких слоев населения, повышения уровня использования ИИ в различных сферах народного хозяйства, в том числе в образовании и науке¹; с другой стороны, ИИ в образовании вызывает значительное количество негативных последствий. В этих условиях необходима разработка новых педагогических и организационных моделей формирования этических установок студентов по работе с технологиями ИИ. В большинстве российских вузов не закреплены нормы, регулирующие использование ИИ в образовательной деятельности, что оставляет простор для этических нарушений, в том числе ИИ-гиаризма. Подход, когда использование ИИ в учебном процессе отдается на «откуп» преподавателю, требует серьезных усилий вуза по формированию у профессорско-преподавательского состава соответствующих цифровых компетенций. Только в этом случае педагог сможет выступить в качестве «проводника» формирования этических установок по работе с ИИ у студентов, направленных на соблюдение академической честности, конфиденциальности, прозрачности и недопущения дискриминации.

Библиографический список

1. Бороненко Т.А., Федотова В.С. Генеративный искусственный интеллект в образовании: новые задачи и компетенции педагога // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 2(111). С. 228–233. DOI: 10.24412/1991-5497-2025-2111-228-233 EDN: FRXKIC
2. Игнатьев А.Г. Этика в области искусственного интеллекта в фокусе междисциплинарных исследований и развития национальных подходов. М.: МГИМО, 2020. 26 с.
3. Костикова Л.П., Есенина Н.Е., Ольков А.С. Искусственный интеллект в образовательном процессе современного университета: результаты опроса студентов // Концепт. 2025. № 2. С. 93–109. DOI: 10.24412/2304-120X-2025-11022 EDN: DFYRUS
4. Костина С.Н., Банных Г.А. Искусственный интеллект в высшем образовании: последствия использования цифровое общество // Цифровое общество: социологическое измерение настоящего и будущего: сборник материалов конференции, Москва, 02–03 ноября 2023 г. Москва: Российское общество социологов, 2024. С. 436–440. EDN: AJNEWO
5. Сысоев П.В. Использование технологий искусственного интеллекта в обучении иностранному языку: тематика методических работ за 2023 год и перспективы дальнейших исследований // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 29(2). С. 294–308. DOI: 10.20310/1810-0201-2024-29-2-294-308 EDN: CWZKHS
6. Chan C.K.Y. Is AI changing the rules of academic misconduct? An in-depth look at students' perceptions of 'AI-giarism'. 2023. URL: <https://arxiv.org/abs/2306.03358> (дата обращения: 09.06.2025).
7. Chan C.K.Y. A comprehensive AI policy education framework for university teaching and learning // J Educ Technol High Educ. 2023. № 20. Art. 38. DOI: 10.1186/s41239-023-00408-3 EDN: JNTMHI
8. Cotton D.R.E., Cotton P.A., Shipway J.R. Chatting and Cheating: Ensuring Academic Integrity in the era of ChatGPT // Innovations in Education and Teaching International. 2023. P. 228–239. DOI: 10.1080/14703297.2023.2190148
9. Essien A. et al. The influence of AI text generators on critical thinking skills in UK business schools / A. Essien, O. T. Bukoye, X. O'Dea, M. Kremantzis // Studies in Higher Education. 2024. № 49(5). P. 865–882. DOI: 10.1080/03075079.2024.2316881
10. Ioku T., Sachihiko K., Yasuhisa W. et al. Acceptance of generative AI in higher education: A latent profile analysis of policy guidelines // Research Square. 2024. URL: <https://www.researchsquare.com/article/rs-4515787/v1> (дата обращения: 09.06.2025). DOI: 10.21203/rs.3.rs-4515787/v1
11. Leslie D. Understanding artificial intelligence ethics and safety: A guide for the responsible design and implementation of AI systems in the public sector. The Alan Turing Institute, 2019. 97 p. DOI: 10.5281/zenodo.3240529

¹ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года...

12. Panke S., Oeshi I.J. AI in Education // 2023. URL: https://edtechbooks.org/ai_in_education (дата обращения: 09.06.2025).
13. Salvagno M., Taccone F.S., Gerli A.G. Artificial intelligence hallucinations // Crit Care. 2023. № 27. Art. 180. DOI: 10.1186/s13054-023-04473-y EDN: UASHZU
14. Warschauer M. et. al. The affordances and contradictions of AI-generated text for second language writers / M. Warschauer, W. Tseng, S. Yim, T. Webster, S. Jacob, Q. Du, T. Tate // Journal of Second Language Writing. 2023. Vol. 62. Art. 101071. DOI: 10.2139/ssrn.4404380 EDN: WENSXW
15. Zawacki-Richter O., Marín V.I., Bond M. et al. Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education – where are the educators? // J. Educ. Technol. High Educ. 2019. № 16. Art.39. DOI: 10.1186/s41239-019-0171-0 EDN: HQQKY

УДК 303.436.3
EDN AFWDYU
DOI: 10.17072/2949-5601-2025-3-14-19

Шурко Анна Викторовна,
младший научный сотрудник
Институт социологии НАН Беларуси
220072, Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2
annasurko91@gmail.com

ПОТЕНЦИАЛ «ЦИФРОВЫХ ТЕЛ» КАК ИНСТРУМЕНТА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЕЖИ

В работе описывается потенциал «цифровых тел» как инструмента или посредника в социологических исследованиях молодежи как социально-демографической группы, более вовлеченной в цифровое пространство (с иллюстрацией посредством статистических данных). Дается определение термину «цифровое тело», определяются его основные признаки. Отражаются особенности изучения цифровых тел в сравнении с реальными, указываются ключевые моменты, на которые исследователю стоит обратить внимание, чтобы не навредить субъектам. Рассматриваются три аспекта потенциала цифровых тел в социологических исследованиях помимо непосредственного изучения их как объекта: 1) как воплощение реальных людей в компьютерных играх или виртуальной реальности; 2) как искусственно созданный участник эксперимента; 3) как способ повысить вовлеченность респондента, если исследование предполагает пространственное разделение информантов. Приводятся релевантные научные изыскания зарубежных авторов с использованием рассматриваемого инструмента (например, цифровых тел в компьютерных играх, технологии Deepfake, применение не классического, опосредованного монитором взаимодействия в цифровом пространстве, а потенциально более эффективной с точки зрения иммерсивности VR-технологии). Делается акцент на апробации рассматриваемого инструмента на студенческих группах зарубежными исследователями.

Ключевые слова: цифровое тело, социология тела, молодежь.

Ссылка для цитирования: Шурко А.В. Потенциал «цифровых тел» как инструмента социологического исследования молодежи // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 3(14). – С. 14–19. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-3-14-19> EDN AFWDYU

Hanna V. Shurko,

Junior Research Fellow

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus

2 bld., 1, Surganova str., Minsk, Belarus, 220072

annasurko91@gmail.com

THE POTENTIAL OF “DIGITAL BODIES” AS A TOOL FOR SOCIOLOGICAL RESEARCH OF YOUTH

This paper describes the potential of “digital bodies” as a tool or mediator in sociological research on youth, a socio-demographic group more involved in the digital space (illustrated through statistical data). The term “digital body” is defined and its main characteristics are identified. The specifics of studying “digital bodies” are reflected in comparison with real ones, and key points that the researcher should pay attention to in order to avoid harming the subjects are indicated. Three aspects of the potential of “digital bodies” in sociological research are considered, in addition to their direct study as an object: 1) as the embodiment of real people in computer games or virtual reality; 2) as an artificially created participant in an experiment; 3) as a way to increase respondent engagement if the study involves the spatial separation of informants; The article also presents relevant research by international researchers using the tool in question (e.g., “digital bodies” in computer games, deepfake technology, and the use of VR technology, which is potentially more effective in terms of immersiveness, rather than the classic monitor-mediated interaction in digital space). Emphasis is placed on the testing of the tool in question by international researchers on student groups.

Keywords: Digital body, sociology of the body, youth.

For citation: Shurko H.V. [The potential of “Digital bodies” as a tool for sociological research of youth]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 3(14), pp. 14–19 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-3-14-19>, EDN AFWDYU

Интернет занимает значимое место в социальной жизни населения Республики Беларусь: по данным Национального статистического комитета, в 2024 году абсолютное большинство жителей страны (94,3 %) использовали сеть Интернет [7], при этом существенную долю от целей выхода в цифровое пространство составляли варианты социальной интеракции: отправка, получение электронной почты, переговоры (95,2 %) и общение в социальных сетях (87,2 %) [там же]. Вместе с тем, по последним опубликованным данным (2022 г.) Национального статистического комитета практически все молодые люди имели доступ в Интернет (рисунок 1) [4].

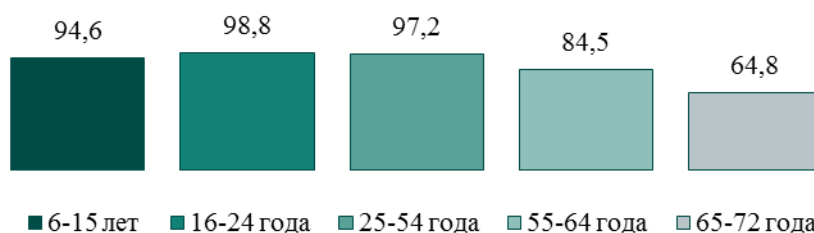

Рис. 1. Доля населения, имеющая доступ к сети Интернет по возрастам (2022 г.)

Принимая во внимание то, что социология изучает общество в целом, анализируя обобщения субъективных суждений конкретных индивидов, цифровое пространство выступает как новым объектом исследования, так и новой площадкой для исследований. Речь здесь не идет о достаточно распространенных, особенно если дело касается молодежи, online-опросах. При всех их преимуществах (невысокие затраты, относительная оперативность и т. д.), они имеют объективные ограничения, которые могут поставить под сомнение качество исследования. Основная проблема касается репрезентативности полученных данных (которой это исследование должно отвечать, являясь количественным). Одним из потенциальных инструментов или, по крайней мере, посредником социологического исследования в цифровом пространстве может выступить цифровое тело, которое также уже изучается в качестве предмета [1; 3; 5; 8; 9; 11; 12; 13; 15; 17].

Следует обозначить что представляет собой «цифровое тело». Цифровое тело обладает многими характеристиками реального тела, однако за счет его принадлежности цифровой, информационной сфере

необходимо делать некоторые уточнения со ссылкой на этот факт. Цифровое тело – это опосредованное информационными технологиями условие присутствия человека в виртуальной компьютеризированной или реальной среде, посредством которого он способен взаимодействовать с ней [10].

Помимо понятия «цифрового тела» в научной литературе встречается также «информационное тело» (Л. Флориди), однако оно несет в себе несколько иное значение. Информационное тело – это часть личности, информация о ней в цифровом пространстве [6, с. 33]. В отличие от информационного тела, цифровое включает в себя гораздо меньше информации, связанной с личностью пользователя (например, не имеет отношения к музыкальным, художественным вкусам субъекта или его не визуальному творчеству), и в большей степени характеризуется ее внешними проявлениями.

Можно выделить следующие признаки цифрового тела:

1) Запрограммированность. Цифровое тело создано на основе прописанного кода с использованием цифровых технологий;

2) Интерактивность. Цифровое тело опосредует прямо или символически взаимодействие с объектами и другими субъектами той среды, в которой оно находится. Прямое посредничество происходит в тех обстоятельствах, где тело имеет возможность двигаться и изменять окружающую среду (например, в видеоиграх). Символическое отражается в интеракции между образом тела и другими пользователями (это тела в киноискусстве, посредством которых автор имеет влияние на зрителя, а также в статичных аватарах в социальных сетях, которые воздействуют на восприятие других субъектов).

3) Управляемость. Пользователь имеет возможность управлять цифровым телом, используя различные технические средства. Если речь идет о мультипликации и технологии захвата движений, то посредством датчиков и других устройств ввода (компьютерная мышь, клавиатура), то же касается видеоигр. В большинстве случаев реальное тело не нуждается в посредниках для осуществления действий, в то время как цифровыми телами пока еще нельзя управлять без технических устройств.

4) Модификация и настройка. Цифровое тело может быть подвержено изменениям внешнего вида, параметров и функциональности для соответствия определенным целям или задачам гораздо легче, чем реальное.

5) Работа с данными. Цифровое тело может быть сохранено, скопировано, передано, воспроизведено и использовано другими пользователями и на других технических устройствах.

6) Ограниченный набор техник тела. Цифровое тело может производить только те техники, которые были изначально в него заложены. Что касается видеоигр, то разнообразность техник цифрового тела, которые способен воспроизводить пользователь может зависеть от жанра (например, некоторые игры позволяют воспроизводить техники совершения преступлений (убийства, кражи), другие – секса и родов, третьи разрешают только строительство и т. д.).

7) Возможность принадлежать сразу нескольким пользователям. Одно и то же цифровое тело с одним и тем же набором техник тела может управляться неограниченным количеством пользователей, имеющих ту же цифровую среду (видеоигру, мультипликационную сцену и т. п.).

8) Неограниченное количество. В отличие от реального тела, которое может быть у человека только одно, цифровых тел может быть множество.

Признаки цифрового тела во многом связаны между собой из-за единства происхождения и условий существования – технических средств и референса в виде реальных тел. Несмотря на высокую вариативность и возможность к конструированию цифровых тел, они, как и реальные тела, отчасти работают по одним и тем же механикам, что и позволяет изучать их. Кроме того, т. к. люди могут использовать цифровые тела как инструменты взаимодействия с окружающим миром, они также являются способом интеракции с другими «цифровыми телами» и, с некоторыми оговорками, реальными телами.

Несмотря на то, что цифровое тело и представления о нем во многом основаны на реальном теле, специфика их изучения будет различаться. Во-первых, реальная телесность затрагивает проблемы, которые связаны как с физическим, так и психическим здоровьем, поэтому при работе с респондентами и информантами следует учитывать, что они могут испытывать дискомфорт, отвечая на вопросы по этой тематике, следовательно, есть шанс, что результаты будут некачественными из-за неискренности, или в целом отсутствовать, если опрашиваемые посчитают неуместным говорить о подобных вещах. При изучении проблемы отношения к телу населения или какой-то социально-демографической группы следует помнить, что неправильно сформулированные вопросы, заданные в неудачное время, могут спровоцировать у респондентов болезненные переживания, связанные с восприятием тела. Поскольку при количественном

опросе отбор респондентов часто осуществляется случайно, у исследователя нет возможности предварительно выяснить, была ли у опрашиваемого травма (например, расстройство пищевого поведения, выкидыш, неприятие тела, комплексы и т. д.), на которую можно повлиять опросом, в то время как в качественном глубинном интервью такая возможность есть. В силу того, что качественные методы не репрезентативны и не требуют определенного количества опрошенных для снижения ошибки выборки, исследователь может предусмотреть эту проблему или, если он изучает именно ее, договориться с тем человеком, который согласится обсудить это «один на один». С другой стороны, результаты такого исследования не могут быть экстраполированы на генеральную совокупность, т. е. их можно рассматривать только в рамках конкретного случая. В репрезентативном количественном исследовании может возникнуть проблема наполненности. Предполагается, что снизить чувствительность такого исследования можно с помощью использования косвенных вопросов, позволяющих использовать формулировки с обезличенными формами, от третьего лица и общественного мнения. Кроме того, видится обоснованным при изучении рассматриваемой темы использовать заочный опрос (например, онлайн-опрос), дающий респонденту возможность заполнять анкету в удобное время без посторонних, однако в этом случае вновь встает вопрос о репрезентативности, т. к. online-формат не всегда позволяет удостовериться, прошел ли опрос подходящий по квоте человек и сколько раз он этот сделал.

Что касается цифрового тела, то, в отличие от реального, человек может проявить больше субъектности при его выборе или сконструировать тот вид телесности, который был бы ему приятен, что снижает остроту темы именно цифрового тела. Кроме того, с цифровым телом человек взаимодействует реже, чем с реальным, поскольку, хоть социальные сети и видеоигры в некоторых случаях можно считать повседневностью для ряда субъектов, от них можно отказаться или изменить свое цифровое условие существования в компьютеризированной среде. С другой стороны, большую роль при изучении цифрового тела играет его вид. Например, при изучении тел в цифровом пространстве некоторые вопросы могут вновь стать острыми, т. к. данный вид тела наиболее тесно связан с реальным и может отражать психологические проблемы принятия своего тела индивидом и отношения к нему. Исследование квантифицированного тела в зависимости от цели его использования также может негативно повлиять на респондента или информанта, т. к. одним из мотивов могут оказаться проблемы со здоровьем, причиняющими, кроме всего прочего, психологический дискомфорт при их демонстрации исследователю.

Еще одно различие состоит в том, что реальное тело присуще всем людям, что делает, в зависимости от целей исследования, всех индивидов потенциальным объектом изучения. Цифровое тело же относится, в первую очередь, к пользователям информационных технологий и интернета, при этом не всем, что ограничивает круг лиц, способных стать респондентами или информантами, однако подходит для изучения значительной части молодежи, более вовлеченной в цифровое пространство. Кроме того, использование некоторых цифровых тел может не требовать от респондента выхода в Интернет, а полностью контролироваться исследователем (например, эксперименты с VR, которые достаточно подробно описаны в 2022 г. Дж. Лин и М. Латошук [14]).

Непосредственно цифровые тела позволяют проще организовывать исследования некоторыми методами, например, включенным наблюдением, т. к. обеспечивает более высокий уровень анонимности за счет посредничества компьютерных технологий (находясь в месте событий, исследователь может спокойно регистрировать происходящее как на бумажные носители, так и на электронные, пользуясь записью экрана, при этом не привлекая внимания). Описание подобного исследования было представлено исследователями Н. Йи и Дж. Бейлисоном еще в 2009 г. на примере одной из самых популярных тогда MMO RPG игр (World of Warcraft) [17]. Кроме того, благодаря информационным технологиям возрастают возможности использования метода анализа документов или контент-анализа, т. к. предметами анализа могут быть фото, видео, записи игрового процесса и т. д.

Поскольку реальные тела подвержены неизбежным биологическим процессам, часть социальной информации, хранимой в них, со временем теряется, в то время как информация цифровых тел сохраняется вместе с ними и может исчезнуть по техническим причинам (при этом возможно существование множества копий таких тел, не отличимых от оригинала, что повышает их шансы на сохранение и передачу).

Цифровое тело является носителем более ограниченного количества социальной информации, чем реальное. Оно не участвует в репродуктивных процессах, донорстве и т. д., не способно выйти за рамки изначально заложенных действий. Несмотря на то, что, например, в видеоиграх или кинематографе цифровое тело способно имитировать процессы, свойственные реальному телу, они остаются лишь имитацией, своего рода симулякр, который «...в конце концов, покрывает точно всю территорию» [2, с. 5].

Как инструмент или посредник в социологическом исследовании цифровое тело может быть рассмотрено в трех аспектах: 1) как воплощение реальных людей в компьютерных играх или виртуальной реальности; 2) как искусственно созданный участник эксперимента; 3) как способ повысить вовлеченность респондента, если исследование предполагает пространственное разделение информантов.

В первом случае цифровые тела используются как показатель самопрезентации игроков. В уже упоминаемом исследовании Н. Йи и Дж. Бейлисона, описанном в их статье «The Proteus Effect Implications of Transformed Digital Self-Representation on Online and Offline Behavior», с помощью анализа аватаров игроков изучался эффект Протея. Психологи провели так называемую перепись населения на трех серверах в игре World of Warcraft с помощью автоматизированного скрипта. Полученные результаты свидетельствовали о том, что рост и привлекательность аватара играют роль в характеристиках персонажа в онлайн-игре, а высокие привлекательные аватары превосходят другие аватары. С другой стороны, не так просто утверждать, что привлекательные аватары имеют тенденцию превосходить непривлекательные аватары, т. к. помимо этого успех в игре имеет и иные детерминанты. Тем не менее, результаты исследования показали, что внешний вид аватара может влиять на поведение пользователя в онлайн-среде [17, с. 26]. Одним из объяснений данного процесса авторы считают процесс деиндивидуализации, когда человек соответствует поведению, связанному с нормами социального контекста, в котором находится [там же, с. 15]. Исследователи замечают, что виртуальная среда, где происходит деиндивидуализация, является вероятным местом, где контекстные сигналы (например, внешний вид аватара) могут изменить поведение человека через самовосприятие [там же, с. 16]. В другом исследовании эти же авторы использовали VR-технологии для проверки гипотезы о влиянии внешнего вида человека на его поведение. В данном случае возможность конструирования тела позволяла получить более точные данные в эксперименте. Авторы приходят к выводу, что в зависимости от внешнего вида аватара пользователи изменяют стратегии своего поведения: люди, внешность которых была скорректирована с помощью VR-технологий (рост испытуемых увеличивали или уменьшали на 10 см), перестраивали свое поведение при предложении разделить деньги: исследователи обнаружили, что участники с более высокими аватарами предлагали значительно больше несправедливых сделок (в свою пользу), чем участники с более низкими аватарами. Участники с более высокими аватарами также значительно чаще отклоняли несправедливое предложение со стороны партнера, чем участники с более низкими аватарами [там же, с. 18]. Поскольку это было исследование, предполагающее парную интеракцию, авторы не экстраполируют полученные выводы на всю интернет-среду.

Говоря о втором случае и продолжая тему экспериментов в социально-гуманитарных науках, необходимо упомянуть исследование, описанное в статье «Using deepfakes for experiments in the social sciences - A pilot study», в котором авторы делятся опытом использования технологии Deepfake, позволяющей изменить лицо человека из видео на любое другое в эксперименте. Здесь цифровое тело, а именно лицо, сконструировано исследователями и не привязано ни к какой реально существующей личности. Безусловно, данная технология несет в себе и некоторые угрозы и может использоваться в преступных целях (исследовательница М. Вестерлунд говорит о следующих неэтичных целях создания видео благодаря данной технологии: порнография, издевательства, политический саботаж, лживые новости [16, с. 40]), однако она может быть использована и в научных целях. Исследователи создали два видео с применением Deepfake, на одном из которых был преподаватель физически менее привлекательный, чем на другом, и предложили студентам оценить презентацию, преподавателя и само видео. Как более компетентного студенты оценили преподавателя с менее привлекательной внешностью [12]. Стоит заметить, что исследователи не проводили дополнительных замеров (или не описывали их), чтобы доказать, какое из представленных в эксперименте лиц более привлекательное, что ставит под сомнение полученные результаты, однако не делает описанную идею и способ ее реализации менее интересными. Одно из решений проблемы определения привлекательности предлагают исследователи Н. Йи и Дж. Бейлисон: в своей статье они описывают методику отнесения тех или иных персонажей к более привлекательным и менее привлекательным за счет введения эмпирических индикаторов, по которым объекты (персонажи) оценивались субъектами [17]. Использование сконструированных цифровых тел в исследованиях, касающихся привлекательности, представляется более этичным, т. к. оно не связано с достоинством и чувствами участников. Среди прочего необходимо отметить, что обе группы авторов привлекали для исследования студентов, как наиболее доступную для пилотажа группу.

В третьем случае цифровые тела или тела в цифровом пространстве выступают посредниками между участниками исследований, позволяющими в некоторой степени нивелировать пространственную разобщенность. Дж. Лин и М. Латошик ссылаются на два исследования: «Being yourself to be creative: How self-similar avatars can support the generation of original ideas in virtual environments» (M. Marinussen and A. de Rooij) и «The effect of operating a virtual doppleganger in a 3D simulation,» (G. Lucas, E. Szablowski, J. Gratec, A. Feng,

Т. Huang, J. Boberg и др.) [14], доказывающих, что использование персонализированного аватара может поддерживать генерацию творческих идей, а также повышать вовлеченность участников. Использование технологий VR, если они продолжают развиваться, помогут в значительной степени проведению, например, фокус-групп, позволяя собраться в одном пространстве (пусть и виртуальном) всем информантам, вне зависимости от их места проживания или работы.

Таким образом, использование цифровых тел в социологических исследованиях может облегчить организацию некоторых методов, сократить расходы в долгосрочной перспективе и позволит сгладить основные этические вопросы. В связи с тем, что данное направление только развивается и во многих вопросах является неапробированным, представляется целесообразным начинать внедрение упоминаемых технологий с исследований молодежных, в частности студенческих групп.

Библиографический список

1. Богомякова Е.С. Цифровой образ тела пользователей устройств для селф-трекинга // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2023. Т. 16, № 2. С. 183–196. DOI: 10.21638/spbu12.2023.205 EDN: DSJGEQ
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М.: ПОСТУМ, 2015. 240 с.
3. Горбунова Д.А. Тело и город: представление о городском пространстве в бодипозитивных блогах в «Инстаграме» // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2020. № 4. С. 71–82. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-4-71-82 EDN: VJKZRV
4. Информационное общество в Республике Беларусь: статистический сборник / Е.И. Кухаревич, Ж.Н. Василевская, Н.В. Тарасюк и др.; под общ. Ред. И.В. Медведевой. Минск, 2023. 64 с. URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/d44/ddoksj66lofh3z4av92roxxilg3scvwg.pdf> (дата обращения: 27.06.2025).
5. Лукьянова Н.А., Шавлохова А.А. Цифровое тело как образ будущего: анализ визуальных процессов конструирования // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2020. № 6(31). С. 26. DOI: 10.34680/2411-7951.2020.6(31).26 EDN: JMBVYU
6. Назарова Ю.В. Этика посмертия в условиях цифровой реальности // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2021. № 2(38). С. 31–38. DOI: 10.22405/2304-4772-2021-1-2-31-38 EDN: VXTIFR
7. Национальный статистический комитет Республики Беларусь: Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 1998–2024. URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/rubric-info/1063268> (дата обращения: 27.06.2025).
8. Олещенко Е.А. Отношения тела и пространства в цифровой реальности (на примере 3D хореографических фильмов) // Вестник Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой. 2022. № 1(78). С. 141–159. EDN: FPMHPS
9. Федосеева Р.Р., Егармин А.Е. Цифровые аватары и коммуникация в цифровой среде // Научно-технические инновации и веб-технологии. 2022. № 1. С. 84–88. EDN: QGBMOX
10. Шурко А.В. Сущность понятия цифровое тело сквозь призму социальной интеракции // Молодежь в науке – 2024: тезисы докладов XXI Международной научной конференции молодых ученых, Минск, 29–31 октября 2024 г. В двух частях. Ч. 1. Аграрные, биологические, гуманитарные науки и искусства / Национальная академия наук Беларуси, Совет молодых ученых; редкол.: В. Г. Гусаков (гл. ред.) [и др.]. Минск: Беларуская навука, 2024. С. 860–862.
11. Biruk C. Trans Embodiment, Fitness Wearables and the Queer Pleasures of Datafication // Body & Society. 2024. Vol. 30, No. 1. P. 55–82. DOI: 10.1177/1357034x231216866 EDN: QOPDGH
12. Eberl A., Kühn J., Wolbring T. Using deepfakes for experiments in the social sciences – A pilot study // Frontiers in Sociology. 2022. Vol. 7. Art. 907199. DOI: 10.3389/fsoc.2022.907199 EDN: WVCIGD
13. Groenevelt I., Haan S. De., Slatman J. Doing Bodies in YouTube Videos about Contested Illnesses // Body & Society. 2022. Vol. 28, No. 4. P. 28–52. DOI: 10.1177/1357034x221134436 EDN: WNHQOG
14. Lin J., Latoschik M.E. Digital body, identity and privacy in social virtual reality: A systematic review // Frontiers in Virtual Reality. 2022. Vol. 3. Art. 974652. DOI: 10.3389/frvir.2022.974652 EDN: IEPDUL
15. Lindfors A. Between Self-Tracking and Alternative Medicine: Biomimetic Imaginary in Contemporary Biohacking // Body & Society. 2024. Vol. 30, No. 1. P. 83–110. DOI: 10.1177/1357034x231218413 EDN: MYIPPI
16. Westerlund M. The emergence of deepfake technology: A review // Technology innovation management review. 2019. Vol. 9, № 11. P. 39–52. DOI: 10.22215/timreview/1282
17. Yee N., Bailenson J.N., Ducheneaut N. The Proteus effect: Implications of transformed digital self-representation on online and offline behavior // Communication Research. 2009. Vol. 36, № 2. P. 285–312. DOI: 10.1177/0093650208330254

УДК 811.134.2: 316

EDN DCVDAS

DOI: 10.17072/2949-5601-2025-3-20-27

Грицай Людмила Александровна,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории педагогики
Ярославский государственный педагогический университет
имени К.Д. Ушинского
150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
usan82@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3156-4074
SPIN-код: 9447-8656

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В МЕДИАКОНТЕНТЕ: ВЛИЯНИЕ ТИКТОК-БЛОГЕРОВ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ ПОДРОСТКОВ

Современное медиапространство оказывает все более осязаемое влияние на формирование политического сознания молодежи: особенно активным каналом социализации становится платформа TikTok, где видеоблогеры используют разнообразные формы визуального и вербального контента для манипулятивного воздействия. Цель настоящего исследования – выявить формы и механизмы воздействия тикток-контента на политические установки подростков в возрасте от 13 до 17 лет, методологическая основа работы включает онлайн-анкетирование (n = 20) с элементами глубинного анализа ответов, участники опроса представляли собой подростков из разных регионов РФ, опрошенных анонимно через Яндекс.Формы. Результаты показывают, что более 80% подростков ощущают влияние TikTok на свои политические взгляды, а 70% выражают доверие к блогерам, нередко критикующим государственные институты, при этом ключевые механизмы воздействия включают мем-контент, провокационные высказывания, коллаборации, челленджи и эмоциональную драматургию. Исследование выявляет высокий уровень уязвимости подростковой аудитории к политической манипуляции и снижение доверия к традиционным источникам авторитета – родителям, педагогам, государству; сделаны выводы о необходимости медиаобразования и разработки этически выверенной цифровой политики в отношении несовершеннолетних пользователей социальных платформ.

Ключевые слова: TikTok, политическая социализация, подростки, медиавлияние, видеоблогеры, манипуляции, цифровое поведение, протестная идентичность, гражданская активность.

Ссылка для цитирования: Грицай Л.А. Манипулятивные практики в медиаконтенте: влияние тикток-блогеров на политические установки подростков // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 3(14). – С. 20–27. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-3-20-27> EDN DCVDAS

Lyudmila A. Gritsai,

PhD of Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Theory and History of Pedagogy,
Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky
108/1, Respublikanskaya str., Yaroslavl, Russia, 150000

usan82@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3156-4074

SPIN code: 9447-8656

MANIPULATIVE PRACTICES IN MEDIA CONTENT: THE INFLUENCE OF TIKTOK BLOGGERS ON THE POLITICAL ATTITUDES OF TEENAGERS

The modern media space is having an increasingly tangible impact on the formation of the political consciousness of young people: the TikTok platform is becoming a particularly active channel of socialization, where video bloggers use various forms of visual and verbal content for manipulative influence. The purpose of this study is to identify the forms and mechanisms of the impact of TikTok content on the political attitudes of adolescents aged 13 to 17 years, the methodological basis of the work includes online questionnaires (n=20) with elements of in-depth analysis of responses, the survey participants were teenagers from different regions of the Russian Federation, interviewed anonymously through Yandex.Forms. The results show that more than 80% of teenagers feel TikTok's influence on their political views, and 70% express confidence in bloggers who often criticize government institutions. Key mechanisms of influence include meme content, provocative statements, collaborations, challenges, and emotional drama. The study reveals a high level of vulnerability of the teenage audience to political manipulation and a decrease in trust in traditional sources of authority – parents, teachers, and the state. Conclusions are drawn about the need for media education and the development of an ethically sound digital policy towards underage users of social platforms.

Keywords: TikTok, political socialization, teenagers, media influence, video bloggers, manipulation, digital behavior, protest identity, civic engagement.

For citation: Gritsai L.A. [Manipulative practices in media content: the influence of TikTok bloggers on the political attitudes of teenagers]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 3 (14), pp. 20–27 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-3-20-27>, EDN DCVDAS

Введение

Современная подростковая аудитория все чаще получает информацию не из традиционных СМИ или образовательных источников, а через социальные платформы. Одной из наиболее популярных таких платформ выступает TikTok: данная цифровая среда представляет собой пространство, где видеоблогеры активно формируют политическую повестку, используя приемы манипуляции, эмоционального заражения и вовлечения. Особую тревогу вызывает то, что именно TikTok часто становится для подростков основным каналом получения политической информации, при этом критическое восприятие контента у данной возрастной группы еще не сформировано.

Актуальность исследования определяется растущим числом политически окрашенных видеороликов в TikTok и возрастанием доверия молодежи к блогерам, выступающим с критикой власти, осуждением действий государства и призывами к протестной активности.

Цель исследования – выявить характер и формы манипулятивного влияния тикток-блогеров на политические установки подростков 13–17 лет, что позволило сформулировать исследовательские вопросы: какие формы медиаконтента оказывают наибольшее влияние на подростков? Какие стратегии манипуляции используются блогерами в TikTok? Как подростки воспринимают и интерпретируют политическую информацию, полученную через платформу?

Методы исследования

Исследование носило эмпирический характер, в качестве инструмента использовалась анонимная анкета из 20 вопросов, разработанная на основе принципов медиапсихологического анализа и размещенная в Яндекс.Формах; участниками стали 20 подростков (13–17 лет) из различных регионов РФ; нами не учитывался пол, анкета не запрашивала данные о месте проживания, использовались как закрытые, так и полуструктурированные вопросы, дополнительно проводился качественный анализ свободных ответов, данные обрабатывались количественно (в процентах) и интерпретировались с позиции теории манипулятивного воздействия и политической социализации молодежи.

Результаты исследования и их обсуждение

Теоретический анализ научных источников по изучаемой теме выявляет комплексное взаимодействие между технологическими особенностями цифровых платформ, психосоциальными характеристиками подростковой аудитории и многоуровневыми стратегиями воздействия, реализуемыми через медийную активность инфлюенсеров в TikTok и аналогичных социальных сетях.

Современные исследования подчеркивают, что ключевым фактором влияния блогеров на подростков является отсутствие нормативного регулирования медиаконтента, ориентированного на подростковую аудиторию. Так, Ж.О. Султанова отмечает, что блогеры, находящиеся в эпицентре медиамейнстрима, задают поведенческие ориентиры и формируют ценностные установки, которые молодые пользователи не подвергают критической рефлексии, а воспринимают как должное. Автор подчеркивает, что такая динамика взаимодействия между инфлюенсером и тинейджером, лишенным зрелых когнитивных фильтров, способствует устойчивому закреплению политических, культурных и даже поведенческих шаблонов [9, с. 175].

С позиций медиапсихологии, воздействие на политическое сознание подростков осуществляется через эмоционально-насыщенные и визуально-доминирующие формы подачи информации. М.Е. Максимова справедливо указывает, что TikTok, являясь высоко персонализированной платформой, использует алгоритмы, формирующие у пользователей информационные пузыри, в которых исключается альтернативное мнение и происходит интенсивное закрепление уже имеющихся взглядов [6, с. 309]. При этом эмоциональная насыщенность, визуальные эффекты и использование популярных музыкальных сопровождений, характерные для TikTok-контента, формируют мощную суггестивную среду, в которой политические идеи легко маскируются под развлекательный контекст, превращаясь в идеологические маркеры, незаметно внедряемые в сознание подростков.

М.А. Бурда и А.С. Порошина рассматривают TikTok как принципиально новый инструмент политической коммуникации, подчеркивая, что его эффективность обусловлена не только популярностью среди подростков, но и возможностью органичного встраивания идеологических посылов в структуры повседневного цифрового поведения [1, с. 3], что подтверждается анализом активности таких фигур, как К. Собчак и Е. Мизулина, чьи TikTok-аккаунты используют высокоэмоциональные и меметические форматы контента для воздействия на установки и вовлеченность подростков в политические практики [6, с. 310].

Рассматривая манипулятивные аспекты медиадискурса, М.В. Плотникова аргументирует, что видеоконтент TikTok представляет собой креолизированный поликодовый текст с доминирующим акустическим кодом, обладающим высокой степенью воздействия на эмоционально-когнитивную сферу пользователя, а акцент на музыкальную составляющую и символические элементы протестного дискурса позволяет говорить о скрытой суггестии, реализуемой через эстетически привлекательные, но содержательно идеологизированные медиасообщения [7, с. 20]. Таким образом, видеоконтент выступает не только как средство развлечения, но и как инструмент формирования политических идентичностей, действующих в условиях постправды и деформации традиционных механизмов критического мышления.

Психосоциологические характеристики подростковой и молодежной аудитории, как утверждает Н.Б. Кожевников, способствуют высокой степени внушаемости и потребности в авторитетных фигурах, которых блогеры успешно имитируют за счет доступности и постоянного присутствия в цифровом пространстве [5, с. 399]. Более того, блогеры, обладая высокой степенью доверия со стороны подписчиков, способны формировать и ретранслировать идеологически окрашенные взгляды, оставаясь при этом вне поля официальной политической ответственности, что превращает их в ключевых посредников в процессе политической социализации, особенно в условиях ослабления традиционных институтов воспитания – семьи и школы [4].

Результаты эмпирических исследований, проведенных А.А. Румянцевой, подтверждают, что блогеры оказывают влияние на мировоззренческие установки подростков за счет применения манипулятивных техник, таких как использование «естественного» повествования, апелляция к эмоциям, подмена аргументации личным мнением и репрезентация социальных норм через визуальные символы [8, с. 42]. Таким образом, манипулятивные практики блогеров формируют у подростков искаженное представление о политической реальности, снижая критическое восприятие и усиливая эффект групповой идентификации.

В данном контексте необходимо отметить исследование Е.В. Вожовой, указывающей на то, что блогеры, создавая иллюзию равенства и доступности в цифровом пространстве, реализуют влияние, близкое к ролевому моделированию, в рамках которого подписчики перенимают не только стиль поведения, но и идейно-ценностные ориентиры [2, с. 115]. Такая форма подражания, по сути, является результатом

символического обмена, в котором юный зритель получает идентичность «информированного» участника социальной жизни в обмен на лояльность к транслируемым взглядам.

Отдельное внимание следует уделить результатам исследования А.Г. Филиповой, согласно которым подростки, находящиеся в процессе формирования ценностных ориентиров, испытывают значительные трудности в различении достоверной и манипулятивной информации, что создает высокий риск принятия политически ангажированных суждений за объективную истину [10, с. 11]. Влогинг в данном случае выступает как симулякр социальной реальности, в которой рефлексивное мышление подменяется эмоциональным резонансом и визуальной убедительностью.

Таким образом, анализ научных источников позволяет утверждать, что манипулятивные практики блогеров оказывают комплексное воздействие на политические установки подростков, эксплуатируя как когнитивные особенности возрастной группы, так и технические возможности различных цифровых платформ: алгоритмическая персонализация, визуально-эмоциональная насыщенность, интерактивность, символическое моделирование и использование доверия к инфлюенсерам – все это формирует новую парадигму политической социализации, в которой границы между развлечением и идеологическим воздействием практически стираются.

Следует отметить, что в условиях стремительно развивающейся цифровой среды, в которой TikTok занимает лидирующие позиции как в мире, так и в России, становится очевидным, что данная платформа перестала быть исключительно пространством для развлекательного контента, трансформировавшись в важнейший канал политической социализации и вместе с тем манипулятивного влияния на сознание подростков. Высокий уровень вовлеченности подростковой и молодежной аудитории (79% активно использующих платформу, из которых 23% – ежедневно) [3, с. 408] в сочетании с визуально-динамичным, эмоционально нагруженным форматом подачи информации создает уникальные условия для внедрения политически окрашенных установок, которые, несмотря на отсутствие официальной этикетки пропаганды, обладают значительным суггестивным потенциалом.

Одним из ярко выраженных векторов манипулятивного воздействия со стороны популярных блогеров в TikTok является формирование устойчивого недоверия к официальным институтам власти. Так, через многочисленные ролики, обильно насыщенные иронией, сарказмом, меметической визуальной символикой и вызывающей музыкальной подложкой, ретранслируется нарратив о власти как чуждой, враждебной, лицемерной структуре, оторванной от интересов народа и, прежде всего, подростков, поэтому типичными становятся высказывания о том, что государственная машина рассматривает молодежь исключительно как ресурс – «пушечное мясо», предназначенное для участия в боевых действиях, что активно обсуждается в видеоконтенте с использованием тревожных образов и ретравматизирующих видеорядов. Такие утверждения сопровождаются либо визуальной драматургией (черно-белые фильтры, надписями в духе «тебя ждет мобилизация»), либо комично-гротескными сценами, направленными на высмеивание патриотической риторики, тем самым снижая ее значимость и авторитет в глазах молодых зрителей.

Второй устойчивый нарратив, продвигаемый рядом блогеров, касается темы так называемого «репродуктивного рабства», выражающегося в интерпретации государственной демографической политики как насильственного посягательства на телесную автономию и жизненные планы подростков, распространены видео, в которых блогеры иронизируют над инициативами по выплате материнского капитала, представляя их как попытку «купить» лояльность и подчинение молодого поколения в обмен на рождение детей. Этот дискурс особенно активно представлен в аккаунтах, ориентированных на феминистскую и либеральную аудиторию, где ролики сопровождаются слоганами вроде «Мое тело – мое дело», «Твое тело – не государственная собственность» и прочими визуально подкрепляемыми образами, символизирующими контроль или утрату свободы.

Наряду с этим в медиадискурсе TikTok активно эксплуатируется идея тотального наступления государства на личные свободы, где ключевой акцент делается на предполагаемое грядущее ограничение интернета и цифровых прав молодежи, протестная риторика часто формируется вокруг месседжей о превращении России в «вторую Северную Корею», что подается через ролики с драматической визуализацией отключенного Wi-Fi, мрачных пейзажей, звуковых эффектов тревоги и сравнительных вставок с северокорейской хроникой, это создает эмоционально насыщенную картину «цифрового апокалипсиса», в которой государство предстает в образе тоталитарной структуры, стремящейся к изоляции граждан и контролю над всеми аспектами их жизни.

Одним из наиболее заметных трендов является установка на безусловное преклонение перед западными образцами политического и общественного устройства. Многие блогеры, не обладая

политологическим образованием и не апеллируя к научным категориям, транслируют упрощенные дихотомии: «Запад – свобода, Россия – диктатура», сопровождая это личными историями эмиграции, нарративами о «пробуждении сознания» за границей, видеороликами с хештегами. Эти установки активно ретранслируются в комментариях, создавая эффект цифровой эхо-камеры, в которой участники взаимно усиливают антисистемные настроения, постепенно закрепляя у пользователей восприятие «западного мира» как единственно возможного идеала для подражания.

Анализируя мотивацию и возможную бенефициарную сторону подобного медийного давления, нельзя исключать вероятность целенаправленного формирования протестной идентичности среди подростков через платформу TikTok в интересах внешнеполитических игроков. В рамках глобального медиапространства неоднократно поднимались вопросы о манипулятивном использовании алгоритмов этой платформы в разных странах мира. Исходя из этого, возникает необходимость задуматься о стратегических последствиях информационного воздействия, осуществляемого не всегда прозрачно и однозначно, т. к. управление вниманием подростков через соцсети становится эффективным инструментом «мягкой силы» и может быть использовано не только в целях внутренней мобилизации, но и для целенаправленного разрушения легитимности власти в иных государствах. Рассмотрим данные манипулятивные стратегии в виде таблицы.

Таблица 1. Манипулятивные стратегии TikTok и их влияние на политическое сознание и поведение подростков

Манипулятивная стратегия	Формы выражения в TikTok	Влияние на политическое сознание
Формирование недоверия к власти	Ироничные ролики, мемы, насмешки над официальными лицами	Формирование негативного образа власти и лидера страны
Наратив о молодежи как о «пушечном мясе» для власти	Черно-белые видео, драматизация	Создание страха перед мобилизацией и службой
Идея «репродуктивного рабства»	Видео с цепями, метафорами контроля	Недоверие к демографической политике и семейным инициативам
Угроза утраты цифровых свобод	Видео с отключенным Wi-Fi, мрачной музыкой, кадры Северной Кореи	Убеждение в приближении цифровой диктатуры
Идеализация Запада и дихотомия «Россия – диктатура»	Хештеги, сравнение с «цивилизованным миром»	Подрыв патриотической идентичности, ориентация на внешние образцы
Использование мемов и сатиры	Юмор, визуальные пародии, насмешки над патриотизмом	Снижение доверия к официальному дискурсу через смех
Создание эхо-камер и цифровых сообществ	Комментирование и поддержка антивластных позиций в комментариях	Радикализация мнений внутри цифрового сообщества
Апелляция к личным историям эмиграции	Рассказы о жизни за границей, «пробуждение сознания»	Мотивация к эмиграции, отторжение внутренней политики
Манипуляция через тревожные визуальные образы	Использование тревожной музыки, драматический видеоряд	Усиление эмоциональной тревожности и недоверия
Формирование протестной идентичности	Челленджи, хэштеги, участие в акциях гражданского неповиновения	Побуждение к протестному поведению

Таким образом, TikTok оказывается не просто площадкой для обмена контентом, но пространством формирования когнитивных и ценностных установок, где блогеры формируют протестную субъектность подростков, используя при этом механизмы, имитирующие органичную цифровую среду. Это требует серьезного осмысления с точки зрения информационной безопасности, когнитивного иммунитета граждан и устойчивости национального политического суверенитета.

Для того, чтобы выявить формы и механизмы воздействия тикток-контента на политические установки подростков в возрасте от 13 до 17 лет, нами было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 20 подростков, анонимный опрос проведен с помощью Яндекс.Форм, географический регион респондентов намеренно не указывался, что позволило сосредоточиться на возрастных и поведенческих особенностях молодежной аудитории. Исследование включало 20 вопросов, направленных на выявление потребительского поведения, мотивации и восприимчивости подростков к политически окрашенному медиаконтенту в TikTok, дополнительно были проведены глубинные интервью с частью респондентов, чтобы зафиксировать эмоциональные и когнитивные аспекты потребления подобного контента. Основные результаты опроса представлены в табл. 2.

Таблица 2. Основные результаты опроса подростков

№	Вопрос	Ответы и проценты
1	Используешь ли TikTok ежедневно?	Да – 90,0% (18 чел.); Нет – 10,0% (2 чел.)
2	Сколько времени проводишь в TikTok в день?	Менее 2 часов – 30,0% (6 чел.); 2–4 часа – 60,0% (12 чел.); Более 4 часов – 10,0% (2 чел.)
3	Какой контент ты чаще смотришь? (вопрос предполагал несколько вариантов ответа)	Развлекательный – 80,0% (16 чел.); Политический – 50,0% (10 чел.); Образовательный – 20,0% (4 чел.)
4	Подписан ли ты на блогеров, которые обсуждают политику?	Да – 70,0% (14 чел.); Нет, но вижу в ленте – 20,0% (4 чел.); Не интересуюсь – 10,0% (2 чел.)
5	Доверяешь ли ты блогерам, критикующим власть?	Да – 70,0% (14 чел.); Не уверен – 20,0% (4 чел.); Нет – 10,0% (2 чел.)
6	Почему ты доверяешь блогерам? (вопрос предполагал несколько вариантов ответа)	«Говорят откровенно» – 50,0% (10 чел.); «Похожи на нас» – 40,0% (8 чел.); «Не боятся» – 50,0% (10 чел.)
7	Влияет ли TikTok на твоё мнение о политике?	Да – 10,0% (2 чел.); Не уверен – 80,0% (16 чел.); Нет – 10,0% (2 чел.)
8	Как ты оцениваешь отношение власти к молодежи?	Власть далека – 60,0% (12 чел.); Нейтрально – 20,0% (4 чел.); Заботится – 20,0% (4 чел.)
9	Обсуждаешь ли ты политику в TikTok?	Иногда обсуждаю – 60,0% (12 чел.); Только читаю – 30,0% (6 чел.); Нет – 10,0% (2 чел.)
10	Видел ли ты видео с призывами к протестам или митингам?	Да – 70,0% (14 чел.); Нет – 10,0% (2 чел.); Только слышал – 20,0% (4 чел.)
11	Возникало ли у тебя желание пойти на митинг?	Да – 30,0% (6 чел.); Нет – 50,0% (10 чел.); Категорически против – 20,0% (4 чел.)
12	Как ты относишься к армии и защите государства?	Негативно – 20,0% (4 чел.); Нейтрально – 60,0% (12 чел.); Поддерживаю – 20,0% (4 чел.)
13	Чувствуешь ли ты вину за действия страны?	Да – 20,0% (4 чел.); Нет – 50,0% (10 чел.); Затрудняюсь – 30,0% (6 чел.)
14	Обсуждаешь ли ты политику с родителями и учителями?	Не обсуждаю – 70,0% (14 чел.); Обсуждаю, но не доверяю – 20,0% (4 чел.); Обсуждаю и доверяю – 10,0% (2 чел.)
16	Как ты оцениваешь политический контент в TikTok?	Честный – 60,0% (12 чел.); Манипулятивный – 30,0% (6 чел.); Пропагандистский – 10,0% (2 чел.)
17	Чувствуешь ли ты себя причастным после просмотра политических видео?	Да – 40,0% (8 чел.); Эмоциональный отклик – 30,0% (6 чел.); Нет – 30,0% (6 чел.)
18	Участвовал ли ты в политических челленджах?	Смотрел, но не участвовал – 70,0% (14 чел.); Не интересуюсь – 30,0% (6 чел.)
19	Кто тебе ближе – блогеры или авторитетные взрослые (учителя, родители, родственники)?	Блогеры – 60,0% (12 чел.); И те, и другие – 30,0% (6 чел.); Авторитетные взрослые – 10,0% (2 чел.)
20	Как ты проверяешь достоверность информации?	Интуитивно – 40,0% (8 чел.); По комментариям – 40,0% (8 чел.); В других источниках – 20,0% (4 чел.)

На основании результатов проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Абсолютное большинство респондентов (90%) ежедневно используют TikTok, при этом 60% проводят в приложении от 2 до 4 часов в день, а 10% – более 4 часов, что свидетельствует о высокой степени включенности подростков в медиасреду и значительном временном ресурсе, который они уделяют потреблению контента.

2. Наиболее востребованным является развлекательный контент, однако часть детей также смотрят политические материалы, что указывает на то, что политически окрашенный контент в TikTok становится неотъемлемой частью медиапотребления подростков.

3. Большинство респондентов подписаны на блогеров, освещающих политику, а еще 20% регулярно видят такой контент в ленте, при этом 70% выразили доверие к блогерам, критикующим власть, видеоблогеры воспринимаются как аутентичные и «свои» источники информации, в отличие от официальных лиц.

4. Лишь 10% прямо признали влияние TikTok на свои политические взгляды, однако 80% затруднились с ответом, что может свидетельствовать о неосознанной подверженности манипулятивному воздействию.

5. 60% подростков считают, что власть далека от молодежи, 20% выражают нейтральное мнение, и лишь 20% считают, что власть проявляет заботу, что демонстрирует недоверие к государственным институтам и разрыв в коммуникации между властью и молодым поколением.

6. Большинство подростков сталкивались с контентом, содержащим призывы к митингам (70%), а у 30% возникало желание участвовать в них, это подчеркивает активное присутствие протестных настроений в медиаполе TikTok.

7. Отношение к армии преимущественно нейтральное (60%), но негатив выразили 20%, а лишь 20% поддерживают. 20% чувствуют вину за действия страны, 30% – затруднились ответить, что может быть маркером внутренней тревожности и деформированного гражданского самосознания.

8. Большинство подростков (70%) не обсуждают политику с родителями и педагогами, еще 20% не доверяют им в этих вопросах, только 10% сохраняют доверие к взрослым, что указывает на слабую семейную и школьную социализацию в вопросах политического воспитания.

9. 60% считают политический контент в TikTok «честным», 30% – манипулятивным, и только 10% определяют его как пропагандистский: это подтверждает высокий уровень доверия к неофициальному контенту.

10. У 40% подростков возникает чувство причастности после просмотра политических видео, еще 30% испытывают эмоциональный отклик, таким образом, 70% аудитории вовлекаются эмоционально, что делает их особенно восприимчивыми к манипулятивным стратегиям.

11. Хотя прямого участие подростки не подтвердили, 70% респондентов наблюдают за политическими челленджами, что говорит о пассивной вовлеченности, которая при определенных условиях может перейти в активную фазу.

12. 60% подростков считают блогеров более близкими, чем родителей или учителей, а еще 30% ставят их в один ряд, лишь 10% признают авторитет исключительно взрослых: это свидетельствует о смещении ориентира в сторону цифровых лидеров мнений.

13. Наиболее распространенные способы проверки информации – интуитивный (40%) и опора на комментарии (40%), что указывает на слабую медийную грамотность.

Опрос показал, что TikTok выступает важным каналом политической социализации подростков, но также источником манипулятивного воздействия, формирование взглядов происходит преимущественно под влиянием блогеров, воспринимаемых как «своих» и «честных», а традиционные институты доверия (семья, школа, государство) теряют значимость. Учитывая высокую степень эмоциональной вовлеченности и доступность протестной риторики, существует риск развития некритичного восприятия и радикализации установок.

Заключение

Результаты исследования подтверждают высокую степень влияния медиаплатформы TikTok на политическое самоопределение подростков, основными каналами манипуляции выступают мем-контент (90%), провокационные высказывания (75%) и участие в челленджах и флешмобах (65%), 70% подростков заявили о доверии к блогерам, даже если те выражают критику в адрес государства.

Полученные данные свидетельствуют о снижении доверия к взрослым авторитетам (родителям, учителям) и одновременном росте восприимчивости к эмоционально насыщенному и оппозиционному контенту, что формирует риск устойчивого формирования протестной идентичности у молодежи без достаточной гражданской осведомленности.

Исследование подчеркивает необходимость внедрения программ медиаграмотности и этической регуляции контента, ориентированного на несовершеннолетнюю аудиторию в цифровых медиа.

Библиографический список

1. Бурда М.А., Порошина А.С. Социальная сеть «TIKTOK» как новый инструмент политической коммуникации в молодежной среде. М.: PolitBook, 2021. С. 2–6. EDN: CAEDZM
2. Вожова Е.В. Формирование мировоззрения подростков сквозь призму контента Интернет-блогеров // Устойчивость экосистем в условиях цифровой нестабильности: сборник трудов Международной научно-практической конференции, Симферополь, 30 мая 2022 года. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2022. С. 115–116. EDN EHBTDА
3. Грицай Л.А. Человеческий потенциал поколения Z: готовность к служению обществу и государству // Российское государство и общество: особенности современного состояния: материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 07 февраля 2025 года. Чебоксары: Новое время, 2025. С. 406–411. EDN: ZNQOGM
4. Домников А.С., Домникова С.В. Роль блогинга в формировании взглядов и убеждений подростков // Современное образование: от традиций к инновациям: сборник научных статей по результатам XII Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 23–24 марта 2017 года / под ред. Н.Г. Чаниловой, С.А. Пилюгиной. Саратов: Саратовский областной институт развития образования, 2017. С. 7–11. EDN ZCHIYD
5. Кожевников Н.Б. Интернет блоггинг как способ влияния на политическое сознание молодежи // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы III Международной научно-практической интернет-конференции: в 2-х частях, Вологда, 26–30 марта 2018 года. Ч. II. Вологда: Вологодский научный центр РАН, 2018. С. 397–401. EDN VWKLXC
6. Максимова М.Е. Механизмы и технологии воздействия на политическое сознание подростков на платформе TikTok // Молодой ученый. 2025. № 2 (553). С. 309–311. EDN: LMRADT
7. Плотникова М.В. Воздействующий потенциал дискурса «новых медиа» в молодежной среде (на примере социальной сети TikTok) // Вопросы управления. 2021. № 2(69). – С. 16–30. DOI: 10.22394/2304-3369-2021-2-16-30 EDN: MMONRL
8. Румянцева А.А. Роль блогеров в формировании сознания современной молодежи // Молодежный вестник УГАТУ. 2023. № 3(29). С. 41–44. EDN: TRHWVY
9. Султанова Ж.О. Проблемы влияния медиаконтента в Интернете на подростковую аудиторию (на примере современного блогерства) // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2022. Т. 22, № 10. С. 173–178. DOI: 10.36979/1694-500X-2022-22-10-173-178 EDN: WWUVUO
10. Филипова А.Г., Ардалянова А.Ю., Абросимова Е.Е. Видеоблогинг и современные подростки: опасности интернет-пространства // Теория и практика общественного развития. 2017. № 8. С. 9–13. DOI: 10.24158/tpor.2017.8.1 EDN: ZCQHPT

УДК [316.346.32+316.772.5:002]-053.6:303.425.2(476)

EDN DDUGVJ

DOI: 10.17072/2949-5601-2025-3-28-36

Воронина Снежана Николаевна,

младший научный сотрудник отдела социологии культуры

Институт социологии НАН Беларуси

220072, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2

snevoron@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4150-1090

SPIN-код: 9720-3683

ИНФОРМАЦИОННЫЕ НАВЫКИ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье исследуются особенности формирования информационных навыков молодежи Республики Беларусь в условиях современного динамичного информационного пространства. Цель заключается в выявлении уровня информационной грамотности молодежи Республики Беларусь. Работа основывалась на данных мониторингового исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси, с использованием республиканской выборки, являющейся репрезентативной по полу, возрасту, региону и типу населенного пункта проживания. В статье анализируются основные источники информации, используемые молодыми людьми, а также исследуется влияние социально-демографических характеристик респондентов на их предпочтения в выборе источников и тематического наполнения информации. В рамках проведенного исследования осуществлен анализ данных, полученных от респондентов в отношении их самооценки компетенций в области работы с информацией. На основе полученных ответов был рассчитан индекс самооценки информационной грамотности, показывающий, что более половины респондентов обладают средним уровнем информационных навыков. Полученные данные свидетельствуют о положительной корреляции между уровнем образования и уровнем информационных навыков, тогда как с возрастом наблюдается существенное снижение уровня информационной грамотности, что требует дальнейших научных исследований и разработки соответствующих образовательных стратегий.

Ключевые слова: город, информация, источники информации, молодежь, информационные навыки, индекс самооценки информационной грамотности.

Ссылка для цитирования: Воронина С.Н. Информационные навыки молодежи Республики Беларусь: современные вызовы и перспективы развития // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 3(14). – С. 28–36. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-3-28-36> EDN DDUGVJ

Snezhana N. Voronina,

Junior Research Fellow of the Department of Sociology of Culture,
Institute of Sociology, NAS of Belarus,
2 bld., 1, Surganova str., Minsk, Belarus, 220072
snevoron@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4150-1090

SPIN code: 9720-3683

INFORMATION SKILLS OF YOUTH IN THE REPUBLIC OF BELARUS: CURRENT CHALLENGES AND DEVELOPMENT PROSPECTS

The article examines the development of information skills among youth in the Republic of Belarus within the context of a rapidly evolving information landscape. The study aims to assess the level of information literacy among Belarusian youth. The research is based on monitoring data collected by the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, using a nationwide sample representative in terms of gender, age, region, and type of settlement. The paper analyzes the primary sources of information used by young people and explores the influence of socio-demographic characteristics on their preferences regarding information sources and thematic content. The study includes an analysis of respondents' self-assessed competencies in information processing. Based on their responses, an Information Literacy Self-Assessment Index was calculated, revealing that more than half of the respondents possess an average level of information skills. The findings indicate a positive correlation between educational attainment and information skills, whereas a significant decline in information literacy is observed with age. These results call for further research and the development of targeted educational strategies.

Keywords: information, information sources, youth, information skills, information literacy self-assessment index.

For citation: Voronina S.N. [Information skills of youth in the Republic of Belarus: current challenges and development prospects]. *Social'nye i humanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 3(14), pp. 28–36 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-3-28-36>, EDN DDUGVJ

Введение

В условиях динамичного развития информационно-коммуникационных технологий и глобальных процессов цифровизации современного общества молодежь Республики Беларусь сталкивается с многочисленными социокультурными вызовами, связанными с формированием и развитием информационных навыков. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа уровня информационной грамотности молодежи как ключевого фактора их социальной адаптации, активного участия в цифровом пространстве в условиях информационной эпохи.

Исследования современного белорусского информационного пространства представлены в работах А.М. Бельского [1], А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана, А.В. Посталовского, И.И. Бузовского [3], а также в коллективных междисциплинарных изданиях [4; 10].

В современном социокультурном контексте информация рассматривается как один из фундаментальных ресурсов, определяющих эффективность и успешность деятельности субъектов, что в свою очередь актуализирует необходимость совершенствования навыков работы с информацией.

В соответствии с повесткой дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. ЮНЕСКО была разработана стратегия по распространению грамотности среди молодежи и взрослых (2020–2025 гг.). В рамках указанного документа подчеркивается необходимость повышенного внимания к навыкам цифровой грамотности, а также обеспечения связи между грамотностью и другими компетенциями, такими как профессиональные навыки, а также медиа- и информационной грамотностью¹.

Анализ информационных компетенций в рамках цифровой грамотности населения Беларуси представлен в работах социологов О.В. Кобяка [6] и В.А. Симхович [9]. Оценка уровня осознанного и критического восприятия информации молодыми людьми отражена в работах К.П. Нейман [7].

Настоящее исследование направлено на выявление современных тенденций в развитии информационных компетенций молодежи, выявление факторов, определяющих уровень их информационной

¹ Стратегия ЮНЕСКО по распространению грамотности среди молодежи и взрослых (2020–2025 гг.) // UNESCO. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000371411_rus (дата обращения: 01.04.2025).

грамотности, а также на определение перспективных направлений совершенствования образования в области информационной грамотности с учетом социокультурных особенностей Республики Беларусь.

Методы

Представленные эмпирические данные основаны на результатах исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2022 г. (N = 1848 чел., N молодежи = 363 чел.¹) по республиканской выборке, репрезентативной по полу, возрасту, региону проживания, типу населенного пункта.

В рамках проведенного исследования осуществлен сравнительный анализ данных, полученных от респондентов в отношении их самооценки компетенций в области навыков работы с информацией. На основе анализа ответов респондентов был сформирован индекс самооценки информационной грамотности (далее – СИГ) для каждого участника исследования. Представленный индекс был рассчитан в соответствии с методикой, разработанной Исследовательской группой ЦИРКОН. Методика измерения медиаграмотности, изначально разработанная для Российской Федерации, показала свою состоятельность и при ее применении в других странах (Казахстане, Таджикистане, Узбекистане), что и послужило основной причиной выбора данной методики для ее адаптации к измерению уровня информационных навыков в Республике Беларусь [8; 5].

Индекс оценки навыков работы с информацией базировался на оценочных суждениях, характеризующих уровень компетентности респондентов в данной области. В таблице 1 представлен набор суждений, выступающих в качестве эмпирических индикаторов навыков работы с информацией. За согласие с каждым из суждений № 1–8 и несогласие с каждым из суждений № 9–12 респондентам присваивался один балл. Для каждого респондента рассчитывалась сумма полученных баллов – суммарное количество «релевантных» ответов. Значение индекса варьируется в диапазоне от 0 (отсутствие совпадений с «релевантными» ответами, что свидетельствует о полном отсутствии навыков работы с информацией) до 12 (полное совпадение с «релевантными» ответами, что указывает на высокую степень сформированности данных навыков).

Расчет индекса осуществлялся по формуле:

$$IND_I = N_1 + N_2 + N_3 + N_4 + N_5 + N_6 + N_7 + N_8 + N_9 + N_{10} + N_{11} + N_{12},$$

где N_1 – N_{12} – номера суждений, использованных в качестве эмпирических индикаторов измерения информационных навыков.

Таблица 1. Перечень суждений, используемых в качестве эмпирических индикаторов навыков работы с информацией [8, с. 103–104]

	Утверждения	«Релевантный» вариант ответа
1	Я легко и быстро могу найти любую информацию, которая мне нужна	согласен
2	Обычно я знаю, где (в каком источнике) я могу найти нужную мне информацию	согласен
3	Я часто сравниваю информацию из разных источников, чтобы ее проверить	согласен
4	Я легко определяю, какая информация содержит в себе рекламу	согласен
5	Есть те СМИ (телеканалы, газеты, журналы, радиостанции и т. д.), которым я доверяю, и те, которым я не доверяю	согласен
6	Я считаю, что чем больше разных источников информации, тем лучше	согласен
7	Чтобы оценить информацию из газет, журналов, ТВ, радио и т. п., я стараюсь узнать, чьи интересы представляет данное СМИ, кто за ним стоит	согласен
8	СМИ должны нести ответственность за некачественную информацию точно так же, как производитель несет ответственность за некачественный товар	согласен
9	Я верю тому, что пишут в газетах, говорят по телевидению и радио	не согласен
10	Я часто прошу родственников или знакомых найти нужную мне информацию	не согласен
11	Иногда я теряю время или деньги из-за неверной информации в СМИ	не согласен
12	Я часто испытываю усталость от большого количества информации	не согласен

¹ Под молодежью в данном исследовании понимается возрастная группа 18–30 лет согласно Закону Республики Беларусь «Об основах государственной молодежной политики».

По результатам расчета индекса СИГ все респонденты были разделены на следующие три группы в соответствии с распределением значений интегрального индекса:

- 1) низкий уровень навыков работы с информацией (0–5 баллов);
- 2) средний уровень навыков работы с информацией (6–8 баллов);
- 3) высокий уровень навыков работы с информацией (9–12 баллов) [там же].

Ввод данных был осуществлен в программе SPSS-Statistics, для анализа использованы методы дескриптивной статистики.

Результаты и обсуждение

Согласно Закону Республики Беларусь об информации, информатизации и защите информации, доступ к информации определяется как возможность получения информации и пользования ею. Пользователем информации является «субъект информационных отношений, получающий, распространяющий и (или) предоставляющий информацию, реализующий право на пользование ею»¹. Рассмотрим подробнее источники получения информации молодыми людьми в Беларуси².

Основным источником информации среди молодежи в Беларуси являются различные интернет-ресурсы (68,3%), а также социальные сети, которые используют 67,9% респондентов. Около половины респондентов (47,1%) указывают мессенджеры как основной канал получения информации. Кроме того, треть респондентов получают сведения преимущественно через личное общение. Наименее востребованными информационными ресурсами среди молодых людей являются пресса (8,3%), радио (7,9%) и книжные издания (7,5%) (рис. 1).

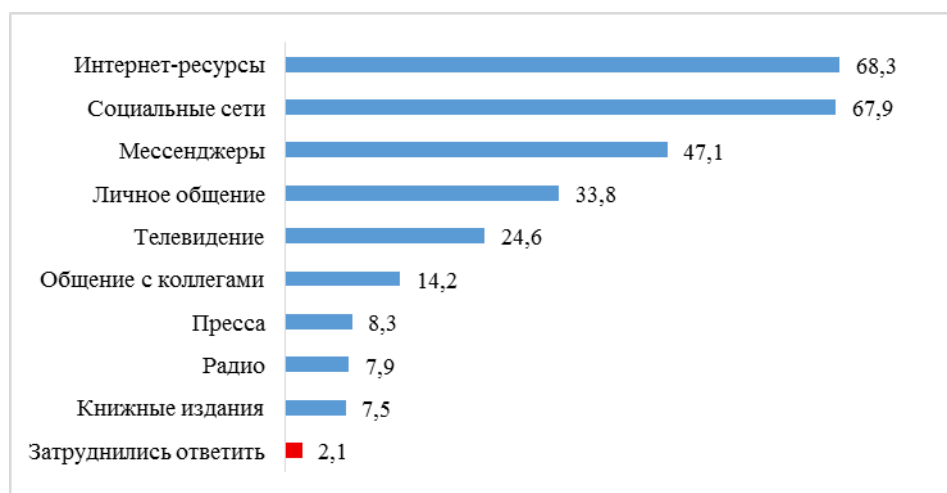

Рис. 1. Основные источники информации у молодежи Республики Беларусь (%)

В рамках исследования был произведен анализ влияния социально-демографических характеристик молодых людей на их предпочтения относительно выбора основного источника информации. Так, были установлены некоторые гендерные различия: мужчины несколько чаще в качестве основного источника информации используют интернет-ресурсы (76,9%, женщины – 60,2%), в то время как женщины чаще отдают предпочтение социальным сетям (72,4%, мужчины – 63,2%)³. Были выявлены статистически значимые различия относительно таких источников информации, как печатная пресса и мессенджеры⁴. Получают информацию из прессы преимущественно молодые люди, обладающие профессионально-техническим или средним специальным образованием (10,4%), а также имеющие высшее образование (10,5%). При этом мессенджеры как основной источник информации наиболее популярны у молодых людей с базовым образованием (62,5%,

¹ Закон Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10800455> (дата доступа: 10.12.2024).

² Данные об основных источниках информации у молодых людей в Беларуси и их тематических предпочтениях потребляемой информации основаны на результатах исследования Института социологии НАН Беларуси «Факторы доверия государственным средствам массовой информации в условиях трансформации медиапространства: медиаизмерения и социологический анализ», проведенного в августе-сентябре 2024 г. (N = 1353; N молодежи = 243) по республиканской выборке, репрезентативной по полу, возрасту, региону проживания.

³ V Крамера = 0,2; коэф. сопряж. = 0,2; p < 0,01.

⁴ V Крамера = 0,2; коэф. сопряж. = 0,2; p < 0,01.

с высшим образованием – 35,5%). Также можно отметить, что социальные связи (личное и профессиональное общение) в качестве источника информации чаще используют молодые люди с профессионально-техническим и средним специальным образованием либо высшим. При этом респонденты с базовым образованием не используют ресурсы профессионального взаимодействия для получения информации. Радио более популярно среди молодежи с базовым образованием. Следует отметить, что такой показатель, как тип населенного пункта проживания, не оказывает значимого влияния на выбор молодыми людьми источников получения информации (табл. 2).

Таблица 2. Основные источники информации у молодежи в Беларуси
в зависимости от уровня образования (%)

Источник информации	Уровень образования			
	Базовое (до 9 классов)	Среднее общее (11 классов)	Проф.-техническое, среднее специальное	Высшее
Телевидение	25,0	22,0	27,4	22,4
Радио	12,5	10,0	9,4	3,9
Пресса	0	2,0	10,4	10,5
Книжные издания	0	10,0	5,7	9,2
Интернет-ресурсы	50,0	78,0	58,5	77,6
Социальные сети	62,5	68,0	69,8	65,8
Мессенджеры	62,5	52,0	51,9	35,5
Личное общение	25,0	28,0	37,7	32,9
Общение с коллегами	0	8,0	16,0	17,1

Согласно данным исследования, молодые люди в Беларуси предпочитают преимущественно информационные источники развлекательного характера (75,0%). Значительная часть респондентов отдает предпочтение новостным (48,3%) и учебно-образовательным (42,5%) материалам. В то же время аналитическую информацию потребляют четверть опрошенных молодых людей, что свидетельствует об ограниченном интересе молодежи к более глубокому и комплексному информационному контенту (рис. 2).

Рис. 2. Тематика информационных предпочтений молодежи Республики Беларусь (%)

При анализе влияния социально-демографических характеристик на предпочтения в сфере потребления информационных материалов было установлено, что молодые люди, проживающие в городе, чаще потребляют аналитическую (26,1%, сельчане – 17,1%) и учебно-образовательную (44,2%, сельчане – 34,1%) информацию. Кроме того, выявлены гендерные различия: мужчины чаще отдают предпочтение аналитическим (29,1%, женщины – 20,3%) и новостным (53,0%, женщины – 43,9%) материалам, в то время как женщины чаще потребляют информацию развлекательного характера (80,5%, мужчины – 69,2%). Статистически значимое влияние на данный показатель оказывает уровень образования молодых людей: с повышением образовательного уровня возрастает спрос на аналитические, новостные и учебно-образовательные материалы¹ (табл. 3).

¹ V Крамера = 0,2; коэф. сопряж. = 0,2; p < 0,01.

Таблица 3. Тематические информационные предпочтения молодежи Республики Беларусь в зависимости от уровня образования (%)

Тип информации	Уровень образования			
	Базовое (до 9 классов)	Среднее общее (11 классов)	Проф.-техническое, среднее специальное	Высшее
Новостная	37,5	30,0	50,9	57,9
Аналитическая	25,0	18,0	18,9	36,8
Учебно-образовательная	12,5	54,0	33,0	51,3
Развлекательная	62,5	74,0	76,4	75,0

Следует подчеркнуть, что одним из ключевых направлений деятельности государственных средств массовой информации Республики Беларусь является реализация государственной молодежной политики. В рамках данной задачи Министерство информации осуществляет систематическую деятельность в сотрудничестве с соответствующими государственными органами, направленную на информационное сопровождение мероприятий, реализуемых в целях реализации различных аспектов молодежной политики.

Задачи по информационному обеспечению реализации государственной молодежной политики, а также духовно-нравственного и патриотического воспитания подрастающего поколения возлагаются преимущественно на молодежные средства массовой информации, редакции которых получают государственные субсидии из республиканского бюджета посредством Министерства информации Республики Беларусь. В настоящее время в структуре Министерства информации зарегистрировано шесть печатных и два электронных государственных средств массовой информации, ориентированных на молодежную аудиторию. В их числе газеты: «Знамя юности», «Чырвонка. Чырвоная змена», «Переходный возраст»; журналы: «Качели», «Бярозка», «Маладосць»; радиопрограмма «Пилот ФМ» и телепрограмма «Беларусь 2».

Для систематической работы в информационном пространстве организована деятельность ряда медиаресурсов. Так, основным государственным информационным ресурсом в сфере молодежной политики является портал «Молодежь Беларуси», где представлена информация по следующим основным направлениям: новости, образование и карьера, культура и творчество, общественная деятельность и волонтерство, здоровье и спорт, молодежные организации и объединения, государственная политика и права молодежи. Примером реализации информационной политики в медиaprостранстве является и ресурс Moladz.by, имеющий аккаунты в Telegram, Instagram, YouTube и TikTok.

Помимо доступа к информационным ресурсам, важным аспектом является наличие компетенций в области работы с информацией. В результате исследования было установлено, что большинство молодых людей в Беларуси обладают средним уровнем информационных навыков (57,2%). Высокий уровень информационных навыков продемонстрировали 20,6% респондентов, в то время как 22,2% обладают низким уровнем соответствующих компетенций (рис. 3).

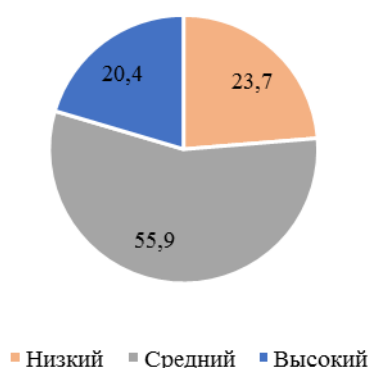

Рис. 3. Распределение респондентов по уровням информационных навыков (%)

Следует отметить, что распределение молодых людей по уровням информационных навыков значительно отличается от аналогичных показателей относительно всего населения – доля жителей Беларуси с низким уровнем информационной грамотности значительно больше и составляет 44,0%, в то время как со средним (39,2%) и высоким (16,8%) – значительно больше [2].

Анализ представленных данных свидетельствует о наличии положительной корреляции между уровнем образования молодых людей и степенью развития их информационных компетенций¹. В частности, группа молодых людей с высшим образованием составляет наибольшую долю респондентов с высоким уровнем навыков (23,6%), в то время как доля респондентов с низким уровнем информационных навыков составляет всего лишь 13%. В противоположность этому, среди молодых людей со средним общим образованием и профессионально-техническим или средним специальным образованием преобладают респонденты с низким уровнем владения информационными навыками – 32,9% и 28,8% соответственно (табл. 4)².

Таблица 4. Распределение респондентов по уровням информационных навыков в зависимости от уровня образования (%)

Уровень информационных навыков	Уровень образования			
	Базовое (до 9 классов)	Среднее общее (11 классов)	Проф.-техническое, среднее специальное	Высшее
Низкий	0	32,9	28,8	13,0
Средний	50,0	48,7	53,8	63,4
Высокий	50,0	18,4	17,3	23,6

Следует отметить, что такие социально-демографические характеристики респондентов, как тип населенного пункта проживания и пол, не оказывают существенного влияния на уровень информационных навыков.

При этом в рамках исследования было установлено, что по мере увеличения возраста респондентов уровень информационных навыков значительно снижается, в особенности после 50 лет³. Так, доля респондентов в возрасте до 30 лет с низким уровнем информационных навыков составляет 23,7%, в то время как в возрастных группах 50–64 года и старше 65 лет – 51,3% и 79,5% соответственно. Противоположная ситуация наблюдается относительно высокого уровня информационных навыков: среди молодых людей до 30 лет обладают данным уровнем компетенций 20,4%, а среди респондентов 50–64 лет и старше 65 лет – 12,9% и 4,9% соответственно (табл. 5).

Таблица 5. Распределение респондентов по уровням информационных навыков в разных возрастных группах (%)

Уровень информационных навыков	Возраст			
	До 30 лет	31–49 лет	50–64 лет	Старше 65 лет
Низкий	23,7	33,3	51,3	79,5
Средний	55,9	43,5	35,8	15,6
Высокий	20,4	23,2	12,9	4,9

В рамках данного исследования были рассчитаны индексные показатели⁴, которые наглядно иллюстрируют значимость представленных характеристик. Наиболее выраженные значения были зафиксированы в отношении уровня навыков молодых людей в области поиска необходимой информации (0,73) и знания источников, в которых данную информацию можно обнаружить (0,65). При этом высокую значимость для молодых людей имеет аспект ответственности медиаиндустрии за предоставление некачественной информации (0,64). В наименьшей степени для молодых людей характерно обращение к родственникам и знакомым за помощью в поиске необходимой информации (-0,49), а также потеря времени или денег из-за недостоверной информации в СМИ (-0,42) (табл. 6).

¹ V Крамера = 0,2; коэф. сопряж. = 0,2; p < 0,01.

² Респонденты, обладающие базовым уровнем образования, были исключены из анализа в связи с их малочисленностью (N = 8), что ограничивает возможность объективной интерпретации полученных данных.

³ V Крамера = 0,3; коэф. сопряж. = 0,4; p < 0,01.

⁴ Индекс принимает значение от «-1» до «+1» и был рассчитан по формуле: $((1*a) + (0,5*b) + (-0,5*c) + (-1*d) + (0*e))$, где a – процент по таблице, ответивших «доверяю»; b – процент по таблице, ответивших «скорее доверяю»; c – процент по таблице, ответивших «скорее не доверяю»; d – процент по таблице, ответивших «не доверяю»; e – процент по таблице, ответивших «затрудняюсь ответить». Чем ближе значение индекса к 1, тем более значимым является данный параметр.

Таблица 6. Индексные показатели оценки молодыми людьми своих навыков работы с информацией (индекс)

Утверждения	Индекс
Я легко и быстро могу найти любую информацию, которая мне нужна	0,73
Обычно я знаю, где (в каком источнике) я могу найти нужную мне информацию	0,65
СМИ должны нести ответственность за некачественную информацию точно так же, как производитель несет ответственность за некачественный товар	0,64
Я считаю, что чем больше разных источников информации, тем лучше	0,50
Я легко определяю, какая информация содержит в себе рекламу	0,50
Я часто сравниваю информацию из разных источников, чтобы ее проверить	0,46
Есть те СМИ (телеканалы, газеты, журналы, радиостанции и т. д.), которым я доверяю, и те, которым я не доверяю	0,42
Чтобы оценить информацию из газет, журналов, ТВ, радио и т. п., я стараюсь узнать, чьи интересы представляет данное СМИ, кто за ним стоит	0,20
Я верю тому, что пишут в газетах, говорят по телевидению и радио	0,01
Я часто испытываю усталость от большого количества информации	-0,06
Иногда я теряю время или деньги из-за неверной информации в СМИ	-0,42
Я часто прошу родственников или знакомых найти нужную мне информацию	-0,49

Заключение

По итогам исследования можно сделать вывод, что молодое поколение в Беларуси активно использует современные информационные ресурсы, преимущественно интернет и социальные сети, что обусловлено их доступностью и удобством. При этом предпочтения в выборе источников информации варьируются в зависимости от социально-демографических характеристик молодых людей (уровень образования, пол и место проживания). Значительная часть молодежи обладает средним уровнем информационных. Важной задачей государственной молодежной политики остается развитие информационной грамотности и критического мышления молодежи, а также повышение качества и ответственности медиаиндустрии в предоставлении достоверной информации.

Для повышения уровня информационных навыков молодежи Беларуси, исходя из полученных данных, рекомендуется реализовать комплексный подход, включающий следующие меры.

1. Развитие образовательных программ по информационной грамотности.

Создавать и внедрять специальные курсы и тренинги в образовательных учреждениях, направленные на развитие навыков поиска, оценки и использования информации, а также критического анализа источников.

2. Создание доступных и качественных информационных ресурсов.

Обеспечивать молодежь достоверной, актуальной и понятной информацией через государственные и негосударственные платформы, а также обучающие материалы на популярных медиаплощадках.

3. Поддержка молодежных инициатив и проектов по информационной грамотности.

Содействовать формированию молодежных сообществ, клубов и проектов, которые будут распространять знания и навыки работы с информацией среди сверстников, а также делиться пользовательским опытом и эффективными практиками.

4. Повышение ответственности медиаиндустрии.

Стимулировать медиа к более ответственному освещению информации, внедрять стандарты качества и проверки источников, что поможет укрепить доверие молодежи к информации и снизить риск дезинформации.

Реализация предложенных мер позволит значительно повысить уровень информационной грамотности молодежи и сделает их более устойчивыми к информационным вызовам современности.

Библиографический список

1. Бельский А.М. Национальное информационное пространство страны: трансформации медиаприоритетов белорусов // Социологический альманах: сб. науч. тр. / НАН Беларуси, Ин-т социологии. Минск, 2024. Вып. 15. С. 170–178. EDN: JYBNQS
2. Воронина С.Н. Навыки работы пожилых людей с информацией: на примере Республики Беларусь // Вести БГПУ. Сер. 2, История. Философия. Политология. Социология. Экономика. Культурология. 2023. № 3. С. 60–67. EDN: WRHPNS
3. Данилов А.Н., Ротман Д.Г., Посталовский А.В., Бузовский И.И. Особенности социологической диагностики информационного поля Республики Беларусь // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18, № 3. С. 383–403. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-383-403 EDN: RXXZYP
4. Дестабилизирующие факторы современности: социологический анализ / Д.Г. Ротман [и др.]; под ред. Д.Г. Ротмана, Д.М. Булышко. Минск: БГУ, 2020. 159 с.
5. Задорин И.В., Сапонова А.В. Сравнительный анализ индексов медиаграмотности в странах Центральной Азии // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2020. Т. 5, № 3. С. 63–84. EDN: JFJFNW
6. Кобяк О.В. Показатели цифровой компетентности населения Беларуси: опыт социологического моделирования // Социологический альманах: сб. науч. тр. / НАН Беларуси, Ин-т социологии. Минск, 2024. Вып. 15. С. 254–261. EDN: SGEQBU
7. Нейман К.П. Социализирующее воздействие традиционных СМИ и новых медиа на студенческую молодежь Союзного государства // Беларуская думка. 2024. № 8. С. 94–101.
8. Оценка текущего состояния и перспектив изменения уровня медиаграмотности населения Российской Федерации на основе национального мониторинга медиаповедения. Разработка критериев углубленной оценки медиаграмотности населения, включающей качество потребления информации: отчет о НИР (заключ.) // Социологическая мастерская Задорина; рук. И.В. Задорин. М., 2014. 123 с.
9. Симхович В.А. Цифровая грамотность населения Беларуси: социально-демографические характеристики // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2023. № 4. С. 11–20. DOI: 10.24412/1994-3776-2023-4-11-20 EDN: FHQEXM
10. Становление и развитие цифровой трансформации и информационного общества (IT) в Республике Беларусь / Р.Б. Григянец, С.В. Кругликов, Г.Н. Науменко [и др.]; под ред. В.Г. Гусакова. Минск: Беларус. навука, 2019. 226 с. ISBN: 978-985-08-2449-3 EDN: IRZFFA

УДК 316.346.32-053.6

EDN LLFGOF

DOI: 10.17072/2949-5601-2025-3-37-44

Куляй Елизавета Сергеевна,

стажер младшего научного сотрудника
Центра социологических и политических исследований
Белорусский государственный университет
220072, Беларусь, г. Минск, ул. Академическая, 25
lizakulay@outlook.com

Сысоева Мария Владиславовна,

стажер младшего научного сотрудника
Центра социологических и политических исследований
Белорусский государственный университет
220072, Беларусь, г. Минск, ул. Академическая, 25
SysoyevaMV@bsu.by

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ В КОММУНИКАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Цель исследования – раскрыть социальные сети как пространство коммуникации студенческой молодежи. Заявленная тема является актуальной, т. к. сегодня коммуникация в социальных сетях играет значительную роль в жизни многих людей. Виртуальное общение становится частью повседневности человека, оно внедряется в структуру образа жизни людей, переводя большую ее часть в онлайн-режим. Данная тенденция способствует развитию значительных трудностей, связанных с общением в реальной жизни. Среди таких проблем можно выделить замкнутость при коммуникации, стеснительность, тревогу, в некоторых случаях – страх. Возникновение таких чувств у человека свидетельствует о негативных последствиях виртуальной коммуникации. Задачи для реализации установленной цели: перечислить подходы к изучению социальных сетей, раскрыть понятие «социальные сети», охарактеризовать социальные сети в коммуникационном пространстве студенческой молодежи, раскрыть возможности использования социальных сетей в образовательной деятельности, описать влияние социальных сетей на процесс обучения и коммуникацию студентов, раскрыть возможности социологического изучения коммуникации студентов в социальных сетях. Описана проблема зависимости пользователей от социальных сетей. Показаны возможности применения социальных сетей в образовательном процессе. Охарактеризовано положительное и негативное влияние социальных сетей на процесс обучения и коммуникацию студентов. Описана проблема безопасности и этикета в социальных сетях. Областью возможного практического применения полученных результатов является их использование в образовательной и научной деятельности.

Ключевые слова: социальные сети, виртуальная коммуникация, студенческая молодежь, интернет, коммуникационное пространство.

Ссылка для цитирования: Куляй Е.С., Сысоева М.В. Социальные сети в коммуникационном пространстве студенческой молодежи // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 3(14). – С. 37–44. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-3-37-44> EDN LLFGOF

Elizaveta S. Kulyai,
Intern of a Junior Research Fellow
of the Center for Sociological and Political Studies
Belarusian State University
25, Akademicheskaya str., Minsk, Belarus, 220072
lizakulay@outlook.com

Maria V. Sysoeva,
Intern of a Junior Research Fellow
of the Center for Sociological and Political Studies
Belarusian State University
25, Akademicheskaya str., Minsk, Belarus, 220072
SysoyevaMV@bsu.by

SOCIAL NETWORKS IN THE COMMUNICATION SPACE OF STUDENTS

The purpose of the study is to reveal social networks as a communication space for students. This topic is relevant because social media communication plays a significant role in many people's lives today. Virtual communication is becoming a part of human daily life, it is being embedded in the structure of people's lifestyle, transferring most of it to online mode. This trend contributes to the development of significant difficulties associated with communication in real life. Such problems include closeness in communication, shyness, anxiety, and in some cases, fear. The emergence of such feelings in humans indicates the negative consequences of virtual communication. Tasks for the implementation of the established goal: to list approaches to the study of social networks, to reveal the concept of "Social networks", to characterize social networks in the communication space of students, to reveal the possibilities of using social networks in educational activities, to describe the influence of social networks on the learning process and communication of students, to reveal the possibilities of a sociological study of student communication in social networks. The problem of users' dependence on social networks is described. The possibilities of using social networks in the educational process are shown. The positive and negative impact of social networks on the learning process and communication of students is characterized. The problem of security and etiquette in social networks is described. The field of possible practical application of the obtained results is their use in educational and scientific activities.

Keywords: social networks, virtual communication, student youth, internet, communication space.

For citation: Kulyai E.S., Sysoeva M.V. [Social networks in the communication space of students]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 3(14), pp. 37–44 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-3-37-44>, EDN LLFGOF

В современном мире социальные сети имеют значительную популярность среди студенческой молодежи. Они «несут» в себе большое количество возможностей, благодаря которым учащиеся совершенствуют результаты своей учебной деятельности, а также поддерживают контакты со студентами своей и чужих университетских групп.

Существуют определенные причины, по которым студенческая молодежь старается поддерживать виртуальное общение друг с другом. Перечислим следующие из них [10].

- Возможность получения новых знакомств. Сегодня создается большое количество групповых чатов не только в рамках собственной студенческой группы, но и в рамках активистских организаций, общежития университета. В процессе общения с участниками чата пользователь может быть задействован в разговоре на интересующую его тему. В таких групповых беседах это всегда является достаточно уместным, потому что цель их создания – обсуждение актуальных тем для данного коллектива. В нем могут принять участие абсолютно все члены группового чата. На основе обсуждения различных проблем и событий, которые связаны с университетской жизнью, студенты сближаются между собой, находят другие общие темы для разговора. Нередко такие встречи перетекают из онлайн-формата в реальную жизнь. Таким образом, изначально коммуникация между студентами выстраивается на обсуждении вопросов обучения и активистской деятельности (т. к. это именно то, что связывает их в данный момент), но позже может выйти за их пределы. Если такое общение не переходит в формат дружбы, то обеспечивает наличие знакомств, которые позже могут быть полезны в учебной деятельности.

• Сплочение студенческой группы. Наличие онлайн-чата у группы студентов позволяет вести коммуникацию не только на тему учебы. По мере знакомства друг с другом одногруппники начинают обсуждать мероприятия, которые проходят в университете, общих знакомых, жизнь в студенческом общежитии и т. д. Через некоторое время такие темы «перетекают» в обсуждение событий, которые происходят за пределами университета. Участники группового чата могут делиться тем, что происходит у них в жизни. Все это свидетельствует о сближении учащихся между собой. Виртуальная коммуникация имеет особенное значение во время дистанционного обучения, которое может быть следствием, например, пандемии. Не имея возможности общаться между собой в реальном мире, студенты используют социальные сети. Без онлайн-коммуникации длительная отдаленность друг от друга может сыграть отрицательную роль в их взаимоотношениях.

Стоит отметить наличие нескольких чатов в рамках студенческой группы. Они могут включать в себя не всех студентов данной группы, а только ее часть. Такие виртуальные чаты могут создаваться на основе выполнения различных проектов, докладов и групповых заданий. Как следствие, такое общение может стать дружеским. Особенно это является возможным, если выполнение заданий от преподавателей выполняется группой, которая включает в себя одних и тех же студентов, что способствует более тесному взаимодействию между ними.

• Передача информации и коммуникация на тему учебы. Студенческая молодежь в первую очередь связана между собой учебной деятельностью, поэтому виртуальная коммуникация на ее основе выстраивается с меньшими усилиями, чем на другие темы. Это может быть общение не только о заданиях, но и о преподавателях, организации занятий, конференциях, литературе и т. п. Данные темы достаточно часто поддерживаются и при живой коммуникации между студентами, но в большей степени такой разговор характерен для одногруппников. Благодаря наличию групповых виртуальных чатов студенческих организаций, университетского общежития и т. д., такие темы можно обсудить и с другими учащимися.

В этого данного пункта также следует, что с помощью социальных сетей возможна передача информации и необходимых документов, связанных с учебной деятельностью. Особенно это является актуальным в позднее время, когда с другими студентами не всегда есть возможность встретиться и поговорить вживую.

• Передача информации о студенческих событиях/мероприятиях. В университетской среде проводится большое количество мероприятий как на уровне факультета, так и на уровне вуза в целом. Нередко происходит внезапное изменение таких событий, о чем необходимо оперативно извещать участников и гостей. Возможность сказать об этом вживую или позвонить имеется не всегда. Передача важных данных с помощью социальных сетей является достаточно быстрым и нетрудоемким способом.

• Некоторые студенты отдают предпочтение виртуальной коммуникации ввиду наличия трудностей при общении в реальной жизни [4, с. 55]. К таким трудностям можно отнести стеснительность, замкнутость, волнение и др. Они имеют больше возможностей выстроить хороший контакт с собеседником на базе социальных сетей. Такое общение может «перетечь» в реальную действительность.

Таким образом, социальные сети играют значительную роль в жизни студенческой молодежи. Они оказывают помощь не только в учебной деятельности, но и в социализации учащегося.

В современном мире в виртуальную коммуникацию включаются не только студенты, но и преподаватели. Это происходит постепенно, но старшее поколение начинает изучать возможности социальных сетей, выделять их плюсы и минусы. Они реализуют передачу необходимых документов, литературы и заданий, а также предоставляют информацию о предстоящих занятиях, отвечают на интересующие студентов вопросы. Стоит отметить, что преподаватель не имеет большого количества времени, чтобы общаться со студенческой молодежью вживую или созваниваться с каждым членом группы. Чаще всего это происходит либо на паре, либо на перерывах между ними. Поэтому виртуальный способ связи является достаточно практичным и оперативным.

Можно выделить следующие преимущества использования социальных сетей для общения между студентами.

1. Возможность получить новые знакомства в сфере студенчества.
2. Сплочение студенческой группы за счет общения на учебные и отвлеченные темы.
3. Передача необходимой информации, связанной с учебной деятельностью.
4. Передача информации о студенческих событиях/мероприятиях.

5. Наличие возможности завести новые знакомства у тех студентов, которые отдают предпочтение виртуальной коммуникации ввиду наличия трудностей при общении в реальной жизни.

Из последнего пункта можно выделить главный минус виртуального общения студенческой молодежи – чрезмерное увлечение коммуникацией в социальных сетях.

В современном мире существует достаточно большое количество людей, которые чувствуют себя более комфортно в виртуальном мире, чем в реальном. По этой причине они уделяют значительную часть своего времени общению в социальных сетях, постепенно забывая про «живое». Если человек проводит значительную часть своего дня на электронных платформах, то, возможно, он может потерять умение или заинтересованность в коммуникации и совместной деятельности с другими людьми в реальности.

В онлайн-коммуникации он видит свои преимущества, среди которых есть возможность прекратить диалог в любое время, не говорить с человеком лицом к лицу, изменить свою внешность, голос и т. д. Пользователь создает особую обстановку, в которой он будет чувствовать себя максимально комфортно. Здесь практически все условия зависят от его действий. В реальном мире человек также может изменить многое, но у него не всегда хватает смелости сделать это.

Злоупотребление виртуальным общением способствует увеличению и развитию трудностей при коммуникации в реальной жизни: если у человека есть желание избавиться от страха перед общением вживую, то ему необходимо как можно больше времени уделять коммуникации в реальном мире. Благодаря этому он будет больше практиковаться и привыкать к подобной обстановке, в результате чего волнение при таком виде общения будет «затухать».

Если же этого желает человек не имеет, то страх перед реальным миром будет только укрепляться. Выход из зоны комфорта – это первый шаг к приобретению спокойного состояния при коммуникации в реальной жизни.

Сегодня социальные сети расширяют свой функционал, что способствует еще большему углублению в них пользователей. Здесь может идти речь не только о коммуникации на данных платформах, но и о пролистывании ленты, мониторинге обновлений и новостей, участии в виртуальных играх и другом. Все это «затягивает» человека в виртуальное пространство, ярко показывая свои преимущества перед реальным миром.

Стоит отметить, что сегодня среди возможностей социальных сетей появился способ общаться не только в переписке или голосовыми сообщениями, но и с помощью видеозвонков/видеосообщений. Они позволяют видеть собеседника перед собой и, таким образом, вести коммуникацию лицом к лицу, что является достаточно схожим с беседой в реальной жизни [8].

В социальных сетях постепенно изменяется сленг общения. Во многих аспектах он отличается от привычного человеку диалога в реальной жизни. На виртуальных платформах активно используются смайлы и стикеры, чрезмерное количество знаков препинаний, которые не являются обязательными с точки зрения правил пунктуации русского языка. Благодаря таким особенностям пользователям социальных сетей легче распознать эмоции собеседника, т. к., если не считать общение при помощи видеозвонков, они не могут проследить за мимикой и жестами друг друга.

Коммуникация на виртуальных платформах при помощи видеозвонков нередко может вызывать волнение, схожее с общением в реальном мире. Такая реакция связана с тем, что мимика и жесты собеседника доступны для наблюдения другому, а также могут возникать сложности с прерыванием разговора в любой удобный для пользователя момент. Это достаточно легко сделать в том случае, если коммуникация осуществляется при помощи текстовых или голосовых сообщений, но общение с использованием видеозвонков происходит в настоящем времени.

Для некоторых пользователей использование социальных сетей и участие в виртуальной коммуникации выполняет роль определенного «фона», с помощью которого они заполняют свое свободное время. Нахождение в режиме «онлайн» для индивида – это необходимость. В таких случаях человек совмещает свои повседневные действия с общением на виртуальных платформах, таким образом выполняя сразу несколько действий одновременно.

Пользователь социальной сети в некоторой степени утрачивает свой контакт с действительностью. Дефицит общения в живом мире отрицательно влияет на здоровье человека, может привести к гормональному сбою. Негативные последствия могут принести на себя сосуды, а также мыслительный процесс. Все это заводит человека в зону риска развития серьезных заболеваний [1, с. 47].

Для разрешения такой трудности, как зависимость от виртуальной коммуникации, важно совершить ряд больших и сложных усилий.

Для того, чтобы находиться в действительности и не «пропадать» на долгое время в виртуальной реальности, необходимо иметь факторы, которые будут привлекать пользователя к реальному миру. Данным средством может служить абсолютно любое явление, объект или процесс, начиная от любимого занятия и заканчивая дорогим для пользователя человеком [5]. Именно такие средства помогают ему не только преодолеть зависимость от социальных сетей, но и двигаться вперед, достигать намеченных задач и целей.

Средства, «притягивающие» человека к реальности, есть не у всех. Наоборот, многие имеют то, что «отталкивает» от реальной жизни. В качестве примера можно привести плохие отношения с родственниками, отсутствие друзей, проблемы с работой или учебой. Все это может подтолкнуть человека к тому, что он начнет уделять виртуальному миру большое количество своего времени. У многих людей существуют так называемые психологические барьеры, которые мешают им общаться в реальной жизни, тогда они переходят к коммуникации внутри сети. Там она протекает для таких личностей намного легче, ведь нет необходимости смотреть друг на друга, контролировать свои движения, мимику и т. д. [6].

Проблема безопасности общения в социальных сетях является достаточно актуальной в современном мире. Сегодня это то, чему не придают значения большое количество пользователей. Такое отношение к правилам поведения в сети является ошибкой.

Существуют следующие негативные явления, с которыми может столкнуться пользователь в социальных сетях:

- использование мошенниками личной информации пользователей (взлом личной страницы, появление виртуального двойника);
- блокировка аккаунта;
- виртуальные конфликты (с возможным переходом в реальную жизнь);
- киберзапугивание или кибербуллинг;
- троллинг;
- получение ложной информации.

Личная информация пользователей социальных сетей может быть использована мошенниками или недоброжелателями в негативных целях. При этом у каждого человека есть риск взлома личной страницы, появления его виртуального двойника, который будет выдавать себя за реального владельца аккаунта перед его знакомыми. Такие случаи происходят достаточно часто. В такой ситуации настоящему владельцу страницы приходит уведомление о том, что на его аккаунт был совершен вход с неизвестного устройства. Тогда ему необходимо оперативно сменить пароль (при помощи своего телефона или электронной почты).

Часто, взломав страницу, мошенники рассылают сообщения (от лица владельца) по контактам в социальной сети о том, что им необходимы деньги, с просьбой перевести определенную сумму на карту. Те, кто имеют представление о мошенничестве в сети, осознают большую вероятность того, что сообщение присылает не хозяин страницы, и просто его игнорируют. Но есть люди, которые либо не сталкивались с такими случаями, либо являются слишком доверчивыми. Они и пересылают деньги.

Из-за большого количества рассылок в сообщении (спам) страницу рано или поздно блокируют. Тогда ни владелец, ни мошенник уже не могут зайти на нее. Срок блокировки зависит от того, насколько часто хозяин страницы нарушал правила ее использования. Если блокировка является первой или случилась впервые за долгое время, то она будет длиться не более одного дня. С каждым разом этот срок будет увеличиваться.

Именно для того, чтобы злоумышленники не смогли взломать страницу, при регистрации необходимо вводить пароль, который будет состоять не только из цифр, но и латинских букв. Также не рекомендуется сохранять пароль в Интернете, что предлагают сделать после регистрации в социальной сети, т. к. именно оттуда мошенники узнают его.

Возможным источником взлома личной страницы может служить виртуальный конфликт на абсолютно любую тему. Различные взгляды на те или иные стороны жизни побуждают пользователей вступать в дискуссию, что может привести к столкновению и спору. Часто такие конфликты возникают в сообществах (группах) по интересам. Несмотря на то, что данных пользователей интересует одна и та же тематика, их мнения по определенному поводу различаются. Именно это и становится источником спора.

Конфликты нередко перерастают не просто во вторжение в личные данные пользователя, но и в соперничество в реальной жизни, что может нести угрозу человеческой жизни, если участники спора не соблюдают личные границы. Именно поэтому многие пользователи не рискуют выкладывать слишком личную

информацию о себе, как, например, номер телефона, место жительства и т. д. Стоит помнить о том, что виртуальные конфликты не всегда остаются только в сети, но могут и выйти за ее пределы.

Киберзапугивание, или кибербуллинг (cyberbullying) – это преследование, травля или запугивание других людей с помощью информационных и коммуникационных технологий, таких как SMS и MMS, email, веб-сайты, форумы, блоги, обмен мгновенными сообщениями, типа ICQ, чаты [2, с. 207].

О таком явлении, как кибербуллинг, мы будем говорить в контексте социальных сетей.

В отличие от реального мира, в виртуальном киберзапугивание характеризуется высокой анонимностью преступника. Проблема заключается в том, что он может выставить на страницу чужие данные, которые будет выдавать за свои. Либо его страница может быть с минимальным количеством информации о нем. Кроме того, в нем теряет свое значение классически понимаемая сила, измеряемая физическими или социальными характеристиками, поскольку преимуществом преступника становится умение использовать возможности электронных медиа [там же, с. 208]. Компрометирующие фотографии, видео или информация способны сделать в Интернете очень быструю «карьеру», а их удаление часто практически невозможно [7]. Еще одна особенность данной ситуации заключается в том, что она плохо контролируется. Если воздействию кибербуллинга подвергается ребенок, то его родители могут не знать об этом, следовательно, не предпринять никаких действий для подавления данной ситуации.

В социальной сети существуют следующие формы киберзапугивания:

- распространение в социальной сети личных данных другого человека против его воли;
- распространение компрометирующих данных;
- преследование и запугивание;
- взлом личной страницы пользователя с целью рассылки сообщений его контактам;
- создание высмеивающих страниц.

Киберзапугивание является очень опасным явлением именно для жертвы, поскольку компрометирующие материалы на этого человека распространяются с большой скоростью и остаются в сети на долгое время.

Причины проявления виртуальной агрессии:

- привлечение внимания к себе;
- отмщение за причиненные унижения;
- уравнивание взаимных обид;
- повышение своего статуса в группе (если по мнению злоумышленника он увеличивается именно таким способом);
- создание определенного имиджа.

В процессе диалога с другими пользователями социальной сети человек может столкнуться с таким явлением, как троллинг – провокационные высказывания, цель которых – вызвать спор либо «задеть» соперника.

Троллинг также является возможным источником конфликта, но отнесен в отдельный аспект проблемы, т. к. может сильно повлиять на эмоциональное и психологическое состояние человека. Это может произойти с теми пользователями, которые склонны принимать слова близко к сердцу и считают важным мнение других людей о себе.

Главная цель троллинга – спровоцировать человека на определенные высказывания, действия, «вывести на эмоции».

Довольно часто субъекты троллинга являются анонимными. Они носят название «тролль».

Если человек сталкивается с троллингом в социальной сети, то самый оптимальный вариант поведения в такой ситуации – это игнорировать тролля. Рано или поздно «стучаться в закрытую дверь» ему определенно надоеет, и он поймет, что в этом нет никакого смысла.

Еще одна проблема безопасности в социальной сети – наличие ложных данных. Она может быть полностью неверной либо искажена, но, в любом случае, дезинформирует человека. В социальных сетях размещается огромное количество информации, которая стремительно распространяется пользователями с помощью лайков, постов и репостов [3, с. 80].

Например, очень часто на страницах социальных сетей встречаются всевозможные просьбы о помощи больным детям, но эта информация никем не проверяется, а значит, она может быть заведомо ложной [там же]. В итоге пользователь тратит свои средства, которые перечисляет на помощь людям. При этом он не знает, на что действительно будут потрачены эти деньги.

Здесь не говорится о том, что всякая просьба о помощи в Интернете является мошенничеством, поэтому человеку необходимо оценивать все возможные исходы события и только потом принимать решение. Если он не способен критически мыслить, смотреть на ситуацию с разных сторон, то он наиболее сильно будет подвержен неверной, ошибочной информации.

Несоблюдение безопасности в социальных сетях может привести к компьютерной преступности или киберпреступности.

Цифровая гигиена – совокупность правил, которые обеспечивают пользователю информационную безопасность в Интернете.

Исходя из всего вышеперечисленного, можно выделить следующие правила «цифровой гигиены»:

- необходимо устанавливать на личной странице пароли высокой сложности и регулярно их изменять;
- осуществлять резервное копирование данных;
- не публиковать в аккаунте слишком личную информацию о себе;
- регулярно обновлять программное обеспечение, т. к. в обновленных версиях исправляются многие ошибки;
- необходимо периодически отключать ненужные подписки на рассылки, рекламу и т. д.

Таким образом, мошенничество, киберзапугивание и другие негативные явления в социальных сетях могут существенно повлиять на безопасность и на жизнь человека в целом, поэтому необходимо соблюдать правила поведения в виртуальном пространстве и критически оценивать сложившуюся ситуацию.

Для того, чтобы избегать вышеперечисленных негативных последствий общения в социальной сети, необходимо соблюдать Интернет-этикет.

Интернет-этикет – это неофициальные рекомендации о приемлемом поведении в Интернете, разработанные интернет-пользователями; общепринятые нормы поведения в рамках электронной почты, телеконференций, чатов и т. д. [2, с. 210].

Форма виртуального этикета схожа с правилами общения в реальной жизни. Данные правила были адаптированы к особенностям интернет-технологий.

Чтобы состоять в определенной виртуальной социальной группе, поведение пользователя должно соответствовать требуемым социальным нормам. Исключение из сообщества в социальной сети – это вполне реальное последствие несоблюдения виртуального этикета. Стоит отметить, что правила поведения в социальных сетях постоянно меняются в зависимости от культурных особенностей сообщества. Такие нормы являются специфичными для различных виртуальных групп. При этом подобное явление можно проследить и в реальной жизни.

Нормы и правила поведения в социальной сети являются отличительными особенностями каждого интернет-сообщества. Уважение норм определенных групп указывает на уважение по отношению к участникам самой группы, и это имеет решающее значение для построения и определения идентичности сообщества [там же]. Глобальное интернет-сообщество не основано на социальных, культурных, национальных и других подобных характеристиках, физической или географической близости, но оно растет и развивается гораздо быстрее, чем любое другое сообщество в истории человечества [9].

Правила поведения в сети являются негласными. Они не прописываются в каких-либо документах, но при этом о них должен знать каждый участник виртуального общения. Можно выделить следующие правила коммуникации в социальных сетях.

- Вежливое общение: сюда можно отнести приветствие в начале разговора и прощание в его конце, обращение к незнакомым людям на «вы», представление себя в начале разговора и причины отправки сообщения.

- Грамотное написание: пунктуационные, орфографические, стилистические ошибки могут исказить смысл отправленного сообщения, из-за чего может возникнуть недопонимание между участниками общения. Перед отправкой сообщения необходимо проверить текст на наличие такого рода ошибок, а также регулярно практиковаться и освежать знания в данной сфере.

- Умеренное употребление эмодзи: использование пиктограмм, обозначающих какую-либо эмоцию, после каждого предложения (слова) и в больших количествах может способствовать вводу собеседника в заблуждения. Эмодзи призваны не запутать пользователей социальных сетей, а выразить свои эмоции.

- Написание полноценного текста одним сообщением: дробление своего рассказа на множество мелких сообщений с короткими фразами также может привести к недопониманию между участниками коммуникации. Прочитав одно сообщение, собеседник может начать отвечать на него, не зная о том, что за ним последуют

другие. Стоит отметить, что множество сообщений, приходящих за короткий промежуток времени, могут нервировать собеседника.

- Написание сообщения строчными буквами: предложение, состоящее из прописных букв, пользователи социальных сетей обычно воспринимают как крик.

- Отправка сообщения в подходящее время: в социальных сетях, как и в реальной жизни, не стоит беспокоить человека ночью либо поздно вечером, если для этого нет сильной необходимости. Лучше отложить отправку сообщения до утра.

- Ненавязывание своей кандидатуры: если после первой заявки в друзья к пользователю он отвергает ваше предложение, не стоит пытаться делать это снова, т. к. уже является понятным то, что человек не желает общения с вами. То же правило действует и с отправлением сообщений. Если пользователь не желает отвечать вам после первого пересланного текста, то нет необходимости и дальше беспокоить его.

- Запрет на пересылку изображений или текстов из закрытого профиля другого пользователя: если человек закрывает свою страницу от людей, которые не находятся в списке его друзей, то не нужно пересылать кому-либо информацию, которая находится на его странице. Пользователь социальной сети сам вправе решать, с кем ему делиться своими данными.

Таким образом, можно сказать, что социальная сеть – это отдельный виртуальный мир, который имеет свои особенности, угрозы и правила поведения. Все это необходимо учитывать, а также следовать установленным нормам, чтобы минимизировать возможность возникновения конфликтами между пользователями.

Социальные сети сегодня приобретают все большую популярность, но при этом способствуют появлению позитивных и негативных последствий на жизнь пользователя в социальной сети. Они несут за собой определенные последствия, которые оказывают влияние на способность человека вести коммуникацию со своими собеседниками.

Несмотря на большое количество преимуществ виртуальной коммуникации студенческой молодежи, необходимо помнить о возможных угрозах, которые могут последовать за чрезмерным использованием данного метода связи.

Библиографический список

1. Бирюков А.Б. Зависимость от социальных сетей // Инновационная наука. 2017. № 5. С. 46–48. EDN: YPMARV
2. Вараксин А.В. Влияние социальных сетей на формирование ценностных ориентиров современной молодежи // Преподаватель XXI век. 2016. № 2. С. 205–212. EDN: VZXQTZ
3. Демичева К.А. Понятие и классификация социальных сетей в контексте взаимодействия в сети Интернет // INTERNATIONAL SCIENTIFIC REVIEW. 2015. № 3. С. 79–82. EDN: TVMMNH
4. Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н. Социология Интернета: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2017. 424 с.
5. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Издательский дом ВШЭ, 2014. 384 с. ISBN: 978-5-7598-0819-0 EDN: SYZVMJ
6. Моисеенко Л.В. Модализация сообщения в социальных сетях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2018. № 17. С. 140–153. EDN: XGIEYE
7. Морозова А.А., Шевченко А.А. Социальные сети: к вопросу о медиабезопасности // Медiasреда. 2016. № 11. С. 138–139. EDN: XENXIN
8. Панченко И.М. Социальные сети как новая форма коммуникации: польза или опасность для общества? // Социология науки и технологий. 2018. № 2. С. 86–94. DOI: 10.24411/2079-0910-2018-10006 EDN: VABMGG
9. Сергодеев В.А. Сетевые интернет-сообщества: сущность и социокультурные характеристики // Вестник Адыгейского государственного университета. 2013. № 1. С. 122–127.
10. Сысоев П.В., Храменко Н.И. Модели дистанционного обучения // Вопросы методики преподавания в вузе. 2015. № 4. С. 32–36. EDN: VBIXWX

УДК 316.4.06

EDN NQJNQI

DOI: 10.17072/2949-5601-2025-3-45-56

Образжей Олеся Николаевна,
научный сотрудник отдела экономической социологии
Институт социологии НАН Беларуси,
220072, Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2
oobrazhey@mail.ru
SPIN-код: 5401-8873

ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Уровень финансовой грамотности среди различных групп населения Республики Беларусь находится в центре внимания белорусских исследователей на протяжении нескольких лет. Для его анализа используется национальная индексная методика, разработанная экспертами Национального банка и Института социологии НАН Беларуси. В основе методики лежат три базовых компонента: финансовые знания/навыки, определяющие уровень владения финансовой информацией и умение индивида использовать эти знания на практике; финансовое отношение, установки – готовность применять имеющиеся финансовые знания в реальной жизни; финансовое поведение – реализуемые типы и стратегии финансового поведения. Данные компоненты позволяют получить многогранное представление о финансовой грамотности населения страны / отдельной социальной группы.

В статье показан комплексный анализ уровня финансовой грамотности среди молодежи Республики Беларусь. Представители данной группы находятся в начале финансового пути и при этом значительная часть из них имеет ограниченный опыт в управлении финансами и нуждается в базовых финансовых знаниях, навыках для принятия грамотных финансовых решений. На основе полученных данных сделан вывод о наличии специфических особенностей и необходимости разработки целенаправленных и адаптированных мер, учитывающих потребности, интересы и уникальные характеристики молодежи. Определены ключевые направления деятельности, ориентированной на повышение финансовой грамотности в данной социальной группе.

Ключевые слова: финансовая грамотность, молодежь, финансовые знания, финансовые навыки, финансовое поведение.

Ссылка для цитирования: Образжей О.Н. Финансовая грамотность молодежи Республики Беларусь: социологический анализ // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 3(14). – С. 45–56.
<http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-3-45-56> EDN NQJNQI

Olesya N. Obrazhey,
Research Associate, Department of Economic Sociology
Institute of Sociology, NAS of Belarus,
2 bld., 1, Surganova str., Minsk, Belarus, 220072
oobrazhey@mail.ru
SPIN-code: 5401-8873

FINANCIAL LITERACY OF YOUTH IN THE REPUBLIC OF BELARUS: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

The level of financial literacy among various population groups in the Republic of Belarus has been the focus of Belarusian researchers for several years. A national index methodology developed by experts from the National Bank and the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus is used for its analysis. The methodology is based on three fundamental components: "financial knowledge/skills," which determine the level of proficiency in financial information and the individual's ability to apply this knowledge in practice; "financial attitude, beliefs" – the willingness to apply existing financial knowledge in real life; and "financial behavior" – the types and strategies of financial behavior that are implemented. These components provide a multifaceted understanding of the financial literacy of the population of the country or a specific social group.

The article presents a comprehensive analysis of the level of financial literacy among the youth of the Republic of Belarus. Members of this group are at the beginning of their financial journey, and a significant portion of them have limited experience in managing finances and require basic financial knowledge and skills to make informed financial decisions. Based on the data obtained, it is concluded that there are specific characteristics and the need for the development of targeted and adapted measures that take into account the needs, interests, and unique characteristics of the youth. Key areas of activity aimed at increasing financial literacy within this social group are identified.

Keywords: financial literacy, youth, financial knowledge, financial skills, financial behavior.

For citation: Obrazhey O.N. [Financial literacy of youth in the Republic of Belarus: a sociological analysis]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 3(14), pp. 45–56 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-3-45-56>, EDN NQJNQI

Финансовая грамотность является одним из ключевых элементов успешного функционирования финансовой системы любого общества, ее можно определить как «работоспособный актив», способствующий экономическому развитию страны в целом, улучшению финансового благополучия каждого гражданина, который можно и необходимо формировать.

Повышение финансовой грамотности населения является одним из актуальных направлений деятельности Национального банка Республики Беларусь. В минувшем году в Республике Беларусь завершена реализация Плана совместных действий по повышению финансовой грамотности населения на 2019–2024 гг., утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь и Национального банка Республики Беларусь от 12 апреля 2019 г. № 241/6 [11]. В настоящее время идет работа над новым Планом совместных действий государственных органов и участников финансового рынка по повышению финансовой грамотности населения Республики Беларусь на 2025–2030 гг. Одной из важнейших целевых социальных групп, на которую направлены различные мероприятия, реализуемые в рамках Планов, является молодежь Республики Беларусь.

Молодежь (от 18 до 30 лет включительно) находится на этапе становления личной и профессиональной идентичности, обладает уникальными потребностями, интересами, предпочтениями и сталкивается с разными финансовыми вызовами. Представители данной группы, как правило, находятся в начале финансового пути и при этом значительная часть из них имеет ограниченный опыт в управлении финансами и нуждается в базовых финансовых знаниях, навыках для принятия грамотных финансовых решений. Недостаток знаний и навыков в этой сфере может привести к неэффективному использованию ресурсов, накоплению долгов и финансовой нестабильности в будущем.

Изучение уровня финансовой грамотности в молодежной среде – это важный шаг к формированию финансово ответственного поколения, способного принимать обоснованные экономические решения. Анализ имеющегося уровня финансовой грамотности в данной социальной группе позволяет выявлять проблемные моменты и на основе данных разрабатывать эффективные программы/мероприятия, направленные на повышение осведомленности и навыков управления финансами.

Важным инструментом оценки уровня финансовой грамотности населения Республики Беларусь является национальная индексная методика, разработанная в 2020 г. специалистами Национального банка

Республики Беларусь в сотрудничестве с Институтом социологии НАН Беларуси. Данная методика позволяет наиболее полно и всесторонне оценивать текущую ситуацию в сфере финансовой грамотности, ее динамику и перспективы развития.

В основе данной методики лежат три базовых компонента: финансовые *знания/навыки*, определяющие уровень владения финансовой информацией и умение индивида использовать эти знания на практике; финансовое *отношение, установки* – готовность применять имеющиеся финансовые знания в реальной жизни; финансовое *поведение* – реализуемые типы и стратегии финансового поведения, т. е. то, насколько финансовые знания, навыки и установки индивидов находят отражение в их финансовых решениях и действиях. Данные компоненты позволяют получить комплексное представление о финансовой грамотности населения страны / отдельной социальной группы [10].

Институт социологии НАН Беларуси осуществляет научное сопровождение деятельности Национального банка на протяжении многих лет, что нашло отражение в ряде публикаций сотрудников Института [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9]. В Беларуси в данной области также имеются разработки как социологов, так и других специалистов (экономистов, финансистов) [1; 2; 12].

Первый замер по национальной методике был осуществлен в 2020 году в рамках научно-исследовательской работы «Оценка и анализ финансовой грамотности населения Республики Беларусь», второй – в 2022 г. В феврале–марте 2024 г. было реализовано третье эмпирическое исследование с применением данной методологии [10]. Общий объем выборки составил 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Использовалась республиканская многоступенчатая стратифицированная выборка. Ошибка выборки не превышает +2,5%. Объектом исследования являлись взрослые жители Беларуси в возрасте от 18 лет и старше. Одной из задач исследования являлось изучение уровня финансовой грамотности в различных социальных группах, в том числе и среди молодежи.

Финансовые знания

Анализ объективного уровня финансовых знаний (ответы на вопросы об основных финансовых понятиях, умение осуществлять базовые финансовые вычисления и т. д.) выявил недостаточный уровень понимания основных финансовых и экономических понятий и терминов среди молодежи. Уровень владения навыками базовых финансовых вычислений является также достаточно низким. Наилучшие результаты выявлены по вопросу, связанному с оценкой выгоды покупок: 75,7% молодежи верно определили, в каком магазине выгоднее купить телевизор. Смогли правильно оценить влияние инфляции на покупательскую способность 58,9% молодежи. На вопрос об инфляции, требующий анализа и выбора из предложенных вариантов, правильный ответ смогли дать только треть представителей молодежи. Знания по вопросу диверсификации рисков продемонстрировали примерно треть опрошенных. Особенно низкими оказались знания по вопросам о надежности финансовых организаций: только 9,3% молодежи смогли назвать все признаки того, что финансовая организация не заслуживает доверия.

Значительная часть молодежи Беларуси оценивает свои знания по многим тематическим направлениям финансовой грамотности как недостаточные (таблица 1). Лучше всего представители данной социальной группы владеют информацией о цифровых финансовых инструментах и правилах цифровой безопасности (38,6% и 38,9% соответственно отметили вариант «в целом достаточно»). Хуже всего оценивают уровень своих знаний по вопросам инвестирования (43,6% отметили вариант ответа «недостаточно»); на втором месте «снизу» – по вопросам налогообложения и страхования (33,2% и 32,1%), на третьем – по вопросам кредитования и защиты прав потребителей (28,9% и 28,6%).

Таблица 1. Самооценка знаний по направлениям (% от общего числа опрошенных)

	В целом достаточно	Достаточно лишь по некоторым аспектам	Недостаточно
Вопросы сбережения	30,4	29,6	20,7
Вопросы инвестирования	12,9	16,8	43,6
Вопросы кредитования	15,4	24,6	28,9
Цифровые инструменты	38,6	28,6	13,6
Вопросы налогообложения	16,4	26,1	33,2
Защита прав потребителей	21,1	33,2	28,6
Вопросы страхования	16,8	29,3	32,1
Вопросы цифровой безопасности	38,9	29,6	15,0

Благоприятным фактом является то, что значительная часть представителей молодежи не только осознает недостаток финансовых знаний, но и проявляет заинтересованность в повышении уровня финансовой грамотности. Доля тех, кто имеет желание повысить уровень финансовой грамотности, составляет 79,6%.

Приоритеты желаемых направлений для молодежи в контексте повышения финансовой грамотности представлены в таблице 2. Рейтинг направлений, по которым молодежь хотела бы повысить уровень своих знаний и навыков, возглавляет тема юридических аспектов оказания финансовых услуг и пользования финансовыми продуктами. Данный выбор подчеркивает актуальность вопросов, связанных с защитой прав, а также понимание условий и обязательств при использовании финансовых инструментов/продуктов. Вторым востребованным тематическим направлением для молодежи является тема инвестирования, около трети заинтересованы в получении новых знаний по данному направлению; третьим – защита прав потребителей финансовых услуг.

Таблица 2. Топ-5 направлений по повышению уровня финансовых знаний и навыков
(% от общего числа опрошенных)

Рейтинг	Направления	%
1-е место	Юридические аспекты	34,8
2-е место	Инвестиционные услуги и продукты	28,9
3-е место	Защита прав потребителей финансовых услуг	24,2
4-е место	Ведение семейного бюджета	22,3
5-е место	Финансовая безопасность и кибермошенничество	20,0

Для повышения эффективности мер/мероприятий/программ по повышению финансовой грамотности необходимо сосредоточиться на продвижении наиболее востребованных и действенных способов обучения, адаптированных под потребности и предпочтения различных целевых аудиторий (таблица 3). Наиболее предпочитаемыми способами повышения уровня финансовой грамотности для молодежи являются те, что связаны с цифровыми технологиями, – образовательные материалы в Интернете (40,7%), образовательные материалы в социальных сетях (29,9%) и обучающие мобильные приложения (25,6%).

Таблица 3. Топ-5 наиболее востребованных способов получения знаний (% от общего числа опрошенных)

Рейтинг	Направления	%
Способ 1	Образовательные материалы в Интернет	40,7
Способ 2	Образовательные материалы в социальных сетях	29,9
Способ 3	Обучающие мобильные приложения	28,6
Способ 4	Консультация со специалистом	23,6
Способ 5	Образовательные мероприятия	20,4

Результаты исследования показали, что уровень осведомленности молодежи о видах финансовых услуг, представленных в различных сегментах финансового рынка, достаточно высок. Наиболее известные финансовые продукты и услуги для молодежи: банковская платежная карточка, денежные переводы, обмен валют, вклад, рассрочка, кредитные программы (на покупку недвижимости, товаров, отдых и т. п.). К наиболее известным среди молодежи цифровым финансовым инструментам относятся оплата коммунальных услуг и товаров через Интернет (96,1%), интернет-банкинг (95,4%) и мобильный банкинг (93,2%) (рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «О каких финансовых цифровых инструментах, операциях Вам известно?» (% от общего числа опрошенных в каждой группе)

Финансовые установки

Значительная часть молодежи Республики Беларусь обладает финансово грамотными установками. Представители молодежи в большей степени осознают важность финансовой грамотности, чем представители других групп (табл. 4). Среди них выше доля тех, кто считает финансовую грамотность ключевым навыком для принятия финансовых решений, – 73,2%. В меньшей степени молодежь поддерживает идею о необходимости личных пенсионных накоплений – с данным утверждением согласны 38,2% опрошенных.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос: «Согласны ли Вы со следующими утверждениями» (% от общего числа опрошенных в каждой группе)

Утверждения	Молодежь	Работающие	Пенсионеры
Человеку с любым уровнем дохода необходимо осуществлять контроль над финансами	80,7	82,8	81,1
Необходимо откладывать деньги на будущую пенсию	38,2	39,6	41,2
Чем лучше человек разбирается в финансовых вопросах, тем более разумны его финансовые решения	73,2	67,8	64,0
Необходимо откладывать деньги на будущую пенсию	38,2	39,6	41,2

Согласно данным, среди молодежи доминируют потребительские и сберегательные установки, тогда как инвестиционные предпочтения остаются менее выраженными. Так, при появлении постоянного дополнительного источника дохода лишь 10,7% молодежи выберут способ «вложение средств в инвестиционные инструменты». Аналогичная картина характерна и для ситуации получения единовременной крупной суммы денег. Только каждый десятый представитель молодежи примет решение инвестировать данную сумму денег с целью получения экономической выгоды (рис. 2).

Рис. 2. Распределение ответов на вопросы: «Представьте, что Вы выиграли в лотерею 50000 рублей. Как Вы поступите скорее всего?» / «Представьте, что у Вас на постоянной основе появился дополнительный доход в размере 400 рублей. Как Вы поступите?» (% от общего числа опрошенных в каждой группе)

Среди молодежи преобладает установка на личную ответственность за материальное благополучие. Склонны возлагать ответственность за свое финансовое благополучие на себя лично 40,4% молодежи; возлагают ответственность в равной степени на государство и себя лично чуть более трети опрошенных. Имеют патерналистские установки, считая, что материальное благополучие находится в зоне ответственности государства, 5% молодежи, что в 2,5 раза меньше, чем в группе пенсионеров (рис. 3).

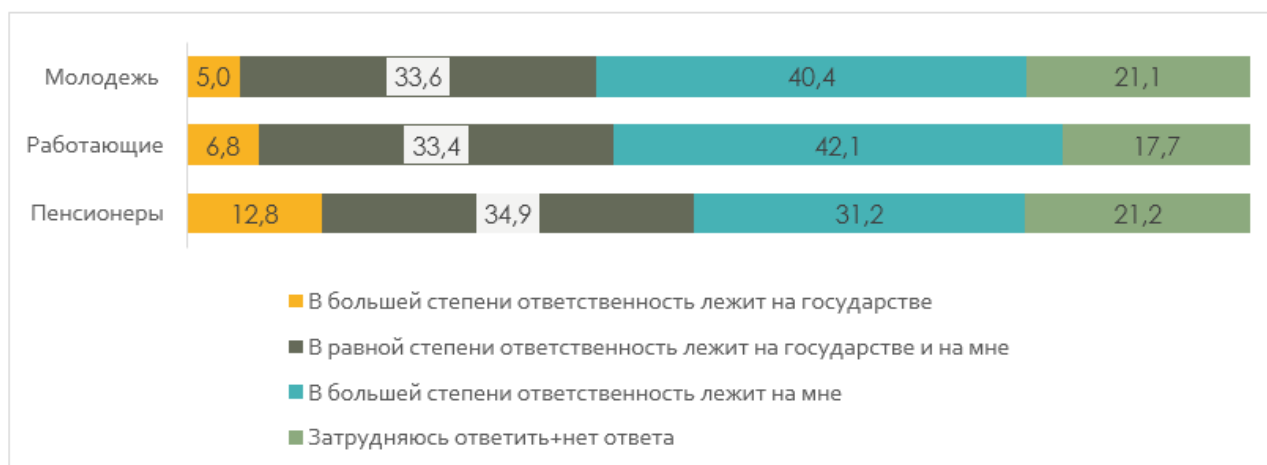

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы распределили долю ответственности за Ваше финансовое благополучие?» (% от общего числа опрошенных в каждой группе)

В оценке перспектив разрешения возможного конфликта с финансовой организацией значительная часть молодежи затруднилась с ответом. Среди возможных вариантов преобладает мнение о благоприятном исходе для обеих сторон, число сторонников данного мнения среди молодежи 37,1%. Имеют негативные установки и считают, что конфликт разрешиться в пользу финансовой организации, 8,9% опрошенных (рис. 4).

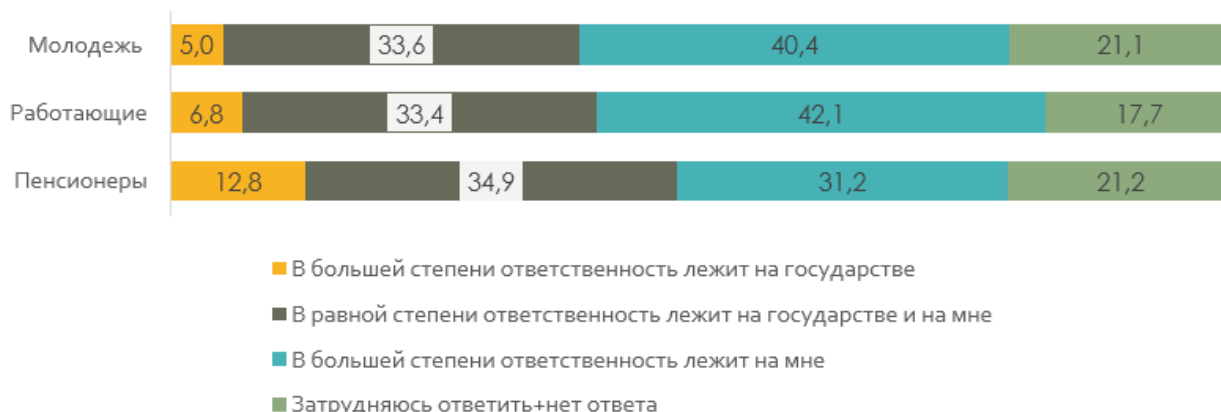

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Представьте, что у Вас возник конфликт с финансовой организацией. Как Вы думаете, как он разрешится?» (% от общего числа опрошенных в каждой группе)

В последние годы взаимодействие граждан с финансовыми организациями все чаще происходит с использованием новейших цифровых технологий. Согласно полученным данным, проявляют высокую лояльность к внедрению цифровых технологий и считают, что они упрощают использование финансовых продуктов и услуг чаще всего представители молодежи (рис. 5).

Рис. 5. Частичное распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к утверждению о том, что цифровые технологии в сфере финансов делают использование финансовых продуктов и услуг более простым и удобным?» (% от общего числа опрошенных в каждой группе)

Анализ данных по готовности осваивать новые цифровые финансовые инструменты показывает следующие предпочтения. В группе молодежи наибольшее число респондентов (45,7%) готовы осваивать новые цифровые финансовые инструменты самостоятельно, без сторонней помощи. В данной группе выявлен самый низкий процент тех, кто готов осваивать новые инструменты со сторонней помощью (17,5%), и самый низкий процент тех, кто скорее не готов и предпочел бы отказаться от их использования (2,1%) (рис. 6).

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Готовы ли Вы осваивать новые для Вас цифровые финансовые инструменты/сервисы?» (% от общего числа опрошенных в каждой группе)

Финансовое поведение

Для населения Беларуси характерна неравномерность развития компонентов «знания – навыки», «отношение – установки» и «финансовое поведение». Выявлена устойчивая тенденция разрыва между знаниями, установками и реальным поведением, которая показывают опережающий характер приращения финансовых знаний по сравнению с закреплением устойчивых поведенческих практик. Данная тенденция характерна и для молодежи.

Наличие разрыва подтверждается следующими эмпирическими данными. Например, более 70% молодежи считают, что контроль и планирование финансов важны для каждого человека, однако отсутствие регулярного письменного учета доходов и расходов характерно для значительной части молодежи. Доля тех, кто не осуществляет контроль доходов и расходов, составляет около 70%. Осуществляет контроль только каждый третий респондент данной группы (рис. 7).

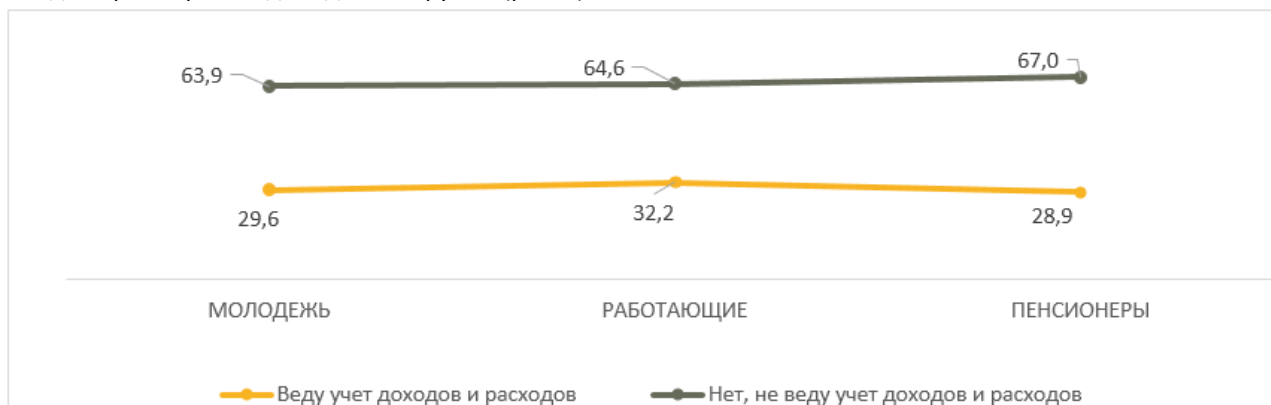

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос: «Ведете ли Вы учет доходов и расходов?»
 (% от общего числа опрошенных в каждой группе)

Преобладающей стратегией управления финансами в группе молодежи является стратегия «остаточного сбережения»: откладывание денежных средств, оставшихся после совершения всех необходимых трат. Данной стратегии придерживается 41,1% молодежи. В то же время «эффективную стратегию трат», предполагающую приоритетное формирование сбережений и расходование оставшихся средств, реализуют только треть опрошенных среди молодежи. Около 20% опрошенных не делают сбережений по причине нехватки средств (рис. 8).

Рис. 8. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы обычно осуществляете траты?»
 (% от общего числа опрошенных в каждой группе)

Важным показателем достаточности сбережений является временной интервал, на который хватит накопленных средств в случае потери основного источника дохода. Осуществляемые сберегательные стратегии молодежи можно охарактеризовать как краткосрочные. Горизонты финансового планирования составляют от 1 до 3 месяцев, и имеющаяся подушка безопасности неэффективна в случае долговременных финансовых трудностей. В случае потери основного источника дохода хватит накоплений от 3 до 6 месяцев 9,6%, от 6 месяцев до года и более года – 6,1% молодежи (рис. 9).

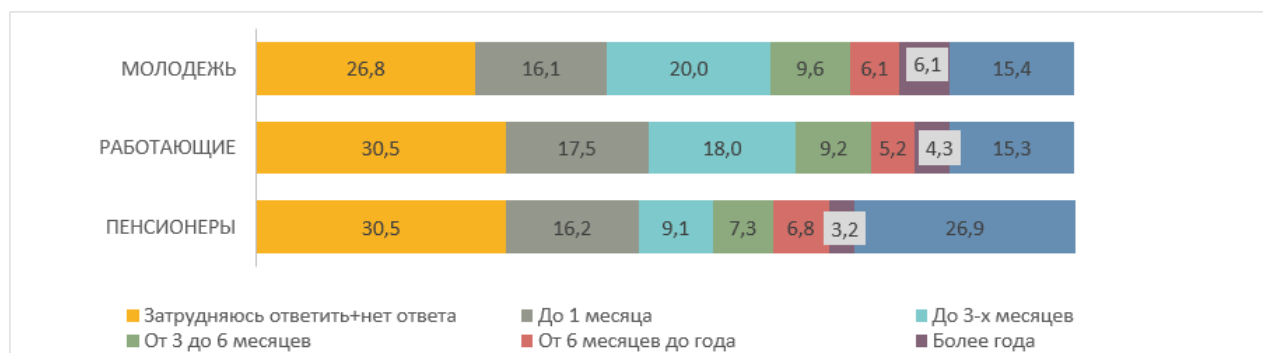

Рис. 9. Распределение ответов на вопрос: «На какой срок Вам хватит накоплений в случае потери основного источника дохода?» (% от общего числа опрошенных в каждой группе)

Одним из ключевых навыков финансовой грамотности является умение ставить и достигать финансовые цели. Более половины опрошенных молодежи (64,3%) ставят перед собой такие цели, а более 90% из них предпринимают конкретные шаги для их достижения (рис. 10).

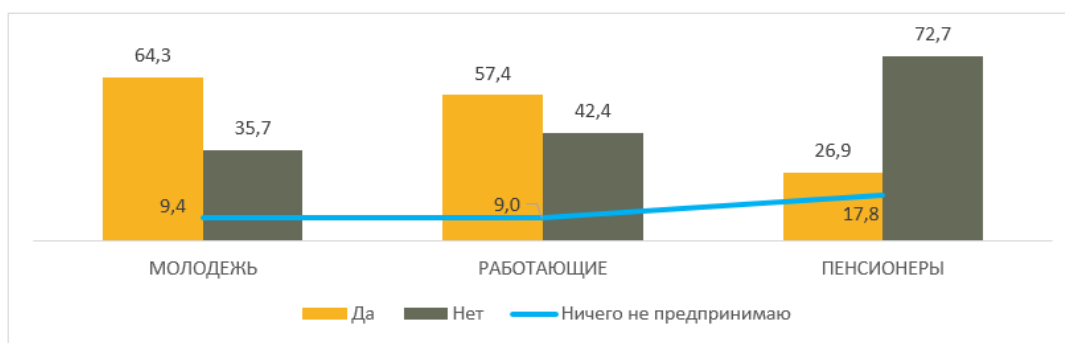

Рис. 10. Распределение ответов на вопросы: «Есть ли у Вас НА ДАННЫЙ МОМЕНТ финансовая цель/цели? Какие действия Вы предпринимаете для достижения своей финансовой цели?» (% от общего числа опрошенных в каждой группе)

Наиболее используемым финансовым продуктом среди молодежи является банковская платежная карточка (93,2%). Также часто используются такие финансовые продукты и услуги, как денежные переводы, обмен и покупка валюты, рассрочка (рис. 11).

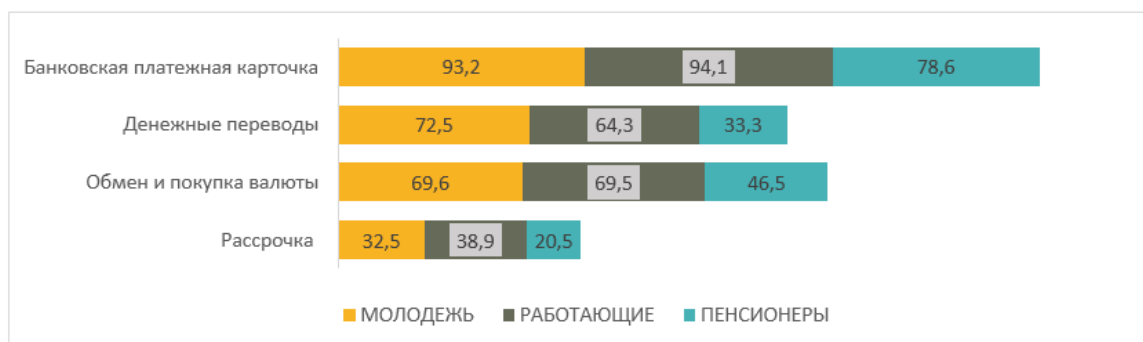

Рис. 11. Частичное распределение ответов на вопрос: «Какими из перечисленных финансовых продуктов/услуг Вы пользуетесь?» (% от общего числа опрошенных в каждой группе)

Из цифровых финансовых продуктов/услуг чаще всего представители молодежи используют Интернет-банкинг, оплата коммунальных услуг/товаров через Интернет, мобильный банкинг, мобильные платежи со счета мобильного телефона (рис. 12).

Рис. 12. Частичное распределение ответов респондентов на вопрос: «Какими цифровыми инструментами, операциями Вы пользуетесь?» (% от общего числа опрошенных в каждой группе)

С появлением различных финансовых продуктов/услуг гражданам становится сложнее разбираться в многообразии предложений. Недостаток понимания, необоснованные и необдуманные решения при совершении покупок, финансовых операций могут привести к потере денежных средств. Наличие навыков принимать обоснованные рациональные решения при совершении покупок, финансовых операций позволяет избегать непредвиденных трат и появления долгов. Согласно полученным данным, чаще других склонны к импульсивным финансовым решениям представители молодежи. Доля тех, кто принимает решение в тот же день, в группе молодежи составляет 12,9% (рис. 13).

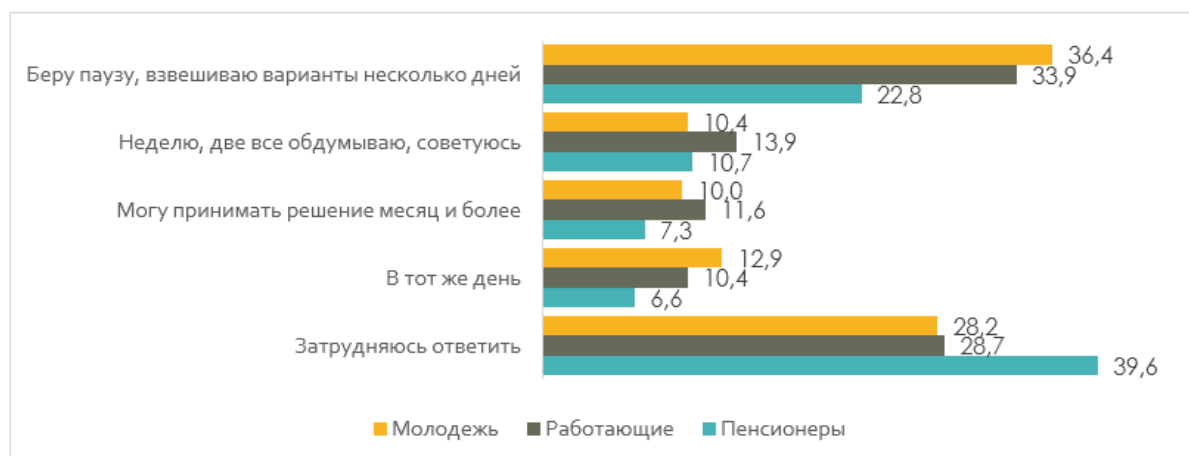

Рис. 13. Распределение ответов на вопрос: «Как быстро Вы принимаете решение о выборе финансового продукта/услуги?» (% от общего числа опрошенных в каждой группе)

Склонность молодежи к импульсивным необдуманным решениям доказывают и данные о том, что именно представители данной группы чаще других сталкиваются с ситуацией покупки ненужных вещей только потому, что они очень понравились (табл. 5). Среди них выше доля тех, кому приходилось жалеть о спонтанной покупке, о неверно принятом финансовом решении. Практически каждый десятый представитель сталкивался (часто или время от времени) с потерей средств по причине неудачного их вложения, по независящим обстоятельствам. 15,7% молодежи приходилось сталкиваться с потерей средств по собственной вине, по причине неудачного их вложения. Брать новый кредит, чтобы погасить предыдущий долг, приходилось 6,1% молодежи.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Случалось ли Вам...?», в зависимости от целевой группы
(% тех, кто СТАЛКИВАЛСЯ с подобными ситуациями)

	Молодежь	Работающие	Пенсионеры
Делать выбор в пользу менее качественного товара только потому, что он стоит дешевле	65,4	67,7	66,5
Покупать ненужные вам вещи только потому, что они вам очень понравились	40,4	26,1	16,7
Оказываться в долгах после покупки той или иной вещи, так как вы неверно оценили свои возможности при ее приобретении	16	19,1	15,9
Жалеть о спонтанной покупке	35,4	32,2	27,8
Брать новые кредиты, чтобы закрыть «дыру» в бюджете или погасить долг	6,1	6,6	3,9
Принимать финансовые решения, о которых вы потом жалели	30,4	24,4	18,4
Потерять средства по причине неудачного их вложения, по собственной вине	15,7	14,1	11,6
Потерять средства по причине неудачного их вложения, по независящим от вас обстоятельствам	8,9	9,9	8,9

Правовая осведомленность играет ключевую роль в защите интересов, минимизации рисков и эффективного взаимодействия с финансовыми учреждениями. Результаты исследования показали, что в ситуации нарушения прав потребителей финансовых услуг большинство опрошенных представителей данной группы считают действенными все перечисленные меры, за исключением бездействия. В тройку наиболее популярных способов вошли: написание официальной письменной претензии, обращение в организацию по защите прав потребителей, в суд. В случае возникновения подобной ситуации наиболее частым способом, который предпримут опрошенные, является попытка решить проблему на месте. Среди молодежи чаще распространен вариант размещения негативного отзыва в сети Интернет. В реальной ситуации, когда приходилось предпринимать какие-либо действия по защите своих прав, 9,6% представителей молодежи решали проблему на месте, 7,5% размещали негативный отзыв в сети интернет, и 7,9% не предприняли каких-либо мер (рис. 14).

Рис. 14. Распределение ответов на вопросы: «Что, по Вашему мнению, нужно предпринимать в случае нарушения прав потребителя финансовых услуг? Как Вы поступите в ситуации нарушения прав потребителя финансовых услуг? Как Вы действовали в ситуации нарушения Ваших прав?», % от общего числа опрошенных в каждой группе; % от числа опрошенных, имеющих опыт нарушения прав, в каждой группе

Исходя из результатов исследования, можно сделать вывод о том, что уровень финансовой грамотности варьируется в зависимости от принадлежности к социальной группе, что подчеркивает необходимость разработки адресных мер/мероприятий/программ, адаптированных под потребности и особенности каждой целевой группы.

Молодежь демонстрирует наиболее высокий уровень финансовой грамотности. При этом имеются пробелы в базовых финансовых знаниях и вычислениях, низкая практическая реализация финансовых стратегий. Большинство представителей молодежи имеют грамотные финансовые установки; значительная часть из них возлагают ответственность за свое финансовое состояние на себя лично, в большей степени есть установки на инвестиционное поведение. Эта группа чаще других ставит перед собой финансовые цели; наиболее активно интересуется вопросами финансовой грамотности, о чем свидетельствует 78,9% заинтересованных в получении данной информации.

Основываясь на данных исследования, можно выделить следующие приоритетные направления в работе по повышению уровня финансовой грамотности молодежи Республики Беларусь. Актуальным остается дальнейшая реализация мер по повышению финансовой грамотности молодежи Беларуси. Необходима активизация образовательной деятельности по многим тематическим направлениям финансовой грамотности, особенно по направлению «инвестирование». Необходима активизация образовательной деятельности по формированию финансовых навыков: 1) базовых финансовых расчетов; 2) навыков финансового планирования; 3) навыков грамотного взаимодействия с финансовыми организациями.

Библиографический список

1. Дулина Н.В., Моисеева Д.В. Финансовая грамотность населения: региональные отличия (на примере Республики Беларусь). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovaya-gramotnost-naseleniya-regionalnye-otlichiya-na-primere-respubliki-belarus> (дата обращения: 21.06.2025).
2. Копейченко А.И. Финансово-правовая грамотность в Республике Беларусь в реалиях цифровой экономики // Финансовое право в условиях цифровизации экономики: материалы Междунар. науч.-практ. круглого стола, Минск, 13 ноября 2020 года. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В.С. Каменков (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2020. С. 65–69. EDN: ZCBQQA
3. Кройтор С. Финансовая грамотность населения Республики Беларусь: факты и выводы. 2013. URL: <http://fingramota.by/files/2014/8/28/635448383600894256.pdf> (дата обращения: 21.06.2025).
4. Ображей О.Н. Индексная оценка уровня финансовой грамотности населения Республики Беларусь // Банкаўскі веснік. 2021. № 2. С. 15–21. EDN: AKWWJA
5. Ображей О.Н. Уровень финансовой грамотности населения Республики Беларусь: индексная оценка динамики за 2020–2022 годы // Журнал «Банкаўскі веснік». – № 2/715. – Февраль 2023 года. – С.3–13.
6. Ображей О.Н., Подвальская В.С. Финансовая грамотность населения Беларуси (в контексте социальных групп) // Банковский вестник. 2025. № 1/738. С. 44–56.
7. Ображей О.Н., Подвальская В.С. Финансовая грамотность населения Беларуси: состояние и тенденции изменения // Банкаўскі веснік. 2024. № 8/733. С.52–64.
8. Ображей О.Н., Подвальская В.С., Финансовая грамотность населения Беларуси (в разрезе регионов и социальных групп) // Банкаўскі веснік. 2023. № 2/714. С.18–30.
9. Ображей О.Н., Подвальская В.С. Финансовая грамотность населения Республики Беларусь: результаты национального исследования // Банкаўскі веснік. 2021. № 3. С. 53–64. EDN: IWZKDE
10. Оценка и анализ финансовой грамотности населения Республики Беларусь: отчет о НИР // Минск, 2024. URL: <https://fingramota.by/ru/services/library/investigations/19> (дата обращения: 21.06.2025).
11. План совместных действий по повышению финансовой грамотности населения на 2019–2024 годы. URL: <https://fingramota.by/ru/services/library/legislation/61?cookies=true> (дата обращения: 21.06.2025).
12. Черепенько А.С., Лось Д.А. Финансовая грамотность населения в Республике Беларусь // Экономика и управление: социальный, экономический и инженерный аспекты: сборник научных статей VI Международной научно-практической конференции, Брест, 23–24 ноября 2023 г.: в 2 частях / Министерство образования Республики Беларусь, Брестский государственный технический университет, Кафедра менеджмента ; редкол.: И. М. Гарчук [и др.]. Брест: БрГТУ, 2023. Часть 2. С. 370–373.

УДК 316.444.5

EDN OAMVRA

DOI: 10.17072/2949-5601-2025-3-57-64

Макарова Марина Николаевна,
доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры социологии
Удмуртский государственный университет
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
makmar11@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6905-1485
SPIN-код: 8531-2196

ФАКТОРЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ВЫБОРА И КАРЬЕРНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ВЫПУСКНИКОВ ШКОЛ В РОССИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Исследование факторов образовательного выбора и карьерных ориентаций школьников промышленного региона России показало, что большинство учащихся 11 классов планируют продолжить обучение в вузах, тогда как среди 9-классников популярна средняя профессиональная школа. Значительная часть молодежи намерена покинуть родной регион после окончания школы, особенно из сельских районов, что связано с ограниченными образовательными и карьерными возможностями на местах. Основные факторы выбора учебного заведения – наличие интересующей программы, качество обучения и комфорт проживания. На образовательный выбор также влияют образование родителей, доход семьи, успеваемость, место проживания и другие особенности. Информацию о вузах школьники получают преимущественно из социальных сетей и сайтов учебных заведений. При выборе профессии учащиеся ориентируются на личный интерес, перспективность и уровень заработка. Среди популярных отраслей – культура, IT и финансы. Миграция учащихся усиливает региональные диспропорции, что требует развития эффективной профориентационной работы. Для сокращения оттока выпускников необходимо использовать активные методы работы учреждений профессионального образования со школами: институт наставничества, развитие совместных лабораторий, научных и производственных комплексов. Необходимо совершенствовать диагностические инструменты для выявления способностей, потребностей и интересов учащихся и актуальных потребностей в работодателях.

Ключевые слова: образовательный выбор, карьерные ориентации, выпускники школ, профессиональная ориентация, мотивация, образовательная миграция.

Ссылка для цитирования: Макарова М.Н. Факторы образовательного выбора и карьерных ориентаций выпускников школ в российском регионе // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 3(14). – С. 57–64. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-3-57-64> EDN OAMVRA

Marina N. Makarova,
Doctor of Sociology, Associate Professor,
Professor of the Department of Sociology
Udmurt State University
1, Universitetskaya St., Izhevsk, Russia, 426034
makmar11@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6905-1485
SPIN-code: 8531-2196

FACTORS OF EDUCATIONAL CHOICE AND CAREER ORIENTATION OF SCHOOL GRADUATES IN THE RUSSIAN REGION

The study of factors of educational choice and career orientation of students in the industrial region of Russia showed that most of the 11th grade students plan to continue their education at universities, whereas among 9th grade students a professional secondary school is popular. Many young people intend to leave their home region after school, especially from rural areas, due to limited educational and career opportunities at the local level. The main factors in choosing a school are the availability of an interesting program, the quality of training and the comfort of accommodation. Educational choices are also influenced by parents' education, family income, academic achievement, place of residence and other characteristics. Information about the universities students receive mainly from social networks and websites of educational institutions. When choosing a profession, students focus on personal interest, prospects and earnings. Popular industries include culture, IT and finance. Migration of students reinforces regional disparities, which requires the development of effective career guidance. To reduce the outflow of graduates, it is necessary to use active methods of interaction between vocational education institutions and schools: mentoring programs, development of joint laboratories, scientific and production complexes. It is essential to improve diagnostic tools for identifying students' abilities, needs, interests, as well as current demands in workers.

Keywords: educational choice, career orientation, school leavers, professional orientation, motivation, educational migration.

For citation: Makarova M.N. [Factors of educational choice and career orientation of school graduates in the russian region]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 3(14), pp. 57–64 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-3-57-64>, EDN OAMVRA

Введение

Выбор профессии выпускниками школ определяется многообразием факторов и связан с профессиональным самоопределением, образовательным выбором, миграционными ориентациями и иными условиями. Ежегодно социально-экономическая ситуация, процессы, происходящие в образовании, законодательные изменения вносят коррективы в тенденции образовательного выбора и карьерных ориентаций молодежи. Также географическое и экономическое положение региона имеет существенное значение и детерминирует стратегии образовательного выбора, сопряженные с миграционными ориентациями выпускников. Это касается прежде всего миграции внутри страны. Многие регионы теряют наиболее успешных из них, а в перспективе – квалифицированные кадры. Как показали исследования, в России только 12 регионов являются «притягивающими» для абитуриентов, в то время как к регионам-донорам в плане образовательной миграции можно отнести около 45 субъектов РФ. [9]. В то же время многие регионы не могут дать образование по определенным профессиям, обеспечить занятость и достойный уровень жизни для молодежи. Миграционные тенденции усиливают имеющееся неравенство между регионами, что образует замкнутый круг. Образовательный и карьерный выбор определяет и тип образовательного учреждения, качество подготовки, а также наличие информации об образовательных возможностях в регионе и перспективах занятости. Имеющиеся стереотипы в отношении некоторых профессий, социальное окружение и веяния моды наряду с прочими факторами воздействует на образовательный выбор, который не всегда бывает осознанным и сформированным на момент окончания школы. Механизмы профориентационной работы, существующие как в образовательных учреждениях, так и на уровне регионов, приобретают особую важность в условиях трансформации рынка труда и кадровых диспропорций в экономике регионов и не всегда действуют эффективно.

В этой связи являются актуальными внутрирегиональные исследования, направленные на изучение образовательного выбора школьников. В настоящей статье представлены результаты опроса школьников –

учащихся 9-х и 11-х классов – одного из промышленных регионов России. Основной целью опроса было выявление факторов карьерных и образовательных ориентаций.

Материалы и методы

Всего в исследовании приняло участие 10835 учащихся образовательных организаций общего образования, зарегистрированных на территории Удмуртской республики. Согласно классификации, разработанной Т.К. Ростовской и В.И. Скоробогатовым, данный регион является донором точки зрения образовательной миграции [9, с. 162], поэтому определение характеристик и факторов образовательного выбора является актуальным с точки зрения повышения эффективности деятельности по привлечению выпускников в регион. Основными задачами исследования были следующие: выявить профессиональные и образовательные ориентации учащихся и факторы, их определяющие; оценить миграционный потенциал выпускников школ; определить мотивацию выбора будущей профессиональной деятельности; выявить представления молодежи о будущей профессии и потребности в дополнительной информации о возможностях обучения; дать рекомендации учебным заведениям по профориентационной работе с молодежью.

В исследовании использовалась квотная выборка, в основу которой легла численность выпускников соответствующего уровня в муниципальных образованиях региона. Для отбора самих муниципальных образований использовалась сплошная выборка. Опрос проводился методом интернет-анкетирования в октябре – ноябре 2023 г.

Результаты

Большинство учащихся 11 классов (80,3%) планируют продолжить обучение в высшем учебном заведении. Среди учащихся 9 классов только 18,3% желают продолжить обучение в 10 классе школы, а почти половина 9-классников (46,7%) желают поступать с учреждение среднего профессионального образования. Желание пойти служить в армию или работать минимально (не более 1,5% по каждой группе), в то же время думают о сочетании работы с учебой планируют 7,2% 9-классников и около 9,96% учащихся 11 классов. Такая образовательная траектория характерна для многих регионов [2, с. 48]. Также был проанализирован образовательный выбор учащихся во взаимосвязи с образованием родителей. Результаты показали, что у родителей с высшим образованием дети чаще, чем в других группах, выбирают вузы в качестве дальнейшего обучения либо желание продолжить обучение в 10 классе школы. Успеваемость также связана с выбором дальнейшего обучения: чем выше успеваемость, тем выше уровень выбираемого учебного заведения. При анализе выбора вуза обнаружилось, что школьники с лучшей успеваемостью чаще выбирают вузы вне региона, что говорит о стремлении лучших выпускников покинуть регион. По результатам исследования, примерно поровну распределились ссузы по выбору учащихся 9 классов (38,54%) и вузы по выбору учащихся 11 классов (36,94%). В то же время чуть менее четверти всех респондентов и 38% обучающихся 9 классов, давших ответ на вопрос, собираются поступать в высшие учебные заведения.

Далее, учащиеся отвечали, чье мнение повлияло на их выбор учебного заведения. Большинство опрошенных ответили, что сделали выбор самостоятельно (78%). На втором месте – мнение родителей и родственников (36,5%), на третьем – друзей (10,3%). Учащиеся 11-х классов чаще выбирают вариант «мое личное мнение», чем ученики 9-х классов, поскольку их выбор является более сформированным и осознанным. Обучающимся был задан вопрос о факторах, повлиявших на выбор ими учебного заведения. На первом месте оказалось наличие интересующей образовательной программы (70,3%). На втором месте – качество обучения (51,5%), на третьем – комфортные условия проживания в месте обучения (32,1%). Если рассматривать представленные факторы с точки зрения приоритетного выбора вуза, то можно отметить, что для вузов региона главным фактором является близость к дому и несложный процесс обучения, в то время как для центральных вузов и вузов вне региона приоритетными являются такие факторы, как наличие интересующей образовательной программы, качество образования, комфортность проживания в населенном пункте, в котором находится образовательное учреждение, и престижность учебного заведения.

Если рассматривать центральные вузы и вузы вне региона, то здесь основными факторами являются: качество обучения, наличие интересующей образовательной программы, комфортность проживания в населенном пункте, в котором находится образовательное учреждение, и престижность учебного заведения. Что касается региональных вузов, то основными факторами являются близость к дому и несложный процесс обучения. Для учеников 11-х классов более актуальными факторами, чем для 9-классников, являются как наличие интересующей образовательной программы, качество образования, комфортность проживания в населенном пункте, в котором находится образовательное учреждение, и престижность учебного заведения. Для учащихся 9 классов более важны такие факторы, как близость к дому и несложный процесс обучения.

В качестве основных источников информации о выбранном учебном заведении учащиеся отмечают социальные сети (45,5%) и сайты образовательных учреждений (31,7%). На третьем месте находятся межличностные контакты: информация от студентов (30%) и специалистов, работающих в определенной области (21,5%). Следует отметить, что информация от специалистов по профориентации в образовательных учреждениях занимает последнее место (7%). Для учащихся 11-х классов более актуальны такие источники информации, как популярные книги, статьи по выбранной специальности, кино, художественная литература, сайт образовательного учреждения, электронные или печатные СМИ.

Учащимся было предложено определить отрасль, в которой они хотели бы работать. Учащимся можно было отметить несколько отраслей. Как показывают ответы, наиболее популярными отраслями для учащихся являются культура и искусство, информационные технологии и финансовая деятельность. Если сравнивать предпочтения учащихся 9-х и 11-х классов, то для девятиклассников больше, чем для учащихся 11 классов, интересно машиностроение, пищевая промышленность и транспорт, а для учащихся 11-х классов интереснее, чем для 9-классников, образование, наука, информационные технологии и СМИ.

Если оценивать выбор сфер деятельности во взаимосвязи с профилем обучения, то можно обнаружить определенное соответствие. Например, учащиеся социально-экономического профиля чаще выбирают социальную сферу, торговлю, правоохранительную деятельность. Также учащиеся информационно-технологического профиля чаще всего выбирают информационные технологии, представители химико-технологического профиля чаще выбирают здравоохранение; учащиеся физико-математического профиля чаще выбирают информационные технологии и финансовую деятельность. Выпускники гуманитарных профилей чаще выбирают культуру и искусство, правоохранительные органы и образование. Выпускники лингвистического профиля чаще выбирают образование, СМИ и культуру.

Таблица 1. Планируете ли Вы покинуть место жительства, в котором сейчас проживаете, после окончания школы? (% по типам поселения)

	Города	Сельские районы	Итого
Да, точно уеду	28,55	46,08	36,30
Пока не знаю	20,58	13,45	32,60
Скорее всего не уеду	11,55	4,55	8,50
Скорее всего уеду	32,21	33,11	5,20
Точно не планирую уезжать	7,10	2,81	17,40
Общий итог	100,00	100,00	100,00

36,3% опрошенных точно планируют покинуть место жительства после окончания школы. Среди учащихся 11-х классов таковых почти половина. Еще треть опрошенных также склоняются к отъезду. В сельских районах существенно больше проявивших желание покинуть место жительства, чем в городах, что является в целом предсказуемым, поскольку не все районы имеют востребованные обучающимися учебные заведения и специальности (таблица 1). В то же время, это отчасти может говорить и о других факторах, например, комфортности проживания, уровне жизни, карьерных возможностях.

На вопрос о том, куда конкретно планируют уезжать учащиеся, четверть опрошенных выбрали столицу региона в качестве потенциального места своего пребывания, пятая часть опрошенных предполагает уехать в Москву или в Санкт-Петербург. Среди учащихся 9-х классов 28,2% планируют уехать в региональный центр для дальнейшего обучения и работы, 7,9% – в другой город или населенный пункт, в Москву и Санкт-Петербург – 9,5%. Среди учащихся 11-х классов более 17,7% хотели бы уехать в столицу региона, в другой город или населенный пункт региона – 3,3%, в Москву и Санкт-Петербург – 16,6%, 35,6% – в другой город России. Эти результаты подтверждается и рядом общероссийских исследований, согласно которым «15–17-летние интенсивно мигрируют внутри региона для обучения в учреждениях среднего профессионального образования, в 17–19 лет траектории миграционных перемещений становятся более вариативными, они могут быть как внутрирегиональными, так и межрегиональными и даже международными» [4, с. 96]. В качестве факторов возможного переезда учащиеся указывают следующие: потребность в самостоятельной жизни; отсутствие необходимого профессионального учебного заведения и образовательной программы в месте проживания; больше возможностей выбора учебного заведения в месте переезда; лучшее качество и престижность образования в месте переезда; больше возможностей для карьеры, трудоустройства и

самореализации; комфортность проживания, условия жизни, развитая инфраструктура; научно-техническое развитие; климатические условия; доступность поступления; более высокая оплата труда в регионе; больше возможностей для общения; наличие родственников, друзей в месте переезда; желание перемен, путешествий, новых впечатлений, жить в большом городе.

Также образование родителей взаимосвязано с миграционными ориентациями школьников. У родителей с высшим уровнем образования дети чаще выбирают переезд в вуз другого региона, чем внутри региона. Также и уровень дохода может быть связан с потребностями к миграции. Самооценка уровня дохода выше среднего («можем купить новый автомобиль, но не дом, квартиру») чаще показывает желание уехать в региональный центр или в другой регион.

Как мы видим, большинство отталкивающих/притягивающих факторов для молодежи является достаточно предсказуемым и обращается в области повышения возможностей обучения, проживания, карьеры и саморазвития, что отмечается и в других исследованиях [11]. Наличие необходимого учебного заведения и образовательной программы для школьников являются важными причинами желаемого переезда. Это касается прежде всего творческих и некоторых научных специальностей. Однако категория «больше возможностей», которая чаще всего упоминается в ответах учеников, включает в себя и другие критерии, характерные для жизненных ориентаций современной молодежи: желание уехать из сельской местности, потребность в более комфортных условиях жизни, полноценном досуге, общении, в самостоятельности и др. Это подтверждается и другими исследованиями [1; 6].

В качестве экономических выталкивающих факторов молодежь часто относит неразвитую экономику городов и районов и нехватку предложений на рынке труда. Также, по мнению школьников, более крупные вузы дают более качественное образование. Однако, согласно исследованиям, для российской молодежи часто характерно то, что «представления о потенциальном уровне жизни в другой локации складываются не из объективных данных, а благодаря субъективным представлениям, приобретенным через доступные социальные контакты и информационные ресурсы» [12, с. 138].

К сожалению, учебная миграция в России носит некомпенсируемый характер, и город, где учащиеся получают профессиональное образование, становится местом дальнейшего трудоустройства или транзитом в другие города и страны [10]. Поэтому одним из ресурсов развития инфраструктуры малых городов и районов предлагается развитие учреждений СПО, поскольку, по мнению исследователей, «именно эта образовательная ступень нацелена на подготовку рабочих и служащих нового формата, обладающих компетенциями цифровой эпохи, идентифицирующих себя с малой Родиной, ценности которых соответствуют целям развития территорий малых городов и сельских поселений» [3, с. 125].

Рассмотрим, какие факторы влияют на выбор обучающимися специальности. При выборе специальности обучающиеся в основном ориентируются на свой личный интерес к ней (65,3%), а также на ее перспективность на рынке труда (41,4%). Не менее важно также то, что выбор этой специальности дает возможность хорошего заработка (38,6%).

Среди учащихся 11-х классов в большей степени, чем для 9-тиклассников, при выборе профессии важен личный интерес, что можно объяснить тем, что на этом этапе обучения и личностного развития становятся важными именно осознанные индивидуальные потребности в образовательном и профессиональном выборе. Также в группе учащихся 11-х классов становятся наиболее важными такие мотивы, как востребованность профессии и возможность найти высокооплачиваемую работу. Это говорит о том, что на этом этапе учащиеся начинают руководствоваться более прагматичными критериями выбора своей будущей карьерной перспективы, нежели более младшие группы школьников.

Для определения мотивационных факторов образовательного и профессионального выбора важными являются профессиональные ценности. С этой целью учащимся был задан вопрос о том, что для них особенно важно в их будущей профессии (рис. 1).

Рис. 1. Ответы на вопрос: «Что для Вас важно в Вашей будущей работе?» (%)

Можно отметить, что два важнейших фактора, значимых в профессиональной деятельности, адекватно отражены участниками опроса: это, с одной стороны, достойная заработная плата, с другой – интересное содержание работы. Другие факторы – это дружный коллектив, команда, а также хорошие условия труда.

Большинство опрошенных посещают дополнительные кружки или секции, среди учащихся 9-х классов их почти половина, среди учеников 11-х классов – 37,3%. 61,3% 11-тиклассников посещают курсы по подготовке к ЕГЭ, 34,2% занимаются с репетитором. Волонтерская деятельность привлекает 14% школьников. Такие виды деятельности, как проектная и научная деятельность, в наименьшей степени используется школьниками, хотя они могут выступать в качестве эффективных источников профориентации. Также среди тех, кто планирует получать высшее образование, существенно больше тех, кто занимается на курсах по подготовке к ЕГЭ и с репетитором. Также чаще занимаются с репетитором те, кто собирается продолжить обучение в 10 классе.

79% опрошенных участвовали в различных олимпиадах и конкурсах, а более четверти были победителями и призерами этих конкурсов. Среди 11-тиклассников больше победителей и лауреатов конкурсов, что, возможно, связано с их заинтересованностью в хорошем портфолио, либо в предоставлении возможностей получить дополнительные баллы ЕГЭ, либо преимуществ при поступлении в вузы. Наибольшая доля участников олимпиад и конкурсов наблюдается среди тех, кто хочет продолжить обучение в вузе или продолжить обучение в школе. Следует отметить, что и среди тех, кто планирует обучаться в учреждениях СПО, также присутствует большое количество участников различных олимпиад и конкурсов.

Большинство опрошенных школьников (61,7%) нуждаются в информации о будущей профессии, обучении и профессиональном развитии, причем это не зависит от класса обучения.

Таблица 2. Какая работа по профессиональной ориентации ведется в Вашей школе? (% по классу)

Методы профориентации	9 класс	11 класс
Проводятся опросы, тесты по профессиональным склонностям	59,60	64,00
Проводятся встречи с представителями образовательных организаций	25,00	48,60
Проводятся встречи с представителями образовательных организаций	12,90	22,10
Проводятся специальные занятия, классные часы	60,30	66,20
Работа не проводится	13,00	7,60
Итого	170,80	208,50

В отношении профориентационной работы, большинство участников отметили наличие определенных видов деятельности. В основном они ограничиваются двумя основными формами: опросы, тесты по профессиональным склонностям и специальные занятия, классные часы. К сожалению, встречи с представителями образовательных организаций и бизнеса менее распространены. Если сравнивать 9 и 11 классы, то наибольшая активность, по мнению опрошенных, наблюдается в 11-х классах.

Большинство учащихся 11-х классов планируют продолжить обучение в высшем учебном заведении. Среди учащихся 9-х классов только менее пятой части желают продолжить обучение в 10 классе школы, а почти половина из них желают поступать в учреждение среднего профессионального образования. У родителей с высшим образованием дети чаще, чем в других группах, выбирают вузы в качестве дальнейшего обучения либо желание продолжить обучение в 10 классе школы, что подтверждает наличие воспроизводства образовательного статуса. Успешность также связана с выбором дальнейшего обучения: чем выше успешность, тем выше уровень выбираемого учебного заведения. Учащиеся 11-х классов чаще, чем 9-х классов, выбирают московские, петербургские вузы и другие вузы РФ в качестве приоритетных для своего образовательного выбора.

Большинство опрошенных ответили, что сделали выбор самостоятельно. На втором месте – мнение родителей и родственников, на третьем – друзей. Среди факторов выбора вуза на первом месте оказалось наличие интересующей образовательной программы, на втором месте – качество обучения, на третьем – комфортные условия проживания в месте обучения. Если рассматривать представленные факторы с точки зрения приоритетного выбора вуза, то можно отметить, что для вузов региона главными факторами является близость к дому и несложный процесс обучения, в то время как для центральных вузов и вузов вне региона приоритетными являются такие факторы, как наличие интересующей образовательной программы, качество образования, комфортность проживания в населенном пункте, в котором находится образовательное учреждение, и престижность учебного заведения.

Более трети опрошенных планируют покинуть место своего жительства. В районах существенно больше принявших желание покинуть место жительства, чем в городах, поскольку не все районы имеют востребованные обучающимися учебные заведения и специальности. В то же время половина учащихся 11-х классов изъявили желание уехать за пределы региона. Большинство опрошенных школьников нуждаются в информации о будущей профессии, обучении и профессиональном развитии.

Заключение

В настоящее время наблюдается проблема неравного доступа к образованию между учащимися в сельских и городских районах нашей страны. В то же время выбор учреждений СПО учащимися 9 классов достаточно высокий. Это говорит о том, что именно для обучающихся в сельской местности развитие среднего профессионального образования может быть одним из ресурсов преодоления миграции. В крупных городах такие возможности представлены значительно шире, лучше качество обучения, поэтому другим ресурсом может стать развитие возможностей дистанционного обучения. Не только ссузы, но и вузы могут расширить свои возможности для дистанционного обучения учащихся, испытывающих проблемы с транспортной доступностью населенных пунктов, в которых проводится обучение. Для этого необходимо развитие образовательных программ в сети Интернет (в дистанционном или смешанном формате).

Большое количество не определившихся с будущей профессиональной деятельностью среди девятиклассников, с одной стороны, говорит об их отложенном профессиональном выборе, с другой – демонстрирует неопределенность профессиональных ориентаций школьников. Это говорит о необходимости в дополнительных методах профориентационной работы со школьниками: стажировки, проектная работа, наставничество, проведение профессиональных конкурсов и т. д. В то же время для обеспечения этих условий необходимо организовать профориентационную работу квалифицированными кадрами как со стороны образовательных учреждений общего образования, так и со стороны образовательных учреждений профессионального образования, а также организаций и предприятий [7].

По данным исследования, школьники ориентированы в наибольшей степени на образовательные учреждения вне региона. Даже с учетом того, что в ответах учащихся не отражаются реальные последствия их выпуска и поступления в профессиональные образовательные учреждения, уже сами планы говорят о том, что более половины обучающихся готовы уехать из региона. Понятно, что эту проблему сложно решить лишь силами образовательных учреждений и даже руководства региона.

Важно использовать институт наставничества в проведении стажировок учащихся в организациях либо при использовании совместных с организациями институтов на территории школы (лабораторий, научных комплексов и т. д.) [5, с. 145]. В качестве наставников могут выступать сотрудники организаций, которые имеют опыт работы по конкретной программе обучения.

Важным инструментом профориентационной работы в школах является формирование диагностических инструментов для выявления способностей, потребностей и интересов учащихся в отношении будущей профессиональной деятельности [8].

Сотрудничество со службой занятости может быть одним из ресурсов отслеживания актуальных потребностей в работниках и их учета учреждениями общего образования с целью информирования школьников, их учителей и наставников.

Развитие целевой подготовки учащихся в вузах и ссузах является важным инструментом для привлечения молодежи к проживанию и работе в регионе, в то же время необходимо создавать условия для их комфортного проживания и обеспечивать им достойную заработную плату. Для этого целесообразно привлекать усилия как органов государственной власти, так и бизнеса. Развитие территорий, обеспечение оптимальных социально-экономических условий жизни и работы молодых специалистов являются основными условиями предотвращения миграции.

Библиографический список

1. Абросимова Е.Е., Ягафарова Э.У. Миграционные настроения современной молодежи Приморского края // Территория новых возможностей. 2022. № 3. С. 189–197. DOI: 10.24866/vvsu/2073-3984/2022-3/189-198 EDN: KVBONS
2. Алешковский И.А., Мотева А.И., Савина Н.Е., Гаспаришвили А.Т., Крухмалева О.В. Образовательные траектории выпускников школ российского промышленного региона // Образование и наука. 2020. Т. 22, № 10. С. 41–60. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-10-41-60 EDN: UDZRQQ
3. Бушуева Т.Н. Снижение миграции молодежи из малых городов посредством развития системы среднего профессионального образования // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий. Екатеринбург, 2022. Т. 1. С. 221–226.
4. Габдрахманов Н.К., Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В. Образовательная миграция молодежи и оптимизация сети вузов в разных по размеру городах // Вопросы образования. 2022. № 2. С. 88–116. DOI: 10.17323/1814-9545-2022-2-88-116 EDN: ANWKLZ
5. Кох И.А., Орлов В.А. Ценности и профессиональное самоопределение студенческой молодежи // Образование и наука. 2020. Т. 22, № 2. С. 141–168. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-2-141-168 EDN: ZCAWVN
6. Мкртчян Н.В. Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 225–242. DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.15 EDN: YORVWV
7. Пациорковский В.В., Крухмалева О.В. Образование в цифровом обществе: региональный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Социология». 2019. Т. 19(3). С. 419–431. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-419-431 EDN: JQCORS
8. Профессиональное самоопределение школьников: опыт, традиции и инновации: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), 03 ноября 2023 года / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации [и др.]: составитель, научный редактор Н.В. Абрамовских. Сургут: Сургутский государственный педагогический университет, 2023. 134 с.
9. Ростовская Т.К., Скоробогатова В.И. Вызовы образовательной миграции на современном этапе // Университетское управление: практика и анализ. 2022. Т. 26, № 2. С. 105–113. DOI: 10.15826/umpra.2022.02.016 EDN: KVJYYQ
10. Санникова О.В. Некомпенсируемая образовательная миграция как проблема развития российского региона // Теория и практика общественного развития. 2015. № 24. С. 19–21.
11. Ситковский А.М., Дожиков А.В. Внутрироссийская образовательная миграция молодежи: привлекательность регионов для получения высшего образования // Образование и наука. 2025. Т. 27(6). С. 149–179. DOI: 10.17853/1994-5639-2025-6-149-179 EDN: TSLSLP
12. Чернышева Н.С., Чжан Ю. Молодежная миграция в России: обзор дискуссий // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 135–143. DOI: 10.31857/S013216250018919-3 EDN: WBSGOO

УДК 35.08:316.628

EDN QGHNCYC

DOI: 10.17072/2949-5601-2025-3-65-71

Галич Людмила Петровна,
кандидат социологических наук, доцент,
старший научный сотрудник НИИ теории и практики государственного управления
Академия управления при Президенте Республики Беларусь
220089, Беларусь, г. Минск, ул. Московская, 17
Galich_lp@pac.by
SPIN-код: 7898-6606

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЗАКРЕПЛЕНИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ МОЛОДЫХ КАДРОВ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Целью данной статьи является анализ практик, сложившихся в государственных органах и организациях Республики Беларусь в сфере закрепления молодых работников. Рассматриваются основные направления укрепления кадрового потенциала в государственных органах и организациях. Отмечается, что в качестве ключевых аспектов работы с молодежью выступают внедрение наставничества, предоставление условий для профессионального развития молодежи, а также наличие эффективной системы материального и нематериального стимулирования. На основании анализа отечественного опыта укрепления и развития кадрового показано, что в государственных органах и иных организациях проводится комплексная систематическая работа с молодыми кадрами, внедряются цифровые инструменты, используются современные технологии отбора, адаптации, оценки и карьерного продвижения молодых работников. Отмечается, что в Республике Беларусь создана и поступательно совершенствуется соответствующая нормативная правовая база, регламентирующая отдельные вопросы адаптации, профессионального развития и оценки молодых работников, а также кадрового обеспечения в целом. Проводится работа по материальному и нематериальному стимулированию молодежи, способствующая закреплению работников в организациях и повышению эффективности их профессиональной деятельности. Вместе с тем наблюдаются проблемные моменты, требующие совершенствования нормативно-правовой базы, регламентирующей вопросы наставнической деятельности, профессионального развития и оценки работников.

Ключевые слова: кадровый потенциал, молодежь, государственные органы, государственные организации, наставничество, профессиональное развитие, оценка работников, молодые специалисты.

Ссылка для цитирования: Галич Л.П. Ключевые направления закрепления и профессионального развития молодых кадров: опыт Республики Беларусь // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 3(14). – С. 65–71. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-3-65-71> EDN QGHNCYC

Lyudmila P. Galich,

PhD in Sociology, Associate Professor,

Senior Researcher, Research Institute of Theory and Practice of Public Administration

Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus

17, Moskovskaya str., Minsk, Belarus, 220089

Galich_lp@pac.by

SPIN-code: 7898-6606

KEY DIRECTIONS OF RETENTION AND PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF YOUNG STAFF: EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The purpose of this article is to analyze practices established in government agencies and organizations of the Republic of Belarus in the area of retaining young workers. The article examines the main areas of strengthening human resources in government agencies and organizations. It is noted that key aspects of working with young people include the introduction of mentoring, providing conditions for the professional development of young people, and the existence of an effective system of material and non-material incentives. Based on an analysis of domestic experience in strengthening and developing human resources, it is shown that government agencies and other organizations conduct comprehensive and systematic work with young personnel, introduce digital tools, and utilize modern technologies for the selection, adaptation, assessment, and career advancement of young workers. It is noted that the Republic of Belarus has created and is steadily improving a corresponding regulatory framework governing specific issues of adaptation, professional development, and assessment of young workers, as well as human resources in general. Work is underway to provide material and non-material incentives for young people, contributing to the retention of workers in organizations and improving their professional performance. At the same time, there are problematic issues that require improvement of the regulatory framework governing issues of mentoring, professional development and employee assessment.

Keywords: human resources potential, youth, government agencies, government organizations, professional development, young specialists.

For citation: Galich L.P. [Key directions of retention and professional development of young staff: experience of the Republic of Belarus]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 3(14), pp. 65–71 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-3-65-71>, EDN QGHCYC

В Республике Беларусь вопрос укрепления кадрового потенциала организаций является одним из значимых как в контексте поддержания кадровой безопасности, так и эффективного социально-экономического и политического развития белорусского государства. Формирование качественного кадрового состава среди молодежи возможно на основе эффективной системы подбора, расстановки кадров с учетом их квалификации, профессиональных и личностных качеств, совершенствования форм, методов оценки молодых кадров и результатов их деятельности, а также создания поддерживающей мотивационной среды и условий для работы и профессиональной карьеры молодых работников. Основными направлениями в сфере надлежащего кадрового обеспечения в этой связи выступают развитие системы адаптации кадров, в том числе наставничество, профессиональное развитие молодых работников.

В Концепции государственной кадровой политики Республики Беларусь отмечается, что происходящие в обществе изменения характера трудовых отношений приводят к различного рода рискам в сфере кадровой безопасности – отставанию темпов повышения профессиональных компетенций работников от современных требований рынка труда, росту дефицита квалифицированных кадров по наиболее значимым видам экономической деятельности, снижению мотивации к получению рабочих профессий, отсутствию четкой кадровой стратегии, обеспечивающей эффективное поступательное развитие кадрового потенциала, оттоку молодых кадров [5].

Во многих отраслях экономики существует запрос на удержание молодых специалистов. Так, на 1 января 2024 г. закрепление молодых специалистов в разных сферах составило: в образовании – 67,9%, в здравоохранении – 74%, в культуре – 39,1%, в спорте и туризме – 42%, в сельском хозяйстве – 42,5%, в жилищно-коммунальном хозяйстве – 29,2%, в лесном хозяйстве – 55%, в строительстве – 52%, в промышленности – 49,4% [6].

Актуализируется потребность в цифровизации кадровой работы, основанной на необходимости создания и использования соответствующих электронных платформ (ресурсов), что позволит осуществлять

кадровую работу на более качественном уровне за счет применения эффективных передовых технологий, а также способствовать обмену опытом на межведомственном и межорганизационном уровнях. Вместе с тем вопросам укрепления и развития кадрового потенциала уделяется внимание на самом высоком уровне. В стране создана и поступательно совершенствуется соответствующая нормативная правовая база, регламентирующая отдельные вопросы адаптации, профессионального развития и оценки работников, а также кадрового обеспечения в целом. основополагающими нормативными правовыми актами, регулирующими работу с кадрами, являются:

- Указ Президента Республики Беларусь от 3 января 2024 года № 1 «О Концепции государственной кадровой политики Республики Беларусь» [5];
- Закон Республики Беларусь от 1 июня 2022 года № 175-З «О государственной службе в Республике Беларусь» [7];
- Указ Президента Республики Беларусь от 26 июля 2004 года № 354 «О работе с руководящими кадрами в системе государственных органов и иных организаций» [8];
- Указ Президента Республики Беларусь от 16 сентября 2019 года № 343 «О деятельности Академии управления при Президенте Республики Беларусь» [9];
- Указ Президента Республики Беларусь от 16 декабря 2022 года № 429 «О деятельности специальных фондов Президента Республики Беларусь» и «Положения о порядке формирования, ведения и использования банков данных одаренной и талантливой молодежи» [10];
- Закон Республики Беларусь от 07 декабря 2009 года № 65-З «Об основах государственной молодежной политики» [11].

Среди основных нормативных правовых актов Республики Беларусь, регламентирующих вопросы профессионального развития работников, следует выделить:

- Кодекс Республики Беларусь об образовании [4];
- Трудовой кодекс Республики Беларусь [20];
- Указ Президента Республики Беларусь от 7 февраля 2006 года № 80 «О правилах приема лиц для получения высшего образования I ступени и среднего специального образования» [12];
- Указ Президента Республики Беларусь от 16 сентября 2019 года № 343 «О деятельности Академии управления при Президенте Республики Беларусь» [13];
- Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15 июля 2011 года № 954 «Об отдельных вопросах дополнительного образования взрослых» [14];
- Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 12 марта 2008 года № 379 «Об утверждении Положения о порядке осуществления повышения квалификации, стажировки и переподготовки работников и признании утратившими силу некоторых постановлений Правительства Республики Беларусь» [15].

На сегодняшний день в государственных органах и иных организациях Республики Беларусь поступательно складывается и реализуется система работы с молодыми кадрами. В деятельность кадровых служб внедряются цифровые инструменты, используются современные технологии отбора, адаптации, оценки и карьерного продвижения работников. Во исполнение комплекса мероприятий по реализации Концепции государственной кадровой политики Республики Беларусь на период до 2030 г. ведется работа по созданию автоматизированной информационной системы, обеспечивающей цифровизацию кадровой работы государственных органов. Разрабатываемый ресурс позволит консолидировать персональные данные кадров на единой платформе, оптимизировать каналы межведомственного взаимодействия, ускорить принятие кадровых решений, расширить возможности формирования кадровых резервов и постепенно уйти от бумажного производства, заменив его электронным [2]. Данная мера предпринята в связи с реализацией одной из приоритетных задач, связанной с цифровизацией кадровой работы в Республике Беларусь.

Анализ отечественного опыта укрепления и развития кадрового потенциала показал, что в государственных органах и иных организациях проводится комплексная систематическая работа с молодыми кадрами.

1. Принимаются локальные акты (решения), определяющие дополнительные меры по надлежащему кадровому обеспечению (в частности, по восполнению кадров, адаптации молодых специалистов, закреплению молодежи, предоставлению гарантий для молодых специалистов, профессиональному развитию молодых работников).

2. Создаются рабочие группы (комиссии), целью которых является проведение мониторинга кадровых перемещений молодых работников и контроль кадровых процессов в организациях. Мониторинг позволяет

определять потребность в кадрах, планировать подготовку, переподготовку и повышение квалификации молодых работников, распределение и перераспределение кадров, принимать решения о стимулировании и поощрении молодых специалистов и др.

Так, во исполнение решения Могилевского областного исполнительного комитета от 31 октября 2022 года № 54-25 «О дополнительных мерах по кадровому обеспечению государственных организаций», а также для осуществления мониторинга кадровых перемещений, в организациях созданы рабочие группы [18]. Основные задачи рабочих групп заключаются в следующем: на систематической основе собираются данные, характеризующие количественные и качественные параметры кадрового потенциала организаций; анализируется работа по профессиональной подготовке, переподготовке и повышению квалификации молодых работников; изучаются коэффициенты и причины текучести молодых кадров; рассматриваются ситуации с заключением, продлением и расторжением трудовых договоров (контрактов).

3. Практикуется проведение выездных заседаний и семинаров для руководителей государственных органов и организаций, в том числе с участием представителей Администрации Президента Республики Беларусь, в целях обсуждения различных кадровых вопросов, а также подведения итогов контроля и мониторинга кадровых процессов. Данные мероприятия имеют широкое освещение в местных СМИ и на официальных сайтах государственных органов и организаций, что способствует обмену опытом, как в части достигнутых результатов, так и нерешенных проблемных вопросов. Так, в Витебском областном исполнительном комитете 20 декабря 2023 г. состоялось заседание, в ходе которого обсуждались следующие вопросы: демографические и миграционные факторы сокращения кадровых ресурсов (старение населения, выезд граждан в другие регионы и за пределы страны, отток молодых специалистов); актуальные кадровые проблемы, сложившиеся в различных отраслях экономики и социальной сферы; вопрос закрепляемости молодых кадров с высшим образованием в регионах страны; роль руководителя государственных органов и организаций в процессе подбора, расстановки, развития кадров; новые тенденции, факторы и трансформация подходов в работе с молодыми кадрами на современном этапе развития белорусского общества [21].

4. На базе государственных органов систематически проводятся обучающие семинары для работников кадровых служб для обмена опытом по эффективным практикам работы с молодыми работниками и специалистами. В качестве примера выступает проведенный 28 июня 2023 г. в Могилевском областном исполнительном комитете семинар-практикум «Кадровый потенциал как ресурс социально-экономического развития Могилевского района: состояние, тенденции, перспективы. Организация работы по закреплению молодых специалистов». Основные направления работы семинара: развитие профессиональных компетенций специалистов по работе с кадрами; эффективное формирование кадрового резерва; закрепление молодых специалистов в организациях Могилевской области [16].

5. Расширяется социальное партнерство. Сложившиеся практики социального партнерства в социально-трудовой сфере основаны на тесном взаимодействии правительства, организаций (выступающих в роли нанимателей) и профсоюзов. В рамках социального партнерства заключаются соответствующие соглашения, что обеспечивает единые стандарты трудовых отношений, социальные гарантии для молодых работников государственных организаций и предприятий, закрепляются меры стимулирования организаций, создающих условия для развития кадрового состава. 31 января 2025 г. подписано Генеральное соглашение между Правительством Республики Беларусь, республиканскими объединениями нанимателей и профсоюзов на 2025–2027 гг. [1]. В целях развития кадрового потенциала, в соответствии с Главой 4 «Развитие рынка труда и содействие занятости населения», предусмотрен пункт о стимулировании нанимателей при следующих условиях: наличие (создание) в организации собственной учебной базы (учебных центров); предоставление условий для получения работниками профильного профессионального образования; развитие в организации системы непрерывного профессионального обучения, подготовки и переподготовки кадров. Следует также отметить сотрудничество организаций сферы ЖКХ Могилевской области и областной организации Белорусского профсоюза работников местной промышленности и коммунально-бытовых предприятий, в процессе которого принято дополнительное соглашение, предусматривающее: создание здоровых и безопасных условий труда для работников организаций; эффективное использование имеющихся кадров и создание новых рабочих мест; формирование в трудовых коллективах здорового морально-психологического климата и благополучной рабочей обстановки; проведение мероприятий по закреплению на предприятиях сферы ЖКХ работников по востребованным профессиям и др. [19].

6. Организуются стажировки в государственных органах и организациях, проводимые как в целях обмена опытом, так и профессионального развития работников. Преимущества стажировок: приобретение

практического опыта профессиональной деятельности; изучение региональной специфики и особенностей организации работы в иных органах и организациях; изучение современных управленческих процессов и кадровых технологий; посещение стратегических объектов региона; ознакомление с практикой адаптации, обучения и оценки кадров и др. С 14 по 16 ноября 2023 г. председатели райисполкомов Витебской области проходили стажировку на базе государственных органов Могилевской области. Цель стажировки – приобретение практического опыта в сфере управленческих процессов, ознакомление с практикой обучения молодых кадров для отрасли АПК, повышение квалификации. В ходе стажировки на базе Могилевского районного исполнительного комитета состоялся круглый стол с обсуждением вопросов закрепляемости молодежи в организациях [17].

7. В целях оперативной и результативной адаптации молодых работников, а также их профессионального развития и интеграции в трудовой коллектив государственные органы и иные организации, поступательно внедряют институт наставничества. На сегодняшний момент многим работникам, особенно молодым специалистам, становится все труднее обрабатывать возросший объем информации, эффективно работать с большими данными, находить правильный путь обучения и профессионального развития, выбирать оптимальные стратегические ориентиры и реализовывать свой индивидуальный профессиональный потенциал. Молодые работники испытывают недостаток знаний в сфере законодательства и особенностей деятельности государственного органа и организации. В связи с этим они нуждаются в дополнительном сопровождении опытным работником, а также в подготовке в условиях социальной и профессиональной адаптации, приближенной к особенностям трудового регламента в государственном органе (организации). Наставничество позволяет обеспечить преемственность и передачу опыта профессиональной деятельности, способствует приобщению работников к корпоративной культуре, а также ускоряет процессы адаптации к профессиональной среде. Таким образом, адаптация работников является составной частью укрепления кадрового потенциала.

В научной литературе отечественными учеными наставничество рассматривается в качестве процесса приспособления работника к содержанию и условиям трудовой деятельности и непосредственной социальной среде, инструмента совершенствования деловых и личностных качеств работника [3]. Наставничество как адаптационная технология включает подготовку работника, его обучение и вхождение в рабочую среду организации. Основной целью профессиональной адаптации является создание условий для успешной интеграции новых работников в трудовой коллектив и повышение эффективности их работы путем оперативного развития недостающих компетенций и роста их профессионального уровня. Решение данной задачи возможно через обеспечение обучения непосредственно на рабочем месте, поддержку сотрудников, а также организацию системы контроля и оценки их деятельности.

В научных источниках отмечается, что в организациях реализуются чаще всего следующие виды профессиональной адаптации: первичная адаптация (связана с вхождением в должность молодых работников, не имеющих опыта трудовой деятельности. Данная категория работников нуждается в особом внимании со стороны руководства организации и коллег, которые обеспечивают создание необходимых условий для приобщения к профессиональной среде, овладения профессией, оперативного включения в профессиональную деятельность); вторичная адаптация (происходит в случае перехода работника, имеющего опыт профессиональной деятельности, на новое рабочее место или изменения условий труда, предполагающее изменение сферы, объекта или предмета трудовой деятельности); реадаптация (представляет собой процесс привыкания и освоения работником новой организационной роли на более низком или более высоком уровне организационной иерархии, что может быть связано с понижением или повышением должностного статуса работника). Лица, в отношении которых может устанавливаться наставничество: молодые специалисты, впервые вступившие в профессиональную деятельность (традиционное прямое наставничество); опытные работники, которые испытывают потребность в дополнительных знаниях и компетенциях (обратное реверсивное наставничество); равные с точки зрения возраста и опыта работники, взаимоотношения которых основываются на принципе взаимного дополнения, в ходе выполнения общей работы (горизонтальное комплементарное наставничество).

В Республике Беларусь практическая значимость наставничества признается на самом высоком уровне, о чем свидетельствует планирование внесения изменений и дополнений в Трудовой кодекс. Министром труда и социальной защиты Республики Беларусь Н.В. Павлюченко было отмечено, что на сегодняшний день существует потребность в закреплении института наставничества в Трудовом кодексе, поскольку данная форма работы с молодыми специалистами не регулируется законом, что вынуждает государственные органы и

организации в частном порядке решать вопрос, прописывая его в локальных правовых документах. По словам Н.В. Павлюченко, «сегодня, в связи с необходимостью закрепления молодых кадров, их адаптации, изучения корпоративной культуры, эта тема приобретает особую актуальность. В настоящее время законодательством не урегулированы вопросы применения данной формы работы с молодыми специалистами. Соответственно наниматели решают эти вопросы в рамках своих локальных правовых актов. Поэтому назрела необходимость закрепить институт наставничества в Трудовом кодексе» [19].

Внимания заслуживает опыт работы с молодыми кадрами, сложившийся в нефтехимической отрасли Республики Беларусь. В отдельных организациях концерна «Белнефтехим» применяются современные практики управления кадрами. Для молодых специалистов организовываются стажировки под руководством опытных высококвалифицированных коллег в целях полного освоения особенностей производства и оперативной адаптации в коллективах.

В организациях создаются советы молодых специалистов [21]. Осуществляется материальное и нематериальное стимулирование работников:

- для закрепления иногородних молодых специалистов, приглашенных на работу в организацию, предоставляется жилье;
- выдается беспроцентный заем для приобретения товаров первой необходимости;
- молодым специалистам, получившим особо дефицитные для организаций специальности, выплачивается единовременная материальная помощь;
- молодые специалисты вовлекаются в общественную работу через советы молодых работников;
- для наиболее подготовленных и перспективных молодых специалистов предусмотрено включение в резерв кадров для выдвижения на руководящие должности.

Расширяется применение внутриорганизационных практик развития работников, основанных на тесном социальном партнерстве организаций со сферой образования. Примером является взаимодействие нефтехимических предприятий с кафедрами УО «Могилевский государственный университет продовольствия», которое является основным высшим учебным заведением по подготовке специалистов для отрасли. В ОАО «Могилевхимволокно» открыты филиалы кафедр «Химическая технология высокомолекулярных соединений» и «Автоматизация технологических процессов и производств». Существенный эффект в повышении качества подготовки специалистов обеспечивается тем, что учебный процесс реализуется в том числе на базе реально действующего производства.

Таким образом, в Республике Беларусь в сфере кадровой политики в отношении молодежи проводится целенаправленная и систематическая работа. Сформирована комплексная государственная стратегия интеграции молодежи в профессиональную деятельность государственных органов и организаций. Молодежная политика в стране базируется на системе традиционных ценностей, учитывающихся в ходе определения направлений профессиональной мотивации молодых работников. В качестве перспективных направлений следует рассматривать учет современных трендов: роста индивидуализма, запроса на баланс работы и личной жизни и стремления к профессиональному развитию молодежи.

Библиографический список

1. Генеральное соглашение между Правительством Республики Беларусь, республиканскими объединениями нанимателей и профсоюзов на 2025-2027 годы // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=z02500001&ysclid=mhk9yymhgh451674686> (дата обращения: 10.04.2025).
2. Информресурс об управленческих кадрах и госслужащих заработает в Беларуси к 2027 году // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://liožno.vitebsk-region.gov.by/news/novosti-regiona/na-zasedanii-vitebskogo-blispolkoma-rassmotreli-vopros-o-dopolnitelnyih-merah-po-kadrovomu-obespecheniyu-gosudarstvennyih-organizatsiy/> (дата обращения: 18.04.2025).
3. Кадровый вопрос // Вестник Белнефтехима. 2024. URL: <https://belchemoil.by/news/analitika/kadrovyy-vopros> (дата обращения: 03.05.2025).
4. Кодекс Республики Беларусь об образовании // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=Hk1100243&ysclid=mhk9zodu1e66574254> (дата обращения: 10.04.2025).
5. На заседании Витебского облисполкома рассмотрели вопрос «О дополнительных мерах по кадровому обеспечению государственных организаций» // URL: <https://liožno.vitebsk-region.gov.by/news/novosti-regiona/na-zasedanii-vitebskogo-oblispolkoma-rassmotreli-vopros-o-dopolnitelnyih-merah-po-kadrovomu-obespecheniyu-gosudarstvennyih-organizatsiy/> (дата обращения: 15.04.2025).

6. О Концепции государственной кадровой политики Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 3 января 2024 г. № 1 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32400001> (дата обращения: 15.04.2025).
7. Bvod.by/index.php: Официальный сайт КПУП «Брестводоканал» // Социальная поддержка и создание условий для профессионального становления молодых специалистов. URL: <https://www.bvod.by/index.php> (дата обращения: 03.05.2025).
8. О государственной службе: Закон Республики Беларусь от 01.06.2022 № 175-3 // Национальный правовой Интернет-портал. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12200175> (дата обращения: 29.04.2025).
9. О работе с руководящими кадрами в системе государственных органов и иных организаций: Указ Президента Респ. Беларусь от 26 июля 2004 г. № 354 // СПС Консультант Плюс.
10. О деятельности Академии управления при Президенте Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 16 сент. 2019 г. № 343 // СПС Консультант Плюс.
11. О деятельности специальных фондов Президента Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 16 дек. 2022 г. № 429 // СПС Консультант Плюс.
12. Об основах государственной молодежной политики: Закон Респ. Беларусь от 07 дек. 2009 г. № 65-3 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=H10900065&ysclid=mhka06bee5430207107> (дата обращения: 10.04.2025).
13. О правилах приема лиц для получения высшего образования I ступени и среднего специального образования: Указ Президента Респ. Беларусь от 7 февр. 2006 г. № 80 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=P30600080&ysclid=mhka0kumv653317825> (дата обращения: 10.04.2025).
14. О деятельности Академии управления при Президенте Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 16 сент. 2019 г. № 343 // СПС Консультант Плюс.
15. Об отдельных вопросах дополнительного образования взрослых: Постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 15 июля 2011 г. № 954 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=C21100954&ysclid=mhka113w9996279255> (дата обращения: 10.04.2025).
16. Об утверждении Положения о порядке осуществления повышения квалификации, стажировки и переподготовки работников и признании утратившими силу некоторых постановлений Правительства Респ. Беларусь: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 12 марта 2008 г. № 379 // Национальный правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=C20800379> (дата обращения: 12.05.2025).
17. Областной семинар-практикум по вопросам реализации кадровой политики прошел в Могилевском районе // Приднестровская Нива. URL: <https://www.pniva.by/2023/06/oblastnoj-seminar-praktikum-po-voprosam-realizacii-kadrovoj-politiki-proshel-v-mogilevskom-rajone/> (дата обращения: 28.06.2023).
18. Орлова А. Председатели райисполкомов Витебской области прошли стажировку на базе Могилевского района // Приднестровская Нива. URL: <https://www.pniva.by/2023/11/predsedateli-rajispolkomov-vitebskoj-oblasti-proshli-stazhirovku-na-baze-mogilevskogo-rajona/> (дата обращения: 15.11.2023).
19. Наталия Павлюченко: «В стране созданы все условия для трудоустройства» // Федерация профсоюзов Беларуси [сайт]. URL: <https://1prof.by/news/v-strane/nataliya-pavlyuchenko-v-strane-sozdany-vse-usloviya-dlya-trudoustrojstva/?ysclid=mhk7xb51yk72835120> (дата обращения: 11.04.2025).
20. Ревяко Е. Кадровая политика – тема номер один в социально-экономическом развитии района // Приднестровская Нива. URL: <https://www.pniva.by/2023/09/oleg-chikida-kadrovaya-politika-tema-nomer-odin-v-socialno-ekonomicheskom-razvitii-rajona/> (дата обращения: 03.09.2023).
21. Соглашение между управлением жилищно-коммунального хозяйства Могилевского областного исполнительного комитета и Могилевской областной организацией Белорусского профсоюза работников местной промышленности и коммунально-бытовых предприятий на 2021–2023 годы // URL: <http://mogilev-kbp.by/wp-content/uploads/2020/12/SOGLASHENIE-mezhdu-UZHKN-Mogilyovskogo-oblispolkoma-i-oblastnoj-organizatsiej-profsoyuza-na-2021-2023-KNIZHKOJ-bez-podpisej-vnizu-Zerkalnye-polya.pdf> (дата обращения: 05.05.2025).
22. Трудовой кодекс Респ. Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-3 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900296&ysclid=mhk83yw0nf75151568> (дата обращения: 10.04.2025).

УДК 316.334 – 376.4

EDN RJINTB

DOI: 10.17072/2949-5601-2025-3-72-79

Яковлева Наталья Ивановна,

научный сотрудник

Институт социологии НАН Беларуси

220072 г. Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2

an.nata.an@gmail.com

SPIN-код: 1879-6635

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ИНКЛЮЗИИ В СФЕРЕ ОБЩЕГО СРЕДНЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ БЕЛАРУСИ

В статье рассмотрены вопросы качества организации системы обучения лиц с особыми образовательными потребностями (ООП), исследуются критерии результативности системы образования в целом, процесса инклюзии в образовании. Приведены и проанализированы статистические данные, позволяющие оценить качество организации процесса инклюзивного образования на уровне школы и среднего специального образования. Проанализированы основные параметры, влияющие на организацию инклюзивной образовательной среды, способствующей социализации детей с ООП. Эффективность системы процесса инклюзии в образовании связывается с показателем численности выпускников, не только освоивших конкретную специальность, но и приступивших непосредственно к трудовой деятельности. Отмечен недостаточный уровень занятости среди выпускников системы инклюзивного образования. Внимание уделено проблемным аспектам организации инклюзивного образования, предложены некоторые способы повышения результативности инклюзивного образования на уровне общеобразовательной школы, профессионально-технического образования. Обосновывается необходимость организации эффективной системы инклюзивного образования, что будет способствовать решению таких социальных проблем, как формирование толерантного отношения к лицам с инвалидностью в обществе, увеличению участия на рынке трудовых отношений как самих лиц с особенностями психофизического развития, так и организаций-нанимателей, снижению нагрузки на систему социальной помощи и защиты. Статья адресована широкому кругу специалистов, работающих в условиях инклюзии, и направлена на совершенствование методов работы с детьми с особыми образовательными потребностями.

Ключевые слова: инклюзивное образование, критерии результативности, дети с особыми образовательными потребностями, эффективность.

Ссылка для цитирования: Яковлева Н.И. Особенности процесса инклюзии в сфере общего среднего и профессионального образования Беларуси // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 3(14). – С. 72–79. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-3-72-79> EDN RJINTB

Natallia I. Yakauleva,

Researcher

Institute of Sociology, NAS of Belarus,

2 bld., 1, Surganova str., Minsk, Belarus, 220072

an.nata.an@gmail.com

SPIN-code: 1879-6635

FEATURES OF THE INCLUSION PROCESS IN THE SPHERE OF GENERAL SECONDARY AND VOCATIONAL EDUCATION IN BELARUS

The article examines the issues of the quality of the organization of the education system for persons with special educational needs, examines the criteria for the effectiveness of the education system as a whole, the process of inclusion in education. Statistics are presented and analyzed to assess the quality of the organization of the process of inclusive education at the school and secondary specialized education level. The main parameters affecting the organization of an inclusive educational environment contributing to the socialization of children with special educational needs were analyzed. The effectiveness of the system of the process of inclusion in education is associated with the indicator of the number of graduates who not only mastered a specific specialty, but began directly to work. There was an insufficient level of employment among graduates of the inclusive education system. Attention is paid to the problematic aspects of organizing inclusive education, some ways have been proposed to increase the effectiveness of inclusive education at the level of a comprehensive school, vocational education. The need to organize an effective system of inclusive education is justified, which will contribute to solving such social problems as the formation of a tolerant attitude towards persons with disabilities in society, an increase in the participation in the labor market of both persons themselves with special educational needs and employing organizations, and a decrease in the burden on the social assistance and protection system. The article is addressed to a wide range of specialists working in conditions of inclusion, and is aimed at improving methods of working with children with special educational needs.

Keywords: efficiency, inclusive education, potency criteria, children with special educational needs.

For citation: Yakauleva N.I. [Features of the inclusion process in the sphere of general secondary and vocational education in Belarus]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 3(14), pp. 72–79 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-3-72-79>, EDN RJINTB

В условиях существующей на мировом уровне конкуренции по качеству интеллектуальных ресурсов, эффективность системы образования выступает одним из важнейших приоритетов в рамках реализации государственной политики по повышению потенциала человеческого капитала. Непосредственно качественные характеристики системы образования и организации воспитательно-педагогических процессов являются важными условиями развития личности, последующей успешной реализации индивида в обществе, формирования человеческого капитала как личности, так и страны.

Внимание к вопросам качества исторически проявилось еще во второй половине XX в., когда произошел переход от количественных характеристик социально-экономического развития к качественным показателям, приращение качества стало основным фактором и условием прогресса практически во всех сферах социальной и экономической деятельности человека. Достижение и поддержание необходимого достаточного уровня качества жизни населения укрепилось как стратегическая цель при государственном планировании многих стран, в том числе и в Беларуси. Качество жизни при этом представляет собой интегративный показатель, содержащий в себе такие критерии, как качество окружающей среды, качество системы здравоохранения, безопасность, качество системы труда и занятости, качество культурного развития, качество образования и др. [1, с. 355].

Качественная, соответствующая времени система образования – один из главных приоритетов развития и критериев результативности в сфере науки, культуры, социального развития и образования, а также необходимое условие на пути формирования цифрового общества. Это связано с тем, что система образования является механизмом воспроизводства и трансляции не только знаний, но и социокультурных, национальных ценностей, норм и практик организации социального пространства (труд, семья, здоровье, безопасность, сфера инноваций и т. д.) личностью (группой) в обществе. Образование, являясь высокоадаптивной и постоянно развивающейся системой, решает задачи обеспечения экономики профессиональными кадрами требуемой квалификации, кадровой поддержки инновационных процессов, удовлетворения потребностей граждан в профессиональном росте [7, с. 92].

В этой связи пристальное внимание как в мире, так и в Беларуси уделяется проблеме качества образования. Именно в целях повышения качества в последнее десятилетие проходит реформирование образования, устанавливается принцип практико-ориентированной направленности образовательного процесса, происходит разработка и обновление стандартов, устанавливается система инклюзивного образования. Сегодня в Беларуси, в рамках задачи развития образовательной системы страны, разработан и принят ряд нормативных документов, где обозначена необходимость функционирования государственной системы управления качеством образования, оценивающей соответствие получаемого качества как общего, так и инклюзивного образования утвержденным нормативным показателям, сформирована и постоянно совершенствуется система критериев эффективности образования, процедура и технологии объективной оценки результативности системы.

В соответствии с научно-теоретическими и практическими разработками в сфере квалитетрии (наука о качестве), качество системы образования предложено определять по двум основным кумулятивным параметрам:

- результативность – эффективность системы образования выражается в востребованности выпускника, обладающего набором полученных конкретных знаний, навыков, в профессиональной сфере (успешность трудоустройства) и в обществе в целом (жизненная успешность);

- организация процесса обучения – эффективность системы образования связана с характеристиками образовательного процесса: методическое обеспечение, педагогические кадры, условия среды, качество обучающихся и т. д. [1, с. 356].

Существует также более широкая интерпретация результативности системы образования, включающая ряд дополнительных параметров, достижение которых позволяет более полно оценить эффективность педагогической системы и в особенности системы инклюзивного образования. Так, ряд исследователей (В.А. Якунин, В.Я. Кикоть) предлагают учитывать критерии, связанные с актуализацией в процессе обучения одной из характеристик человека как субъекта деятельности – активность учащегося, что проявляется в способности к саморегуляции, в инициативном, творческом взаимодействии личности с внешней средой, другими людьми [5, с. 25].

Включение предложенной группы критериев в систему оценки качества и эффективности образования, а также необходимость отслеживания их развития у обучающихся, обусловлено содержательной значимостью указанных параметров в условиях приоритета формирования креативного ответственного человека как ключевого звена в развитии общества. Вышеуказанные критерии бесспорно важны для каждого обучающегося, но в системе инклюзивного образования формирование данных характеристик у учащихся часто приобретает первостепенное значение, что обусловлено психофизическими особенностями детей с особыми образовательными потребностями (ООП) и трудоемкостью процесса развития социокоммуникативных навыков. Так, самостоятельность как характеристика активности человека интерпретируется как степень независимости от внешнего окружения; творческая составляющая выражается в возможности к преобразованию окружения или самого себя для эффективного взаимодействия со средой, обществом; в результате проявления саморегуляции реализуются возможности личности не только в преобразовании окружения, но и в организации собственного поведения [там же, с. 26]. В рамках осуществления педагогического процесса данные параметры, характеристики обучающегося находятся во взаимосвязи и проявляются через такие показатели, как учебная и академическая успеваемость, профессиональное самоопределение и реализация, жизненная успешность и общественная активность, самостоятельность, креативность.

Таким образом, в условиях современности система образования при реализации воспитательно-педагогического процесса должна удовлетворять потребности и ожидания всех участников процесса: обучающихся и их законных представителей, преподавателей, органов управления, рынка труда, государства и общества в целом. Качественно организованная работа учреждения образования в данной связи подразумевает, что преподаватели должны быть высококвалифицированными специалистами и содействовать освоению учебных дисциплин, а также личностному и профессиональному становлению обучающихся, способствовать реализации гуманистической, социальной и государственной цели образования; учреждение должно соответствовать всем необходимым инженерно-техническим характеристикам; материально-техническая и методическая база образовательного процесса должна быть сформирована в полном объеме, механизм взаимодействия с управленческими государственными структурами, а также с учащимися, их законными представителями должен быть создан и слажено функционировать.

При этом система образования как один из главных социальных институтов крайне чувствительна и зависима от изменений, происходящих в сфере социально-экономических отношений [2]. Современный институт образования, ввиду дефицита финансовых вложений со стороны государства, столкнулся не только с необходимостью обеспечения за счет внутреннего потенциала самой системы высокого качества образовательных результатов. Вызовом для сферы образования стала необходимость организации новых форм образовательного процесса: удаленное образование в условиях пандемии, становление инклюзивного образования.

В условиях изменения политики в отношении лиц с инвалидностью, в том числе к детям с особенностями психофизического развития (ОПФР), связанной с такими демографическими процессами, как старение населения, недостаточный уровень рождаемости, а также увеличение доли лиц с инвалидностью в структуре населения, к системе инклюзивного образования предъявлен спектр задач: предоставление равных возможностей для каждого ребенка; реализация доступности и индивидуализации учебного процесса для детей с ООП; создание адаптивной образовательной среды, адаптация учебного материала, методов и форм работы; обеспечение квалификационной готовности педагогического состава к работе с детьми с ОПФР; создание условий для социализации, личностного развития, формирования жизненных и трудовых навыков детей с ООП.

В перспективе организация эффективной системы инклюзивного образования будет способствовать решению следующих социальных проблем: формирование толерантного отношения к лицам с инвалидностью в обществе; увеличение участия на рынке трудовых отношений как самих лиц с ОПФР, так и организаций-нанимателей работников с инвалидностью; снижение нагрузки на систему социальной помощи и защиты, сферу государственных социальных услуг за счет повышения адаптационных и саморегулятивных способностей инвалидов путем удовлетворения их образовательных потребностей, организации трудоустройства.

В Беларуси сегодня ведется активная работа по совершенствованию законодательства с целью его дальнейшего развития в части содержания специального образования, его углубление и детализация были изложены в «Концепции развития инклюзивного образования лиц с особенностями психофизического развития в Республике Беларусь»¹, «Концепции развития системы образования в Республике Беларусь до 2030 года». Анализ Концепции позволяет выделить следующие принципиально значимые характеристики инклюзивного образования, отличающие его от интегрированного обучения и воспитания: инклюзивное образование реализует образовательные программы основного и дополнительного образования (интегрированное обучение и воспитание – специального образования); инклюзивное образование осуществляется на уровнях дошкольного, общего среднего, профессионально-технического, среднего специального, высшего образования (интегрированное обучение и воспитание только на двух уровнях основного образования – дошкольного образования и общего среднего образования).

В области разработки нормативного правового обеспечения развития инклюзивного образования предусматривается не только внесение изменений и дополнений в нормативные правовые документы, регулирующие организацию образования лиц с ОПФР, но и разработка учебно-программной документации для осуществления инклюзивного образования на разных уровнях образования, решение вопросов изменения действующих квалификационных характеристик отдельных должностей педагогических работников, решение вопросов повышения качества и доступности инклюзивного образования.

Переход и установление инклюзивной школы – это процесс изменения всего образовательного учреждения, направленный на устранение препятствий для равного участия всех детей в учебном процессе и жизни школы. Так, по данным Министерства образования численность воспитанников и обучающихся в системе инклюзивного образования увеличивается: в 2018 г. их численность составляла 166186 чел., а в 2023 г. составляла уже 183158 чел. (прирост за 5 лет составил 16972 чел.) [4].

Потребность в развитии института инклюзивного образования в нашей стране актуализировала необходимость разработки анализа и оценки качества процесса развития инклюзии, объектом оценки которого является непосредственно образовательный процесс в условиях инклюзии, а также отдельные его компоненты: педагог (готовность, компетентность, личностные качества и др.), обучающиеся (взаимодействие, общение, воспитанность и т. д.), содержание, методы, средства педагогического процесса (эффективность содержания

¹ Концепция развития инклюзивного образования лиц с особенностями психофизического развития в Республике Беларусь: утв. приказом Министерства образования Республики Беларусь от 22.07.2015 г. № 608 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0> (дата обращения: 07.06.2025).

образовательных программ, используемых методических подходов, педагогических средств и др.) и образовательные результаты [6].

Процесс реализации программы инклюзивного образования сегодня сталкивается с рядом трудностей, решение которых представляется важнейшей задачей в рамках развития политики инклюзии в образовании и в обществе. В число таких трудностей входит недостаточный уровень квалификации и кадровый дефицит специалистов в системе инклюзивного образования, что связано с высокими требованиями к компетенциям педагога, возрастанием количества воспитанников с ОПФР.

Так, по информации Министерства образования в 2023 г. образовательный процесс для обучающихся с ОПФР обеспечивали 38358 педагогических работников, из них в учреждениях дошкольного образования – 12465 человек, в учреждениях общего среднего образования – 19827 человек, в учреждениях специального образования – 5966 человек. Отметим, что общая численность обучающихся с ОПФР в системе инклюзивного образования в 2023 г. составила 183158 чел.

Из общего количества педагогических работников повышение квалификации по вопросам организации образовательного процесса для обучающихся с ОПФР прошли 15650 человек (41%). Переподготовку по группе специальностей «Специальное образование» имеют 10990 человек (29%) [4].

В целях решения данной проблемы со стороны государственных органов был принят ряд мер: произведено обновление содержания подготовки учителей-дефектологов; открыта новая специальность «Специальное и инклюзивное образование»; введены профилизации по психолого-педагогическому сопровождению лиц с РАС; логопедическая помощь детям школьного возраста и взрослым; олигофренопедагогика; сурдопедагогика; тифлопедагогика.

По результатам проводимой политики достигнут охват специальным образованием и коррекционно-педагогической помощью всех выявленных детей с ОПФР – 99,9%; доля обучающихся с ОПФР, получающих образование в условиях интегрированного обучения и воспитания, составляет 70% от всех детей с ОПФР; охват обучающихся с ОПФР дополнительным образованием детей и молодежи – 66,4%.

Эффективная инклюзия предполагает необходимость разработки индивидуальных вариативных учебных планов и программ на основе государственных стандартов, их организационное и методическое обеспечение, а также необходимость учета индивидуальных особенностей, особых образовательных потребностей детей с ОПФР в организации образовательного процесса в условиях стандартизации и регламентации образования [3]. Однако существует проблема неразработанности и неадаптированности существующего методического и образовательного материала под дефициты детей с ОПФР: на данный момент не разработаны отдельные методические планы и специальные материалы (визуальная поддержка, специальный графический материал, адаптированные учебные задания) по программе обучения лиц с РАС, СДВГ.

Педагоги самостоятельно адаптируют материалы общеобразовательных программ под нужды детей с ОПФР, что крайне затруднительно, т. к. требует специальных навыков (понимание специфики работы с детьми с ОПФР, владение специальными навыками коммуникации) и специального оснащения (компьютер, принтер, доступ в интернет, доска/экран для демонстрации). Отметим, что адаптировать материал необходимо по каждой дисциплине учебного плана [8] и ежедневно в соответствии с программой обучения воспитанника с ОПФР.

Решение данного аспекта возможно путем разработки и внедрения учебных стандартов для отдельных категорий лиц с ОПФР (РАС, СДВГ, неслышащие, сочетанные формы нарушения здоровья), создания общедоступной электронной базы адаптированных образовательных материалов по программам обучения детей с ОПФР, а также более полным оснащением рабочего места педагогического персонала.

Однако наиболее значимой представляется проблема результативности системы инклюзивного образования. Сегодня в Беларуси выбор специального учреждения образования или установление персонального сопровождения осуществляется на основе постановленного диагноза. Так, существуют специальные школы для незрячих, неслышащих воспитанников, а воспитатель сопровождения рекомендован для детей с РАС, нарушениями зрения, опорно-двигательного аппарата. Специальные учреждения образования открываются для лиц с интеллектуальной недостаточностью, нарушениями речи, нарушением слуха, нарушениями зрения, нарушениями психического развития (трудностями в обучении), нарушениями функций опорно-двигательного аппарата, тяжелыми и/или множественными физическими и/или психическими нарушениями. Для детей с эмоциональными нарушениями (аутизмом, СДВГ) и девиантным поведением специальных учебных учреждений в стране не существует [9; 11].

В то же время образовательная программа воспитанника с ООП назначается на основе уровня интеллектуального развития учащегося. Изучение учебных предметов в специальных общеобразовательных школах всех видов и в первом отделении специальной школы осуществляется на базовом уровне (минимально необходимый объем содержания учебного материала), изучение учебных предметов во втором отделении специальных школ осуществляется в системе знаний об окружающем мире, навыков самообслуживания, элементарных трудовых навыков.

В центре коррекционно-развивающего обучения и реабилитации ведущей является деятельность, обеспечивающая развитие у учащегося норм и правил поведения, навыков самообслуживания, элементарных трудовых навыков, знаний и умений коммуникации. Отдельные категории детей с тяжелыми психофизическими нарушениями обучаются дома в соответствии с учебными планами для индивидуального обучения [10].

Выпускники учреждений, успешно освоившие программу общего образования или программу первого отделения и получившие аттестат об общем среднем образовании, а также выпускники специальных школ, обучавшиеся по программе второго отделения, центров коррекционно-развивающего обучения и реабилитации, и успешно закончившие обучение в названных учреждениях образования, получают свидетельство о специальном образовании.

Данные категории лиц с ОПФР имеют возможность получить образование следующего уровня, при этом доступ к тем или иным учреждениям профессионально-технического профиля, высшему образованию регламентируется Кодексом об образовании. Лица с ОПФР, не имеющие аттестата об общем среднем образовании или свидетельства о специальном образовании или же имеющие противопоказания к труду по профессиям, предложенным к получению лицам с ОПФР в Инструкции об организации профессионально-технического образования, исключаются из системы профессионально-технического образования.

Профессиональное самоопределение учащихся с ОПФР и их профессиональная подготовка начинается в общеобразовательных учреждениях и продолжается в системе профессионально-технического образования. На сегодняшний день в республике действует ряд профессиональных учебных учреждений, в которых созданы условия для получения профессионального образования лицами с ОПФР, а именно около 30 профессионально-технических учреждений образования, в которых, по данным БелСтата, в 2023 г. обучалось 1343 учащихся-инвалидов, в 2020 г. – 1156 чел. Менее 10 Высших учебных заведений, в которых, по данным БелСтата, в 2022 г. обучалось 895 студентов-инвалидов, в 2020 г. – 851 чел. Напомним, что по данным Министерства образования численность воспитанников и обучающихся в системе инклюзивного образования в 2018 г. составляла 166186 чел., а в 2023 г. составляла 183158 чел. [4].

Важным аспектом оценки эффективности системы инклюзивного образования является тот факт, что к труду из системы профессионально-технических и средних специальных учебных заведений направляются всего около 500 выпускников с ОПФР в год (табл. 1).

Таблица 1. Количество выпускников профессионально-технических и средних специальных учебных заведений на уровне профессионально-технического образования

Год	Количество обучающихся лиц с особенностями психофизического развития, человек						Количество принятых лиц с ОПФР	Количество выпущенных лиц с ОПФР	Из них направлено на работу в организации
	Всего	с нарушениями зрения	с нарушениями слуха	с нарушениями речи	с нарушениями функций опорно-двигательного	с интеллектуальной недостаточностью			
2023	944	5	18	8	18	885	438	448	447
2022	1019	24	16	10	37	932	506	463	463
2021	1058	42	35	10	45	919	507	523	518
2020	1169	32	75	10	68	969	557	574	572

Существует также проблема результативности, получаемой на базе ГЦКРОиР образования, что подтверждается данными Министерства образования, согласно которым не менее половины выпускников

ГЦКРОиР переходят на учет в территориальные центры социального обслуживания населения (ТЦСОН), где становятся получателями различных социальных услуг: дневного пребывания, центров и кружков профессионально-художественной и досуговой деятельности и др. (таблица 2). Также значительная часть выпускников ГЦКРОиР фактически остается на домашнем уходе, что снижает уровень социализации и адаптации лица с ОПФР, а также вынуждает законных представителей лиц с ОПФР отказываться от трудовой деятельности.

Таблица 2. Переход выпускников ГЦКРОиР в ТЦСОН

Выпускники ГЦКРОиР	Год				
	2020	2021	2022	2023*	2024**
Всего выпускников	231	201	241	-	282
Перешли в ТЦСОН	123	102	152	-	206

Примечание: * – в 2023 году переход не осуществлялся в связи с увеличением срока получения образования до 10 лет; ** – предварительные данные.

Основываясь на приведенных выше данных, можно прийти к заключению, что в Беларуси инклюзивная образовательная практика имеет довольно широкий спектр проблемных моментов и во многом экспериментальна, неустойчива. Это обусловлено тем, что система инклюзивного образования находится на стадии формирования, что только повышает значимость проведения процедур оценки ее эффективности.

Основным проблемным полем в этой связи является то, что около половины детей с особенностями развития по-прежнему обучаются в специальных учебных заведениях интернатного типа. Для сравнения: в европейских странах в таких школах находится 3–4% детей, большинство из которых имеют тяжелейшие нарушения здоровья и развития. Другие категории детей-инвалидов учатся в обычных школах, живут в семьях со своими родителями.¹

Выбор специальности для получения профессионального образования ограничен в зависимости от того, по программе какого отделения получил образование воспитанник с ОПФР на уровне школьного учреждения. Так, получить высшее образование имеют право только лица, имеющие аттестат цензового (общего) образования. Список специальностей для лиц, освоивших программу первого отделения общеобразовательной школы, значительно шире, чем для воспитанников, обучавшихся по программе второго отделения или по программе для лиц с интеллектуальной недостаточностью.

В этой связи остро стоит вопрос не столько о расширении списка специальностей для лиц с интеллектуальной недостаточностью или освоивших программу второго отделения, сколько о пересмотре перечня специальностей с учетом психофизических возможностей лиц с ОПФР. Так, значительная часть лиц с ОПФР получает профессиональное образование по предлагаемым специальностям, поскольку альтернативой является стать получателем услуг ТЦСОН или оставаться дома под опекой родственников сразу по окончании школы. Трудиться же по полученному профилю в действительности могут далеко не все ввиду ограниченных возможностей здоровья.

В качестве решения данной проблемы можно выделить пересмотр перечня специальностей профессионально-технического уровня образования с учетом реальных возможностей лиц с ОПФР; создание системы перепрофилирования для лиц с ОПФР в случае невозможности трудиться по полученной первоначально специальности.

Барьерами на пути к повышению эффективности системы инклюзии также выступают: проблема кадрового обеспечения; отсутствие специальных учебно-методических материалов, пособий, средств обучения и обучающих программ; неготовность системы образования разрабатывать и реализовывать индивидуальные образовательные программы в рамках инклюзивной модели; несформированность «безбарьерной среды» в учебных заведениях; недостаточная доступность учреждений образования из-за сложностей передвижения инвалидов с места жительства к месту учебы.²

Тем не менее, современное понимание инклюзивного образования в Беларуси состоит в том, что все дети должны обучаться совместно во всех случаях, когда это является возможным, несмотря ни на какие трудности или различия, существующие между ними.

¹ Инклюзивные подходы в образовании [Электронный ресурс]. URL: <http://minskedu.gov.by/main.aspx?guid=55541> (дата обращения: 22.06.2025).

² Там же.

Таким образом, современная система образования, особенно система инклюзивного образования, в свете возложенных на нее задач и в целях реализации программы повышения качества образовательного процесса должна не просто оперативно реагировать на изменения общественного устройства, адаптироваться к ним путем внедрения новых форм и практик образовательного процесса, а вести постоянный мониторинг критериев результативности воспитательно-педагогического процесса, прогнозировать изменения на всех его уровнях и для всех его участников с целью предвосхищения трансформационных явлений и своевременного планирования программ собственного развития. Непосредственно при выполнении данных условий, а также при условии активного участия когерентных ей систем социальной защиты, медико-социальной сферы, сферы науки, занятости, экономики и законотворчества, система образования сможет в полной мере реализовать функцию формирования человеческого капитала страны, повышения его качественных характеристик.

Библиографический список

1. Байков К.А. Качество образования как критерий эффективности деятельности ВУЗа // Новые образовательные технологии в вузе: IV Международная научно-методическая конференция, 5–7 февраля 2007 г.: сборник тезисов докладов. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2007. С. 354–358.
2. Грибина Г.А. и др. Анализ факторов, влияющих на качество образования в ВУЗе // Современные научные исследования и инновации. 2021. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2021/01/93800> (дата обращения: 07.06.2025). EDN: CEUKIV
3. Змушко А.М. Проблемы развития инклюзивного образования в республике Беларусь // Образование лиц с особыми образовательными потребностями: методология, теория, практика: сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19–20 ноября 2020 г. / Белорус. гос. пед. ун-т; редкол.: В.В. Хитрюк [и др.]. Минск, 2020. С. 155–158. EDN: RUNFKK
4. Кадлубай А.В. О реализации принципа инклюзии в образовании // Доклад заместителя Министра образования Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://sdgs.by/wp-content/uploads/2023/12/o-realizaczii-princzipa-inklyuzii-v-obrazovanii.pdf> – (дата обращения: 07.06.2025).
5. Караванов А.А., Устинов И.Ю. Основные критерии эффективности педагогических систем // Территория науки. 2014. № 5. С. 23–28. EDN: TJDIZF
6. Краснопивцева С.Б. и др. Актуальные вопросы интегрированного и инклюзивного образования детей с речевыми нарушениями // Педагогика сегодня: проблемы и решения: материалы VII Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, март 2021 г. Санкт-Петербург, 2021. С. 30–34.
7. Лапина И.А. Эффективность и качество образования в современном обществе // Современные тенденции в дополнительном образовании взрослых: материалы II междунар. науч.-метод. конф., Минск, 27–28 ноября 2014 г. Минск: РИВШ, 2014. С. 91–94.
8. Лисовская Т.В. Разноуровневое содержание обучения как условие успешного инклюзивного образования // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2020. № 2. С. 57–68. EDN: ZCJDQE
9. Митчелл Д. Эффективные педагогические технологии специального и инклюзивного образования (Использование научнообоснованных стратегий обучения в инклюзивном образовательном пространстве). М.: Перспектива, 2009. 25 с.
10. Хитрюк В.В., Пономарева Е.И. Основы инклюзивного образования. Барановичи: РИО БарГУ, 2014. 127 с. ISBN: 978-985-542-922-8 EDN: AMFRTQ
11. Хитрюк В.В. Ресурсное обеспечение инклюзивного образования обучающихся с расстройствами аутистического спектра: структура и содержание // Вестник Барановичского государственного университета. Серия: Педагогические Науки. Психологические Науки. Филологические Науки. 2016. № 4. С. 34–44. EDN: VURGEV

УДК 316.354

EDN TKNNBZ

DOI: 10.17072/2949-5601-2025-3-80-85

Суворова Анна Александровна,
руководитель направления
АО «Росатом РДС»
111250, Россия, г. Москва, ул. Красноказарменная, 12, стр. 26
AnnaSuvorova@rosatom.ru
ORCID: 0000-0002-1283-4681
SPIN-код: 3607-2509

МОЛОДЕЖНЫЕ СООБЩЕСТВА КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА

Современные организации и корпорации активно участвуют в развитии технологий интеллектуальной деятельности, что позволяет формировать качественную инновационную систему. При этом состояние любой сферы деятельности зависит от компетентности и профессионализма ее работников, их результатов и вклада в экономический рост и социальный прогресс. Вовлеченность молодых специалистов в науку и сферу высоких технологий важна с точки зрения подготовки кадров высшей квалификации и формирования научного потенциала. В данной статье предлагается рассмотреть вопросы участия специалистов в научно-исследовательской деятельности и возможности развития научного кадрового потенциала в организациях атомной отрасли на основе молодежных сообществ. Приведенные исследования показывают, что молодежные объединения помогают поддержать и развить интерес к научной деятельности среди действующих специалистов и будущих ученых. Цель настоящей работы – содействие углубленному анализу современных молодежных сообществ организаций высокотехнологичных отраслей, выявление актуальных проблем, с которыми они сталкиваются в условиях глобальных изменений и трансформаций. Актуальность исследования связана с тем, что молодежь – та возрастная группа, которая наиболее быстро и чутко реагирует на масштабные процессы и вызовы, проявляющиеся в научно-технологической и образовательной среде. Внимание к содействию молодым ученым со стороны руководства, бизнеса и государственных структур позволит как увеличить инвестиции в человеческий капитал, в знания и умения специалистов, так и взрастить профессионалов, достигающих выдающихся результатов и прорывных открытий.

Ключевые слова: молодые специалисты, научные кадры, молодые ученые, молодежные сообщества, научные организации.

Ссылка для цитирования: Суворова А.А. Молодежные сообщества как инструмент развития научного потенциала // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 3(14). – С. 80–85. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-3-80-85> EDN TKNNBZ

Anna A. Suvorova,

Lead Department Manager, Joint-Stock Company «Rosatom RDS»

26 bld, 12, Krasnokazarmennaya str., Russia, 111250

AnnaSuvorova@rosatom.ru

ORCID: 0000-0002-1283-4681

SPIN-code: 3607-2509

YOUTH COMMUNITIES AS A TOOL FOR SCIENTIFIC DEVELOPMENT

Modern organizations and corporations are actively involved in the development of intellectual activity technologies formed a qualitative innovative system. At the same time, the long-term success in any sphere depends on workers' competence and professionalism, their results and contributions to economic growth and social progress. The young people involvement in science and high technology is important for highly qualified personnel training and scientific potential development. The paper discusses the issues of young specialists' participation in research activities promoting scientific development in nuclear industry based on youth communities. The research shows youth associations' support and creation science interest among current specialists and future scientists. The research goal is to facilitate an in-depth analysis of modern youth communities in hi-tech companies. To identify current problems and challenges they face in the context of global changes and transformations. The research relevance is related to the fact about young people as the age group reacts quickly and sensitively to large-scale processes that manifest in the scientific, technological and educational environment. Attention to the young scientist's promotion by management, business and government will allow both to increase investment in human knowledge and skills, and to raise professionals achieve outstanding results and breakthrough discoveries.

Keywords: young specialists, scientific personal, young scientists and research workers, youth communities, research organizations.

For citation: Suvorova A.A. [Youth communities as a tool for scientific development]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 3(14), pp. 80–85 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-3-80-85>, EDN TKNNBZ

Наука – особая сфера, состояние которой определяет развитие и управление экономикой. В современном понимании экономика представляет собой «экономику знаний», в которой знания и инновации создаются в виде научной и высокотехнологичной продукции или высококвалифицированных услуг. Наука помогает людям понять законы вселенной, сделать прогноз и заложить прочный фундамент на будущее. В свою очередь, будущее науки определяют талантливые ученые и научные сообщества, которые дают направление мышлению, указывают новые области, устремляют сознание в новые горизонты научных исследований.

На форуме «Территория смыслов» первый заместитель главы администрации президента Российской Федерации С.В. Кириенко отметил, что будущее нашей страны зависит от того, насколько амбициозно будет мечтать молодежь. Известно, что молодежь, являясь самой инициативной, активной частью организации, особенно быстро реагирует на происходящее в обществе, формирует его, выдвигая новые идеи, ставя важные вопросы и внося свой вклад в развитие. Организация, по словам Р. Дафта, наращивает возможности для того, чтобы действовать по-новому, в сущности, чтобы быть готовой к дальнейшим переменам [4]. Основой для развития организаций служит молодежный актив. Так, молодежная политика научной организации должна ориентироваться на рост производительности и эффективности труда, отождествление работников с организацией для ее динамичного и успешного развития [9]. Именно поэтому создание молодежных сообществ как важного двигателя социальных, политических и экономических изменений позволяет повысить результативность и оригинальность реализуемых организацией проектов.

Наука в России – одна из самых молодых в мире. Так, в России 45% молодых ученых, что превосходит Японию более чем в два раза (20%), а мировой показатель не превышает 31%. Для создания условий молодым ученым разработан национальный проект «Наука и университеты», а с 2025 г. – национальный проект «Молодежь и дети». Данные проекты помогают талантливой молодежи прийти в мир инноваций и открытий и приносить реальную пользу обществу и экономике, тем самым повысить вовлеченность профессионального сообщества в эффективное решение важных вопросов в научной сфере, а также сформировать у граждан полное представление о прорывных достижениях российской науки при взаимодействии государства, научного

сообщества и бизнеса. Возможностей, которые предлагают данные проекты, множество: грантовые конкурсы, исследовательские инициативы, развитие научной инфраструктуры в вузах.

В организациях атомной отрасли основной фокус сделан на молодых сотрудниках (в возрасте до 35-40 лет): специалистов, состоящих в кадровом резерве и планах преемственности организаций, участников команд поддержки изменений, молодых ученых, победителей конкурсов профессионального мастерства, амбассадоров бренда «Росатом» и других инициативных работников и участников проектных команд как на уровне организации, дивизионов, так и на уровне отрасли. Такая высокопотенциальная молодежь вовлечена в стратегическую повестку Госкорпорации «Росатом», а раскрытие кадрового и творческого потенциала работников, популяризация атомной отрасли и инженерно-технических профессий становятся ключевым приоритетом.

Молодежное сообщество организаций отрасли – добровольное объединение молодых инициативных и талантливых работников, целью которых является вовлечение молодежи организаций в процесс поиска эффективных путей реализации производственных, научных, организационных задач, стоящих перед отраслью, а также реализация научных и инновационных проектов [7]. Для обмена практиками и сокращения дистанции между уже зрелыми молодежными сообществами и только развивающимися в Росатоме создали «Школу лидеров молодежных сообществ». Еще одним примером развития молодежного сообщества в городах атомной отрасли является проект «Люди и города», который позволяет повысить интерес и вовлеченность молодежи в реализацию проектов, посвященных сохранению исторического и культурного наследия отрасли, ее ценностей, миссии, стратегических целей и приоритетов путем обмена лучшими практиками по работе с молодежью между предприятиями и дивизионами отрасли, а также федеральными партнерами.

Сегодня на молодежь, занятую в научно-технической и производственной сферах, возлагается обязанность по выполнению задач повышенного уровня сложности, требующих проявления творческого потенциала, высокого профессионального мастерства и инноваций. Поэтому первоочередным вопросом при организации работы с молодыми людьми является формирование кадрового потенциала молодых работников. Эффективность такой деятельности зависит от возможности обеспечения постоянного взаимодействия с молодежными объединениями, которые являются как потенциальными поставщиками специалистов, так и сами помогают возвращать таланты. Современная система кадровой работы, связанная с привлечением персонала, признает важность подготовки резерва научных и инженерных кадров. Следовательно, формирование перечня потенциальных работников на выдвижение или сохранение ключевых критически важных компетенций проводится с определенным опережением по отношению к научно-технической работе. Поэтому при создании молодежного сообщества в организации основными функциями являются: внутренняя – это реализация потенциала каждого участника, и внешняя – горизонтальное взаимодействие внутри организации, дивизиона и отрасли. Как отмечалось в работе Ю.Н. Кибановой и С.С. Соловьева, молодые люди, участвующие в мероприятиях государственной молодежной политики, в большей степени интегрируются в общество и могут влиять на вертикальное доверие, способствовать росту капитала, в том числе интеллектуального [5].

Многие исследователи в своих работах отмечали силу горизонтальных связей научных сообществ, способствующую развитию науки, решению сложных задач и обеспечению технологического суверенитета. Так, в работе Е.Н. Рассоловой и К.А. Галкина [8] выдвигается гипотеза о важности горизонтальной интеграции молодых ученых в научные сообщества для успешного построения карьеры и карьерного роста [8]. В исследовании А.А. Суворовой также показано, что одним из значимых факторов научной деятельности является наличие и характер социальных связей, интенсивность контактов с профессиональной средой и коллегами [10]. Такое взаимодействие с квалифицированным научным сообществом и коллегами-единомышленниками способствует как созданию необходимого морально-психологического климата в коллективе, так и развитию научной карьеры. Например, для научного руководителя и респондента исследования условием работы в лаборатории является разделение ценностей коллектива и участие в совместных мероприятиях. А.Р. Халиуллина и А.А. Рябцевич также показывают изменение характера мотивации научной деятельности в условиях коллективного труда [11].

Сплоченность и объединение усилий ученых и экспертов для решения научных задач и проблем, отражающихся в различных отраслях науки и техники, способствует развитию науки и достижению знаний [1]. Наука никогда не делалась без технической инфраструктуры. Французский философ Бруно Латур в книге «Наука в действии» показал, что наука утверждается и выигрывает за счет материальных и технических ресурсов [6]. Поэтому взаимодействие научной и производственных составляющих в молодежных сообществах

представляется также приоритетным для решения задач. Наблюдаемое в последние десятилетия сближение различных научных дисциплин может свидетельствовать о необходимости объединения различных экспертов из научных сообществ.

Сложившаяся взаимосвязь различных социальных институтов науки и образования имеет целью создание и передачу знаний. Для того, чтобы молодежь занималась научно-исследовательской деятельностью, необходимо понимание причин интереса, а также последующая адресная поддержка. В этом случае молодежные сообщества как акторы научной деятельности могут способствовать обмену знаниями, сотрудничеству ученых, проведению различных мероприятий и дискуссий по выстраиванию такой системы поддержки научной деятельности в организациях отрасли, при которой молодые специалисты не теряли бы связь с действующими исследователями и сами становились востребованы в инновационных проектах. При этом в настоящее время активному расширению среды коммуникации в науке за счет академической мобильности (участие в конференциях, научных школах, сообществах) способствует развитие социальных сетей и информационных технологий.

Учет факторов, определяющих положительную мотивацию к научно-исследовательской деятельности, приводит к росту производительности труда. Вместе с тем не всегда факторы производительности связаны с материальной удовлетворенностью работой [12; 13]. Можно отметить, что высокая производительность трудового коллектива, занимающегося научной деятельностью, в первую очередь связана с интересом ученого к своему делу, в желании достичь успехов, принести пользу обществу и самостоятельно реализоваться [2]. Иногда сотрудники удовлетворены работой потому, что находятся в благоприятной для развития среде, в кругу единомышленников, занимающихся общим делом на благо науки.

Так, оказывая помощь в адаптации молодых специалистов к условиям и требованиям, предъявляемым к работникам организации, содействуя активному участию специалистов в производственной и общественной жизни, к участию в научно-технических конференциях, форумах и интеллектуальных мероприятиях, молодежное сообщество само воспитывает приверженность правилам корпоративной культуры организаций атомной отрасли.

Выступая посредником и коммуникатором между молодым сотрудником и руководством, молодежный актив и его представители из научного сообщества оказывают большое влияние на вовлеченность, рекламу бренда работодателя, научно-просветительские проекты, а также раскрытие потенциала сотрудников. Среди основных задач молодежного сообщества можно выделить следующие:

- обеспечение доведения инициатив и проектов молодых научных сотрудников до руководителей организаций отрасли;
- выдвижение на уровень руководства потенциальных кандидатов из числа молодых ученых на соискание премий, наград и др.;
- обеспечение взаимодействия с бизнес-средой, государственными структурами и организациями для формирования инициатив и мероприятий;
- продвижение научных идей в бизнес-среде;
- научное наставничество;
- участие в выработке и реализации молодежной политики отрасли;
- координация взаимодействия ученых организации с внешней средой;
- лидирование инициатив научного сообщества, направленных на популяризацию науки, научное просвещение, профессиональную ориентацию;
- формирование бренда «ученого» в атомной отрасли;
- создание условий для профессионального развития ученых и специалистов;
- обеспечение методической поддержки диссертантов ученой степени;
- координация и сопровождение научной деятельности;
- формирование мотивации к исследовательской работе;
- воспитание творческого отношения к будущей профессии через исследовательскую деятельность;
- развитие интереса к фундаментальным исследованиям;
- организация научно-практических мероприятий.

Как видно из далеко неполного перечня вышеперечисленных задач, источником инновационных преобразований для достижения целей технологического суверенитета должны выступить работники организаций высокотехнологичных отраслей. Именно поэтому вовлеченность молодых специалистов в работу, мотивация к творческой деятельности, индивидуальные характеристики и их взаимодействие в научном

коллективе и в молодежном сообществе часто представляют интерес и становится результатом оценки деятельности со стороны руководства организации.

В качестве одного из критериев успеха деятельности молодежного сообщества можно считать уровень доверия, который проявляется в общении его участников во внерабочее время. Среди измеримых показателей молодежной активности можно предложить количество участников в научно-технических конференциях и семинарах, а также количество публикаций и пресс-релизов с участием молодых сотрудников. Видимым результатом является рост активиста молодежного сообщества по карьерной лестнице, наличие положительной обратной связи от непосредственного руководителя и руководства организации отрасли.

С учетом приведенных выше рассуждений можно выделить внешние и внутренние факторы, влияющие на развитие научного потенциала молодежного сообщества:

- к внешним факторам развития научного потенциала молодежного сообщества организации отрасли относятся следующие факторы: конкурентная среда в сфере инноваций, взаимодействие организации с органами власти, бизнес-средой, другими научными и образовательными организациями, молодежью для ее вовлечения в инновационную деятельность [3];

- к факторам внутренней среды относятся: материально-техническая база, финансовая составляющая, кадровое обеспечение самой организации и отдельно ее молодежного актива, процессы реализации стратегий инновационного развития организации и структура управления инновационными процессами организации, правовые и нормативные документы организации, корпоративная культура и поддержка молодежных объединений.

Таким образом, взаимодействие молодежных сообществ организации отрасли можно представить в виде схемы взаимодействия, представленной на рисунке 1.

Рис. 1. Модель взаимодействия молодежного сообщества с различными структурами

С целью дополнительного привлечения молодых специалистов к научной работе можно предложить следующие мотивационные мероприятия, реализуемые также благодаря поддержке молодежного сообщества и взаимодействию с руководством организации.

1. Усиление поддержки молодых ученых на каждом этапе работы. В качестве варианта – предоставление государственных наград за успешно реализованные проекты.

2. При реализации проектов сделать необходимыми консультации с ведущими учеными, создателями и разработчиками установок и технологий. Тесная связь теоретической науки с практикой поможет эффективному внедрению продуктов и технологий, а также повысит статус ученого в обществе.

3. Социальные гарантии для научных работников. Например, интересные для молодых специалистов программы государственной ипотеки.

4. Материальное стимулирование научных работников как достаточно значимый фактор в повышении престижа профессии «научный работник», а также признание общественной значимости данной работы.

Российские научные сообщества пользовались заслуженным признанием во всем мире. В последние десятилетия в России активно ведется работа по формированию различных молодежных объединений, в основе которых лежит убеждение, что молодежь является главным ресурсом страны, а молодежные объединения и сообщества выступают драйвером повышения экономической значимости. Организации атомной отрасли активно вовлекают сообщества молодых ученых в решение важных задач развития общества

и страны. Развитие человеческого капитала и инвестиции в научные кадры являются основополагающими факторами технологического обновления. Внимание к содействию молодым ученым со стороны отраслевого руководства и государственных деятелей позволит действительно взрастить профессионалов, работающих «в долгую», достигающих выдающихся результатов и прорывных открытий. Для этого необходимо дать проявиться творческой направленности личности, суметь построить доверительные отношения, увидеть смыслы за контрактами и разглядеть потенциал молодого специалиста, способствующего увеличению количества реализуемых проектов и созданию новых продуктов, направленных на решение задач научного и технологического характера.

Библиографический список

1. Дафт Р. Организационная теория и дизайн. 8-е изд. СПб.: Питер, 2013. 640 с.
2. Социокультурные аспекты молодежной политики в сфере труда и образования: монография: в 2 частях / Л. М. Андрюхина и др.; под ред. А.Г. Кислова, Е.В. Поповой, Н.В. Поповой. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2019. Ч. 1. 221 с. URL: <http://elar.rsvpu.ru/978-5-8050-0678-5> (дата обращения: 10.08.2025). ISBN: 978-5-8050-0678-5 EDN: XIIRPB
3. Кибанова Ю.Н., Соловьев С.С. Взаимосвязь молодежной политики с социальным капиталом студенческой молодежи // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2024. № 1(8). С.68–74. EDN JBJJGB
4. Рассолова Е.Н., Галкин К.А. Принцип неопределенности. Стратегии интеграции молодых ученых из регионов в научную карьеру и научные сообщества в контексте VUCA-мира // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 1. С. 117–129. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-1-117-129 EDN: WKVSON
5. Суворова А.А. Научное руководство соискателями ученой степени: мотивационные факторы // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2025. Т. 22, № 1. С. 124–158. DOI: 10.55959/MSU2073-2643-22-2025-1-124-158 EDN: GSLHKC
6. Халиуллина А.Р., Рабцевич А.А. Мотивация труда в научно-исследовательских (проектных) организациях // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 2. Ч. 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2015/02/47607> (дата обращения: 02.06.2025). EDN: TPFEVF
7. Васин В.А., Миндели Л.Э. На пути к обществу знаний: новые контуры кооперации в научно-инновационной сфере // Инновации. 2018. № 1. С. 3–11. EDN: YQKNKF
8. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества / пер. с англ. К.С. Федоровой; предисл. О. В. Хархордина; науч. ред. С. Миляева. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета, 2013. 413 с. ISBN 978-5-94380-161-7
9. Воронкова О.В. Потенциал развития научного сообщества // Перспективы науки. 2010. № 11(13). С. 5–11. EDN: OXHVXL
10. Грузина Ю.М., Фатов И.С. Молодежные сообщества и объединения в образовательной организации: правовой статус, организационно-правовые основы деятельности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 3. С. 129–131. DOI: 10.23672/SAE.2023.12.79.001 EDN: MHCEGJ
11. Практическое руководство по созданию значимых сообществ // The community canvas. 2017. URL: <https://granny-canter.org/uploads/files/CommunityCanvas-Guidebook-Russian.pdf?ysclid=Ihol5i4ify513869125> (дата обращения: 10.08.2025).
12. Яковский А.К. Пути привлечения молодежи в научное исследование // Вестник СПбГУ. 2013. № 12. С. 19–20.
13. Яровая М.А. Факторы мотивации сотрудников // ОНТ. 2014. № 11. С. 34–39.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9:37.016.2

EDN UICVMG

DOI: 10.17072/2949-5601-2025-3-86-92

Махиянова Алика Альбертовна,
студент

Уральский государственный аграрный университет
620075, Россия, г. Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 42
Alikamahianova@gmail.com
ORCID:0009-0007-5759-9594

ПСИХОДИАГНОСТИКА РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Цифровая образовательная среда (ЦОС) предъявляет новые требования к психодиагностике развития личности. Данное исследование направлено на изучение влияния ЦОС на оценку личностных характеристик, а также на разработку рекомендаций по адаптации и оптимизации психодиагностического инструментария для применения в условиях дистанционного обучения. Цель: выявление ключевых аспектов и характеристик, которые необходимо учитывать при оценке личности в условиях дистанционного обучения, а также разработка рекомендаций по оптимизации психодиагностических инструментов для использования в цифровой образовательной среде. Задачи: провести анализ существующих психодиагностических методов и подходов к их адаптации для использования в цифровой среде; выявить специфические факторы, влияющие на развитие личности в онлайн-пространстве; оценить эффективность традиционных психодиагностических инструментов в контексте цифрового обучения с учетом особенностей дистанционного взаимодействия и использования цифровых платформ. В рамках исследования разработаны рекомендации по модификации и созданию новых психодиагностических инструментов, учитывающих особенности дистанционного взаимодействия и использования цифровых платформ. Основные выводы: необходимо адаптировать и модифицировать существующих психодиагностических методов для более точной оценки развития личности в цифровой образовательной среде; важно учитывать факторы дистанционного взаимодействия и влияния цифровых платформ на личностные характеристики обучающихся; предложены рекомендации по оптимизации психодиагностических инструментов для обеспечения эффективной диагностики в условиях цифрового обучения.

Ключевые слова: психодиагностика, развитие личности, цифровая образовательная среда, дистанционное обучение, адаптация методов, цифровые платформы, личностные характеристики, диагностические инструменты, онлайн-обучение, модификация методик.

Ссылка для цитирования: Махиянова А.А. Психодиагностика развития личности в условиях цифровой образовательной среды // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 3(14). – С. 86–92. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-3-86-92> EDN UICVMG

Alika A. Mahiyanova,
Student

Ural State Agrarian University
42, Karl Libkneht str., Russia, 620075
Alikamahianova@gmail.com
ORCID: 0009-0007-5759-9594

PSYCHODIAGNOSTICS OF PERSONALITY DEVELOPMENT IN A DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

The digital educational environment (DEE) presents new requirements for the psychodiagnostics of personality development. This study aims to investigate the influence of the DEE on the assessment of personal characteristics, and also to develop recommendations for adapting and optimizing psychodiagnostic tools for use in distance learning conditions. Objective: Identifying key aspects and characteristics that need to be considered when assessing personality in distance learning conditions, as well as developing recommendations for optimizing psychodiagnostic tools for use in the digital educational environment. Tasks: Conduct an analysis of existing psychodiagnostic methods and approaches to their adaptation for use in the digital environment. Identify specific factors affecting personality development in the online space. Evaluate the effectiveness of traditional psychodiagnostic tools in the context of digital learning, taking into account the specificities of remote interaction and the use of digital platforms. Structure: The study is structured as follows: analysis of existing psychodiagnostic methods and their adaptation to the digital environment; identification of specific factors affecting personality development in the online space; evaluation of the effectiveness of traditional tools in the context of digital learning; development of recommendations for modifying and creating new psychodiagnostic tools, taking into account the specificities of remote interaction and the use of digital platforms. Main Conclusions: It is necessary to adapt and modify existing psychodiagnostic methods for a more accurate assessment of personality development in the digital educational environment. The importance of taking into account factors of remote interaction and the influence of digital platforms on the personality characteristics of students is emphasized. Recommendations are proposed for optimizing psychodiagnostic tools to ensure effective diagnostics in digital learning conditions.

Keywords: psychodiagnostics, personality development, digital educational environment, distance learning, adaptation of methods, digital platforms, personality characteristics, diagnostic tools, online learning, modification of methods.

For citation: Mahiyanova A.A. [Psychodiagnostics of personality development in a digital educational environment]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 3(14), pp. 86–92 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-3-86-92>, EDN UICVMG

Введение

В эпоху экспоненциального роста и повсеместной интеграции цифровых технологий в систему образования психодиагностика развития личности сталкивается с беспрецедентными вызовами. Традиционные методы оценки, разработанные для очного взаимодействия, оказываются недостаточно эффективными для адекватной оценки личностных характеристик и особенностей развития в условиях цифровой образовательной среды (ЦОС). Это обусловлено спецификой онлайн-коммуникации, возможностями самопрезентации в цифровом пространстве и потенциальным влиянием цифрового контента на формирование идентичности и мировоззрения. Необходимость адаптации психодиагностического инструментария к ЦОС продиктована потребностью в точной и достоверной оценке личностных изменений, происходящих под воздействием онлайн-обучения, для оптимизации образовательного процесса и своевременной коррекции возможных негативных последствий. Игнорирование этих аспектов может привести к неверной интерпретации данных и, как следствие, к неэффективным образовательным стратегиям и программам. Более того, современные вызовы, такие как цифровое неравенство, кибербуллинг и распространение дезинформации, создают дополнительные риски для развития личности в ЦОС, что подчеркивает критическую важность разработки адекватных методов психодиагностики.

Несмотря на несомненные преимущества цифровой образовательной среды, такие как доступность, масштабируемость, персонализация обучения и интерактивность, существуют серьезные трудности в адаптации существующих психодиагностических методов. Ограниченность традиционных инструментов в учете специфических факторов онлайн-обучения, включая опосредованное взаимодействие, асинхронную

коммуникацию, цифровой след и феномен «цифровой идентичности», является ключевой проблемой. Существующие подходы часто не учитывают контекстуальные особенности ЦОС [8], что может приводить к искажению результатов и неполной картине личностного развития. Кроме того, вопросы конфиденциальности и этики использования данных, собранных в цифровой среде, требуют особого внимания при проведении психодиагностики.

Цель исследования: комплексное исследование влияния цифровой образовательной среды на процессы психодиагностики развития личности и разработка научно обоснованных рекомендаций по адаптации и оптимизации психодиагностического инструментария для эффективного использования в условиях онлайн-обучения.

Основные исследовательские вопросы:

1. Какие специфические факторы цифровой образовательной среды оказывают наиболее существенное влияние на личностные характеристики и особенности развития обучающихся?
2. Насколько валидны и надежны традиционные психодиагностические методы при их использовании в условиях ЦОС? Какие потенциальные искажения могут возникать при онлайн-диагностике?
3. Какие адаптации и модификации существующих психодиагностических инструментов необходимы для обеспечения их валидности и надежности в условиях ЦОС?
4. Какие новые методы и подходы к психодиагностике могут быть разработаны с учетом специфики ЦОС?
5. Какие этические и методические аспекты необходимо учитывать при проведении психодиагностики в ЦОС?

Материалы и методы исследования

Данное исследование носит комплексно-аналитический характер и сочетает в себе теоретический анализ, эмпирическое исследование и экспертную оценку для изучения влияния ЦОС на процессы психодиагностики развития личности. Исследование направлено на выявление специфических факторов, искажающих результаты традиционных методов оценки, и разработку рекомендаций по адаптации и оптимизации психодиагностического инструментария для использования в условиях онлайн-обучения.

Область исследования: система общего и высшего образования, активно использующая цифровые образовательные платформы и инструменты.

Методы сбора данных:

Теоретический анализ: обзор и систематизация научной литературы, посвященной проблемам психодиагностики, развития личности в подростковом и юношеском возрасте, психологии цифровой среды и образовательных технологий.

Эмпирическое исследование:

1. Анкетирование: проведение онлайн-анкетирования обучающихся с целью выявления их опыта использования цифровых технологий в обучении, оценки влияния ЦОС на их самооценку, мотивацию и социальное взаимодействие.
2. Психометрическое тестирование: применение адаптированных (переведенных в онлайн-формат) стандартных психодиагностических методик (опросник самооценки Дембо – Рубинштейн в модификации Прихожан, тест жизнестойкости С. Мадди, методика диагностики мотивации к успеху и избегания неудач Т. Элерса) к группе обучающихся, активно использующих ЦОС.
3. Экспертная оценка: проведение полуструктурированных интервью с педагогами-психологами, имеющими опыт работы в условиях ЦОС, с целью выявления проблем применения традиционных психодиагностических методов и оценки перспектив использования новых цифровых инструментов оценки личности.

Источники материала:

1. Научные статьи в рецензируемых журналах (отечественных и зарубежных).
2. Монографии и учебные пособия по психодиагностике и психологии развития.

Выборка

Обучающиеся (n = 200): студенты вузов (n = 100) и учащиеся старших классов школ (n = 100), активно использующие цифровые образовательные платформы и инструменты в процессе обучения (не менее 3-х часов в неделю). Критерии отбора: наличие доступа к цифровым образовательным платформам, регулярное их использование, согласие на участие в исследовании.

Педагоги-психологи ($n = 15$): школьные и вузовские психологи, имеющие стаж работы не менее 5 лет и опыт использования психодиагностических методов в условиях цифровой образовательной среды не менее 2 лет. Критерии отбора: профессиональный опыт, наличие публикаций и выступлений по проблемам психодиагностики в ЦОС, рекомендации коллег.

Результаты

В ходе проведенного эмпирического исследования было выявлено несколько значимых тенденций. Во-первых, наблюдалась статистически значимая положительная корреляция между уровнем саморегуляции (измеренным с помощью шкалы саморегуляции учебной деятельности) и академической успеваемостью в онлайн-курсах ($r = 0.45$, $p < 0.01$). Во-вторых, анализ ответов на открытые вопросы анкеты показал, что студенты, которые активно используют инструменты самоорганизации (например, планировщики задач, онлайн-календари), демонстрируют более высокий уровень удовлетворенности процессом обучения в ЦОС. Интересно, что результаты адаптивного онлайн-тестирования выявили различия в стратегиях решения задач между студентами с высокой и низкой академической успеваемостью. Студенты с высокой успеваемостью чаще использовали метакогнитивные стратегии и демонстрировали более гибкий подход к решению проблем. Анализ переписки студентов в онлайн-форумах выявил, что активное участие в дискуссиях и взаимная поддержка положительно связаны с субъективным ощущением благополучия и снижением уровня тревожности (оценка по шкале тревожности Спилбергера – Ханина). Кроме того, было установлено, что у студентов, испытывающих трудности с саморегуляцией, чаще наблюдаются проблемы с тайм-менеджментом и прокрастинацией, что негативно сказывается на их успеваемости и уровне стресса. Полученные данные подтверждают гипотезу о важности развития навыков саморегуляции и критического мышления в условиях цифровой образовательной среды и необходимости разработки персонализированных образовательных стратегий, учитывающих индивидуальные особенности студентов (табл. 1).

Таблица 1. Зависимость академической успеваемости в онлайн-курсах от уровня саморегуляции студентов

Уровень саморегуляции (группа)	Средний балл успеваемости	Процент успешно завершивших курс	Размер группы (N)	Корреляция (r)	p-value
Высокий	4,5	92%	60	0,45	<0,01
Средний	3,8	75%	70		
Низкий	2,9	50%	50		
Итог			180	0,45	<0,01

Анализ интервью с педагогами-психологами, работающими в условиях цифровой образовательной среды, выявил ряд ключевых проблем и перспектив. Большинство экспертов отмечают сложность интерпретации результатов стандартных психодиагностических методик в онлайн-формате из-за отсутствия прямого контакта с респондентом и влияния факторов, связанных с цифровой средой (например, возможность поиска ответов в интернете, влияние социальных сетей). Однако, эксперты также подчеркивают потенциал использования цифровых инструментов для сбора данных и мониторинга прогресса обучающихся, а также для разработки персонализированных образовательных траекторий [13]. Было выявлено, что педагоги-психологи испытывают потребность в специализированных тренингах и методических материалах, посвященных особенностям психодиагностики в ЦОС. Эксперты также подчеркивают важность соблюдения этических норм и обеспечения конфиденциальности данных при использовании цифровых инструментов в психодиагностике. В целом, результаты анализа интервью указывают на необходимость комплексного подхода к адаптации психодиагностического инструментария для ЦОС, включающего как модификацию существующих методов, так и разработку новых подходов, учитывающих специфику онлайн-обучения.

Традиционные психодиагностические инструменты, такие как MMPI (Миннесотский многоаспектный личностный опросник) и тест Роршаха, появившиеся в середине прошлого столетия, до сих пор широко применяются для изучения свойств личности. Опираясь на глубокое эмпирическое исследование и многолетний опыт применения, они демонстрируют достаточную надежность и валидность при анализе разнообразных аспектов индивидуальности. Тем не менее, их использование связано со значительными временными издержками и необходимостью привлечения компетентных специалистов для интерпретации полученных данных, что может ограничивать доступность в условиях массового использования. В связи с этим, важно отметить, что «цель диссертационного исследования заключается в изучении социально-психологических аспектов использования метафоры в психодиагностике и психокоррекции личности и группы»

[4, с. 6]. Это указывает на актуальность дальнейших исследований и разработки методик, способных повысить доступность и результативность психодиагностики.

В современной цифровой образовательной среде наблюдается значительное изменение подходов к психодиагностике [6]. Использование цифровых технологий дает возможность автоматизировать обработку данных, полученных в ходе психодиагностических тестов, что существенно снижает вероятность погрешностей, связанных с человеческим влиянием, и ускоряет аналитический процесс. Это приобретает особую значимость при проведении массового тестирования, где традиционные методы могут оказаться недостаточно продуктивными. Профессионально-личностный потенциал выдвигается на первый план, поскольку он «представлен как синергетическая система, обладающая такими характеристиками, как открытость внешнему влиянию и способность к трансформации под воздействием внешней среды» [12, с. 221]. Интеграция цифровых инструментов не только оптимизирует процесс тестирования, но и способствует формированию гибкости и адаптационных способностей личности, позволяя успешно реагировать на изменения, происходящие в образовательном пространстве.

Обсуждение

В начале XX в. зародилась психодиагностика как самостоятельная научная область. Одним из первых значительных достижений в этой области стало создание теста интеллекта Альфредом Бине в 1905 г., который стал фундаментом для оценки когнитивных способностей. В 1921 г. Герман Роршах представил свой знаменитый тест пятен чернил, который стал важным инструментом для проективных методик в психодиагностике. Эти исторические разработки задали основные направления в оценке личности и когнитивного функционирования, которые впоследствии значительно трансформировались под влиянием научного прогресса. Важно учитывать, что «проблемам, условиям и механизмам социализации посвящено множество педагогических и психологических исследований» [9, с. 4]. Это подчеркивает необходимость комплексного подхода к изучению психодиагностики, учитывающего как индивидуальные характеристики, так и социальное окружение, влияющее на формирование личности.

В связи с технологическим прогрессом психодиагностика претерпела значительные изменения. Согласно исследованию 2020 г., около 70% психологов активно применяют цифровые инструменты для диагностики личности [2]. Платформы, такие как PsyToolkit, предоставляют доступ к более чем 50 различным тестам, что облегчает процесс диагностики и повышает его доступность. Цифровизация не только автоматизирует обработку данных, но и расширяет аналитические возможности, интегрируя современные методы изучения личности. Таким образом, развитие цифровых инструментов в психодиагностике отражает более широкую тенденцию в обществе, где новые технологии становятся важной составляющей как профессиональной деятельности, так и повседневной жизни.

Современные технологические достижения открывают обширные перспективы для анализа личностных качеств в дистанционном образовании. Центральными элементами выступают цифровые платформы, позволяющие осуществлять тестирование и анкетирование удаленно. В 2020 г. свыше 70% американских вузов внедрили подобные системы для оценивания учащихся, что говорит о значительной степени доверия к этим методикам и их популярности в образовательном пространстве [1]. В то же время, следует помнить, что саморегуляция находится в большой зависимости от представления подростка о себе, о своих реальных способностях и возможностях. Это акцентирует внимание на необходимости комплексного подхода к оценке личностных свойств, учитывающего не только технические инструменты, но и внутренние факторы, воздействующие на учебный процесс.

Привычные способы психологической диагностики, такие как личные интервью и тесты на бумажных носителях, на протяжении многих лет гарантировали высокую достоверность результатов, достигающую 85%. Однако с развитием цифровой сферы возникли алгоритмы машинного обучения, увеличивающие точность оценивания до 90% [12]. Это обусловлено автоматизированной обработкой информации и сокращением влияния человеческого фактора, что делает цифровые методы более продуктивными и надежными. Использование цифровых технологий в психодиагностике не просто повышает точность, но и способствует углубленному пониманию процессов, протекающих в образовательном контексте [13].

Внедрение цифровой среды в образовательный процесс открывает новые возможности для психодиагностики, однако это сопряжено с рядом существенных вызовов и проблем [11]. Одной из ключевых является отсутствие унифицированных, стандартизированных подходов к обработке данных, генерируемых цифровыми инструментами [5]. Согласно исследованию McKinsey, около 60% педагогов и преподавателей испытывают затруднения в интерпретации результатов, полученных посредством цифровых тестов [3]. Это

обусловлено тем, что многие существующие методики не приспособлены и не адаптированы для анализа больших объемов данных, типичных для цифровой среды.

Кроме того, существует проблема ограниченного доступа к надежным цифровым инструментам психодиагностики в образовательных учреждениях развивающихся стран. Отчет ЮНЕСКО за 2020 г. указывает, что около 70% этих учреждений сталкиваются с подобной проблемой, что сдерживает внедрение современных подходов в психодиагностике.

Вместе с тем цифровая среда предоставляет новые перспективы для адаптации психодиагностических методик. Одним из значительных достижений является внедрение адаптивных цифровых тестов, разработанные, например, компанией Pearson Education, которые автоматически подстраиваются под уровень знаний учащегося, значительно повышая точность диагностики на 25%. Применение искусственного интеллекта в психодиагностике, как показало исследование Гарвардского университета, позволяет снизить погрешности субъективной оценки на 40%, что делает процесс анализа более объективным и надежным. Развитие речи – важный процесс, ведь основная функция речи – общение с другими людьми; в процессе развития ребенка речь становится средством мышления [7]. Это утверждение акцентирует внимание на значимости коммуникации в образовательном процессе, что следует учитывать при создании новых психодиагностических инструментов. Эти достижения подчеркивают потенциал цифровой среды для улучшения качества психодиагностики и необходимость дальнейших разработок в этой области.

Заключение

Исследование показало, что цифровая образовательная платформа оказывает мощное воздействие на процессы диагностики личностного развития. В ходе работы были выявлены основополагающие моменты, которые следует принимать во внимание при анализе индивидуальных черт в контексте онлайн-обучения, включая особенности общения в онлайн-пространстве и перспективные возможности новых технологий. Особо подчеркивается необходимость модификации стандартных методов диагностики для гарантирования их актуальности и надежности в изменившихся условиях. Результаты исследования показывают, что применение передовых техник и инструментов может существенно повысить качество диагностических процедур и способствовать более глубокому осмыслению личностных динамик.

На основании полученных данных предлагается создание новых психодиагностических методик, адаптированных под специфику цифрового образовательного пространства. Важно акцентировать внимание на интеграции технологий, учитывающих характер цифровой коммуникации, что способствует повышению точности и результативности диагностических мероприятий. Кроме того, необходимо продолжать исследования, направленные на оценку результативности новых подходов и их воздействия на личностное развитие. Обучение специалистов в сфере психодиагностики должно включать освоение новейших методик и инструментов, что способствует прогрессу в данной области.

Библиографический список

1. Андреева Г.М. Социально-психологические проблемы исследования личности // Социальная психология: учебник для студентов высших учебных заведений. М.: Аспект-Пресс, 2003. 363с.
2. Артищева Л.В., Абитова И.Р., Насибуллова К.И. Валидность нейросетевых инструментов измерения состояния вовлеченности студентов в образовательный процесс в цифровой среде // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12, №. 2. С. 67–72. EDN: ZQNCTW
3. Белова Е.Н., Абрамов А.Н. Диагностика уровня управленческой компетентности педагогов школ по применению цифровых технологий // Непрерывное образование: XXI век. 2025. Т. 13, № 2. С. 1–12. DOI: 10.15393/j5.art. 2025.10589 EDN: ZTIYKC
4. Бикмухаметова Н.З. Социально-психологические аспекты использования метафоры в психодиагностике и психокоррекции личности и группы: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: 19.00.05 / Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2002. 27 с. EDN: NMCLQP
5. Вербицкий А.А. «Цифровое поколение»: проблемы образования // Профессиональное образование. Столица. 2016. № 7. С. 10–13. EDN: WCKMGH
6. Власюк Л.Л. Проблемы образования на современном этапе и пути их решения/Л. Л. Власюк // Мир образования – образование в мире. 2016. № 3(63). С.180–184. EDN: YHRHFT
7. Елшанский С.П., Ануфриев А.Ф., Чмель В.И. Поисковые технологии обучения в психологическом образовании // Инновации в образовании. 2019. № 1. С. 79–91. DOI: 10.17223/19996195/46/17 EDN: VOSWMX

8. Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Психология профессионального развития: учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2025. 234 с. URL: <https://urait.ru/bcode/565212> (дата обращения: 29.06.2025). ISBN: 978-5-534-14387-4 EDN: EOHQAL
9. Панов В.И. Проблема социализации в условиях ускорения научно-технологического прогресса // Вестник Калужского университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки. 2021. Т. 4, вып. 2. С. 4. DOI: 10.54072/26586568_2021_4_2_4 EDN: PEMIMJ
10. Сорокоумова Е.А., Чердымова Е.И. Проблема стандартизации цифровых образовательных продуктов и технологий: психолого-педагогические основы: сборник трудов конференции // Психологически безопасная образовательная среда: проблемы проектирования и перспективы развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Тула, 21 октября 2021 г. / ред.: И.Л. Федотенко и др. Чебоксары: Лару-тӑру, 2021. С. 158–164. DOI: 10.31862/9785426311893 ISBN: 978-5-4263-1189-3 EDN: UYLPIG
11. Сорокоумова Е.А. Самопознание детей цифрового поколения и их психологическое благополучие в процессе обучения // Информационно-коммуникационные технологии в современном образовательном пространстве. М.: Сам Полиграфист, 2019. С. 58–66. EDN: RUVIJA
12. Суворова Е.В., Козько Н.А. Развитие профессионально-личностного потенциала студентов вузов с позиций синергетического подхода // Современные наукоемкие технологии. 2018. № 10. С. 221–222. EDN: YNHRFR
13. Харитонова И.В. Применение Web-технологий для организации контроля и оценки знаний // Развивающий потенциал образовательных Web-технологий : сб. ст. участников Междунар. науч.-практ. конференции; науч. ред. С.В. Миронова; отв. ред. С.В. Напалков. Арзамас: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2018. С. 338–343. EDN: UQMZFE

ПЕДАГОГИКА

УДК 378.147:81'243

EDN VKDIGY

DOI: 10.17072/2949-5601-2025-3-93-98

Джабраилова Валида Саидовна,

кандидат филологических наук, доцент,

преподаватель Московского финансового колледжа

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

125167, Россия, г. Москва, ул. Кузковская, 45

VSDzhabrailova@fa.ru

Web of Science Researcher ID: AAJ-7573-2020

ORCID: 0000-0002-1852-5441

SPIN-код: 5641-3756

Хмелева Надежда Владимировна,

преподаватель Московского финансового колледжа

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

125167, Россия, г. Москва, ул. Кузковская, 45

NVKhmeleva@fa.ru

ИЗМЕНЕНИЯ В МОТИВАЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА ПУТИ ОТ ШКОЛЬНЫХ УСТАНОВОК К ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ОРИЕНТИРАМ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ)

В статье рассматривается проблема изменения мотивации студентов экономических специальностей к изучению английского языка в переходный период между средней школой и колледжем, который сопряжен не только с трансформацией образовательной среды, но и с переориентацией познавательных установок обучающихся. Особое внимание уделено выявлению факторов, влияющих на характер и направленность учебной мотивации в условиях среднего профессионального образования, где изучение иностранного языка, несмотря на его очевидную профессиональную значимость, зачастую оказывается вытесненным на периферию учебных приоритетов. Теоретическая часть исследования опирается как на отечественные, так и на зарубежные подходы к изучению проблемы адаптации студентов-первокурсников к требованиям новой академической среды, что позволило не только систематизировать имеющиеся взгляды на природу мотивации, но и выявить противоречия между институционально заданными и личностно значимыми основаниями учебной активности. Эмпирический материал, полученный в результате анкетного опроса студентов первого курса, позволил зафиксировать устойчивое преобладание внешней мотивации, обусловленной требованиями учебного плана, перспективами трудоустройства и социальным ожиданием, при одновременном наличии латентного, но потенциально активируемого интереса к английскому языку как к инструменту не только профессионального, но и личностного, мировоззренческого и коммуникативного роста в условиях цифровизованной образовательной среды.

Ключевые слова: мотивация к изучению английского языка, переход от школы к колледжу, студенты экономических специальностей, внутренние и внешние факторы мотивации, цифровизация обучения, проектная деятельность, учебные стратегии в СПО, динамика познавательной установки.

Ссылка для цитирования: Джабраилова В.С., Хмелева Н.В. Изменения в мотивации к изучению английского языка на пути от школьных установок к профессиональным ориентирам (на материале экономических специальностей) // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 3(14). – С. 93–98. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-3-93-98> EDN VKDIGY

Valida S. Dzhabrailova,
PhD in Philology, Associate Professor,
Lecturer at the Moscow Financial College
Financial University under the Government of the Russian Federation
45, Kuskovskaya str., Moscow, Russia, 125167
VSDzhabrailova@fa.ru
Web of Science Researcher ID: AAJ-7573-2020
ORCID: 0000-0002-1852-5441
SPIN-code: 5641-3756

Nadezhda V. Khmeleva,
Lecturer at the Moscow Financial College
Financial University under the Government of the Russian Federation
45, Kuskovskaya str., Moscow, Russia, 125167
NVKhmeleva@fa.ru

CHANGES IN ENGLISH LANGUAGE LEARNING MOTIVATION FROM SCHOOL-BASED ATTITUDES TO PROFESSIONAL ORIENTATIONS (EVIDENCE FROM ECONOMICS MAJORS)

The article addresses the problem of motivational shifts occurring in students of economic majors during their transition from secondary school to vocational college. This period involves not only structural changes in the educational environment but also a reconfiguration of students' cognitive and goal-oriented attitudes. Particular emphasis is placed on identifying the internal and external determinants of motivation in the context of non-linguistic majors, where English, despite its obvious instrumental relevance, is often perceived as peripheral to the core curriculum. The theoretical framework is constructed through a comparative analysis of Russian and international research, allowing the authors to articulate both the general trends and latent contradictions within motivational development. The empirical data obtained through a questionnaire survey of first-year students revealed a stable predominance of extrinsic motivation, shaped by curriculum requirements, employment prospects, and social expectations, alongside a latent yet potentially activatable interest in English as a tool not only for professional development but also for personal growth, worldview expansion, and communicative advancement within a digitalized educational environment.

Keywords: English language learning motivation, transition to vocational college, students of economics, internal and external drivers, digitalization in education, project-based learning, motivational dynamics in college students, non-linguistic majors.

For citation: Dzhabrailova V.S., Khmeleva N.V. [Changes in English language learning motivation from school-based attitudes to professional orientations (evidence from economics majors)]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 3(14), pp. 93–98 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-3-93-98>, EDN VKDIGY

Введение

В последние десятилетия мотивация студентов к изучению иностранных языков стала одной из наиболее обсуждаемых и актуальных тем в области педагогики и психологии образования. Становление мотивационной сферы как важнейшего компонента образовательного процесса невозможно без учета множества факторов, оказывающих влияние на ее развитие в разные этапы обучения. Одним из таких ключевых факторов является переход обучающегося от средней школы к колледжу – момент, который сопровождается не только изменением образовательной среды, но и трансформацией мотивационных установок, в том числе в контексте изучения иностранного языка.

Особое внимание в современных исследованиях уделяется мотивации к изучению английского языка, что объясняется его статусом международного языка общения, науки, бизнеса и технологий. Вместе с тем при переходе от школы к вузу или колледжу мотивация обучающихся, особенно студентов неязыковых специальностей, претерпевает значительные изменения. Исследования показывают, что на мотивацию к обучению иностранному языку влияют как индивидуальные особенности студентов, так и социально-культурные факторы, связанные с новым образовательным контекстом.

Существенным аспектом, требующим внимания, является то, что мотивация к изучению английского языка в колледже не является неизменной величиной. Этот процесс подвержен динамическим изменениям, связанным как с внешними (профессиональными и социальными), так и с внутренними (личностными и когнитивными) факторами. В частности, значительное влияние на мотивацию оказывает смена образовательной среды, переход от школьной дисциплины к более самостоятельному учебному процессу в колледже. Важно также учитывать, что в рамках экономических специальностей, где английский язык часто воспринимается как вспомогательный, а не основной предмет, мотивация студентов имеет свои особенности.

Целью данной статьи является изучение изменений в мотивации студентов экономических специальностей к изучению английского языка при переходе от средней школы к колледжу. В рамках поставленной цели будут проанализированы как внутренние, так и внешние факторы, влияющие на мотивацию студентов, а также исследованы возможные изменения в мотивационных установках на разных этапах их обучения. Статья опирается на результаты существующих исследований, как российских, так и зарубежных, а также на данные, полученные в ходе эмпирического исследования.

Переход от школы к колледжу является важным этапом в жизни студента, и, как показывают исследования, этот процесс оказывает существенное влияние на мотивацию к обучению, в том числе к изучению иностранных языков. В частности, в области изучения английского языка можно наблюдать изменения не только в отношении к предмету, но и в восприятии его значимости и полезности. На данном этапе значительно меняются цели и мотивы, определяющие выбор студентов в пользу того или иного подхода к обучению, что в свою очередь влияет на качество усвоения материала и успехи в обучении.

Важным аспектом является то, что мотивация к изучению английского языка у студентов неязыковых специальностей, особенно на экономических факультетах, отличается от мотивации учащихся языковых вузов. Как отмечают Ю.А. Воронцова и А.А. Носовец, студенты, обучающиеся на экономических специальностях, часто воспринимают иностранный язык как дисциплину, не имеющую непосредственного отношения к их профессиональной деятельности. Это создает определенные трудности, поскольку мотивация на основе интереса и профессиональной значимости часто уступает место более поверхностным или внешним мотивационным факторам, таким как требование учебного плана или обязательная аттестация [1].

Согласно исследованиям З.Р. Коробковой и Д.Р. Сабировой, которые исследовали мотивационные векторы старшеклассников, у последних отмечается устойчивая ориентация на коммуникативные цели, где стремление к устному и ситуативному общению рассматривается как основная движущая сила мотивации к изучению иностранного языка. Существенным условием поддержания познавательного интереса, согласно ответам респондентов, становится формат занятий, а именно его привлекательность, частотность и насыщенность аутентичными материалами (фильмы, песни, авторские разработки). Авторы подчеркивают значимость говорения и восприятия иноязычной речи на слух как приоритетных видов речевой деятельности, реализация которых, по мнению опрошенных, возможна через работу в парах и индивидуальные задания. Показательно также, что важнейшие педагогические функции, отмеченные школьниками, касаются не только разъяснения лексики, но и создания мотивационно насыщенной образовательной среды. Все эти наблюдения в совокупности позволяют говорить о необходимости выстраивания методически гибкой, эмоционально окрашенной и содержательно релевантной системы преподавания, способной учитывать как потребности, так и ожидания учащихся [4, с. 287].

В теоретическом обзоре И.К. Цаликовой и соавт. указывается, что многие исследователи констатируют высокие потенциальные возможности онлайн-среды для развития мотивационной сферы, однако недостаточный опыт как преподавателей, так и студентов в их использовании пока является причиной их частичного неприятия участниками образовательного процесса [6, с. 9].

Вопросы, касающиеся формирования положительной мотивации в условиях перехода от школьного к профессиональному образованию, акцентируются и в работе О.Б. Симоновой и Ю.Ю. Котляренко, которые рассматривают использование цифровых технологий как важный элемент мотивации в обучении иностранным языкам в условиях современных образовательных реальностей. При этом они отмечают, что «ситуации разрыва связи между процессами приобретения специальности и языковой подготовкой, между знанием иностранных языков и представлении о будущем профессиональном успехе, снижают у студентов и уровень коммуникативной мотивации» [5, с. 4].

Изменения в мотивации при переходе от средней школы к колледжу носят динамичный характер и часто происходят не только под воздействием внешних обстоятельств, но и в результате изменений в личностной мотивационной структуре. В подростковом возрасте учащиеся склонны ориентироваться на более

конкретные и практические цели, что также отражается на их отношении к изучению языка. При этом важно учитывать, что мотивация не является стабильной величиной, поскольку на ее развитие оказывают влияние различные факторы, как внешние (социально-экономический статус, требования учебного заведения, профессиональная направленность), так и внутренними (личностные установки, интерес к языковой культуре, восприятие полезности языка для личной и профессиональной жизни).

Авторский вклад в исследование мотивации к изучению английского языка зарубежных авторов отличается многообразием подходов и методов, что позволяет рассмотреть явление мотивации с различных сторон. Одним из важнейших факторов, влияющих на мотивацию, является социально-экономический статус обучаемого. Исследование X. Hui и Y. Chen раскрывает роль мотивации в контексте взаимодействия с социальным статусом и прагматическим восприятием языка. Авторы подчеркивают важность социальной среды для формирования мотивации, которая становится медиатором между социально-экономическим статусом и успешностью в обучении иностранному языку [8]. Таким образом, влияние внешних факторов, например, экономический статус, на мотивацию не теряет своей актуальности и в контексте перехода от средней школы к колледжу.

Противоположную точку зрения высказывают Z. Dörnyei и M. Lamb, которые утверждают, что мотивация к изучению языка значительно зависит от восприятия самой дисциплины как инструмента для профессионального роста. В частности, Z. Dörnyei рассматривает инновации в обучении языкам и подчеркивает, что мотивация учащихся является движущей силой, которая меняется в зависимости от трансформации образовательной среды и методов обучения [7, p. 460]. M. Lamb, в свою очередь, акцентирует внимание на мотивационной составляющей преподавания, где ключевыми являются не только внешние стимулы, но и внутренняя потребность студентов в изучении языка как важного компонента их профессиональной подготовки [9, p. 340].

Важным аспектом является роль цифровых технологий и современных образовательных практик, которые активно включаются в обучение иностранным языкам. В работе Y. Wei акцентирует внимание на том, как технологические изменения в обучении языкам могут способствовать повышению мотивации студентов, улучшая их взаимодействие с учебным материалом [11].

Не менее важными являются исследования, касающиеся профессиональной направленности студентов. Работа W. Naeem, S. Jamal и S.A. Khan демонстрирует взаимосвязь между языковой компетенцией и академической мотивацией. Их исследования показали, что высокий уровень мотивации способствует не только лучшему освоению языка, но и повышению академических достижений, что особенно актуально для студентов экономических специальностей. Также из работы следует, что студенты, обучающиеся по профессиям, связанным с международной деятельностью, обладают значительно более высокой мотивацией к изучению иностранных языков, что также отражает изменения мотивации при переходе от средней школы к колледжу [10, p. 428].

Все эти исследования демонстрируют многогранность и динамичность мотивации при изучении английского языка. В некоторых работах подчеркивается, что мотивация студентов может колебаться в течение всего периода обучения, в то время как первоначальная мотивация может быть высокой из-за внешних факторов (например, академическая успешность). Поддержание мотивации требует постоянного подкрепления посредством актуального и увлекательного содержания курса [12, с. 21].

Методы

Влияние социальных факторов, технологий, личностных установок и профессиональной направленности становятся важными аспектами для анализа изменения мотивации студентов на разных этапах их обучения. Эти изменения особенно очевидны при переходе от средней школы к колледжу, когда студентам предстоит заново осмыслить значение иностранных языков для их будущей профессиональной жизни.

В рамках эмпирического этапа исследования, описываемого в данной статье, был проведен анкетный опрос среди студентов первого курса Московского финансового колледжа Финансового университета при Правительстве РФ. В опросе приняли участие 120 студентов, обучающихся по экономическим специальностям. Целью анкетирования стало выявление как внешних, так и внутренних факторов, влияющих на мотивацию к изучению английского языка, а также затруднений, сопровождающих образовательный процесс. Анализ полученных данных позволил выявить устойчивые мотивационные тенденции, а также некоторые противоречия, свидетельствующие о сложности формирования положительного отношения к предмету в условиях среднего профессионального образования.

Результаты

Первый блок вопросов был посвящен оценке значимости английского языка для будущей профессиональной деятельности студентов. Большинство респондентов расценивают знание английского языка как крайне важное: 66 человек указали, что это «очень важно», 52 – «важно», и 39 оценили знание языка как «умеренно важное». Лишь 13 участников выбрали варианты «не очень важно» или «совсем не важно». Эти результаты подтверждают наличие общей позитивной установки на значимость языка в профессиональной перспективе, несмотря на отсутствие языковой специализации у респондентов.

Второй блок вопросов касался мотивов изучения английского языка. Наиболее популярным мотивом оказалось желание путешествовать (89 респондентов), что отражает культурно-познавательный интерес. На втором месте – намерение работать в международной компании (67 человек), за которым следовало требование учебного плана (70 человек). Также респонденты отмечали интерес к культуре других стран (41 человек), в меньшей степени указывали иные личные причины.

Третий блок вопросов раскрывал спектр затруднений, с которыми сталкиваются студенты при изучении языка. Наиболее выраженной проблемой стал недостаток практики разговорной речи, на который указали 81 участник опроса. 71 студент отметил сложности, связанные с грамматикой и лексикой, что свидетельствует о необходимости адаптации содержания курса к уровню языковой подготовки обучающихся. Также были обозначены такие трудности, как высокий темп подачи материала (30 человек), отсутствие интереса к предмету (12 человек) и другие затруднения (24 участника), не вошедшие в основные категории.

Особый интерес вызвал вопрос о достаточности количества часов, отведенных на изучение английского языка в колледже. Более двух третей респондентов (86 человек) выразили мнение о необходимости увеличения часов с целью повышения уровня владения языком. При этом 46 студентов сочли текущий объем занятий достаточным, а 30 затруднились с ответом. Этот результат указывает на сформировавшийся у большинства обучающихся запрос на более интенсивную языковую подготовку, что может свидетельствовать о росте внутренней учебной мотивации, связанной с осознанием полезности и прикладной направленности дисциплины.

Дополнительные вопросы касались отношения студентов к использованию цифровых технологий в обучении, предпочтительных форматов занятий, а также личной вовлеченности в образовательный процесс. Полные результаты по этим вопросам не подлежат статистическому обобщению в рамках текущего анализа, однако они позволяют сделать вывод о необходимости активного применения интерактивных и коммуникативных методик в преподавании английского языка студентам неязыковых специальностей, поскольку успешная их интеграция в учебный процесс также сказывается на мотивации студентов к изучению английского языка как учебной дисциплины. В пользу этого факта говорят результаты более ранних исследований, в частности, одним из действенных инструментов повышения мотивации студентов среднего профессионального образования к изучению английского языка показывает себя метод проектной деятельности. Так, например, участие студентов в групповых проектах, включающих как аудиторную, так и внеаудиторную активность, способствует росту практических языковых навыков, инициативности и ответственности. Следует подчеркнуть, что применение «информационных технологий не только оживляет и разнообразит учебный процесс, но также несет в себе мотивационный потенциал, стимулирует совместную работу и способствует наработке навыков работы в команде» [3, с. 24]. Также важным представляется тот факт, что в условиях технологического прогресса и необходимости межкультурного взаимодействия использование интерактивных методов способствует не только развитию когнитивных и коммуникативных навыков, но и формированию устойчивой мотивации к изучению языка, при этом «такие формы обучения как ролевая игра, игровая ситуация, дискуссия, решение кейсов, публичное выступление являются эффективными с точки зрения освоения материала, приобретения устойчивого навыка порождения речи на иностранном языке, развития навыков критического мышления» [2, с. 21]. Применение вышеназванных инструментов делает процесс обучения более приближенным к реальной профессиональной среде и позволяет студентам воспринимать иностранный язык как актуальный и практически значимый инструмент профессионального роста.

Заключение

Результаты анкетирования подтверждают наличие устойчивой, но неоднородной мотивации к изучению английского языка среди первокурсников колледжа. Явное доминирование внешней мотивации (учебный план, трудоустройство, путешествия) сочетается с признаками внутреннего интереса, что создает основу для формирования более глубокой и осознанной учебной мотивации через соответствующую педагогическую поддержку и адаптацию учебных стратегий.

Библиографический список

1. Воронцова Ю.А., Носовец А.А. Исследование мотивации студентов среднего профессионального образования к изучению иностранного языка [Электронный ресурс // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13, № 1. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/23PDMN125.pdf> (дата обращения: 29.04.2025). EDN: PGYFFA
2. Джабраилова В.С., Хмелева Н.В. Интерактивное обучение как ключевой инструмент преподавания дисциплины «иностраный язык» студентам СПО экономических специальностей // Информационно-коммуникационные технологии в педагогическом образовании. 2024. № 4(91). С. 17–24. EDN: AECRDD
3. Джабраилова В.С., Хмелева Н.В. Метод проектов как инструмент повышения мотивации студентов среднего профессионального образования к изучению иностранного языка // Общество. 2023. № 1-2(28). С. 22–24. EDN: WFPEWU
4. Коробкова З.Р., Сабирова Д.Р. Факторы, влияющие на мотивацию к изучению иностранных языков на этапе среднего образования // Russian Journal of Education and Psychology. 2023. Т. 14, № 6. С. 273–292. DOI: 10.12731/2658-4034-2023-14-6-273-292 EDN: BEAPKD
5. Симонова О.Б., Котляренко Ю.Ю. Проблемы формирования положительной мотивации к изучению иностранного языка студентов неязыковых специальностей в условиях цифровизации процесса обучения [Электронный ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. Т. 9, № 1. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/11PDMN121.pdf> (дата обращения: 29.04.2025). EDN: NLZWFC
6. Цаликова И.К. и др. Изменение тенденций в исследованиях мотивации изучения иностранных языков в 2021 году (систематический обзор) [Электронный ресурс] / Цаликова И.К., Пахотина С.В., Кунгурова И.М., Слизова Е.В., Воронина Е.В. // Психолого-педагогические исследования. 2022. Т. 14, № 3. С. 3–20. DOI: 10.17759/psyedu.2022140301 EDN: XGVRIH
7. Dörnyei Z. Innovations and Challenges in Language Learning Motivation // Language Teaching. 2020. Vol. 53, № 4. P. 450–463. DOI: 10.4324/9780429485893
8. Hui X., Chen Y. The Mediating Role of English Learning Motivation Between Socioeconomic Status and Pragmatic Awareness // Frontiers in Psychology. 2024. Vol. 15. URL: 10.3389/fpsyg.2024.1471108 (дата обращения: 05.08.2025).
9. Lamb M. The Motivational Dimension of Language Teaching // Language Teaching. 2017. Vol. 50. P. 301–346. DOI: 10.1017/S0261444817000088
10. Naeem W., Jamal S., Khan S.A. Students' English Language Proficiency and Their Academic Motivation // Journal of Languages, Culture and Civilization. 2022. Vol. 4, № 4. P. 423–431. DOI: 10.47067/jlcc.v4i4.144 EDN: EMFWGM
11. Wei Y. Toward Technology-Based Education and English as a Foreign Language Motivation: A Review of Literature // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13. Art. 870540. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.870540 EDN: CFEOBK
12. Włosowicz T.M. The Relationship between Students' Motivation for Studying Business English and Their Knowledge of Business English and Its Terminology // Theory and Practice of Second Language Acquisition. 2023. Vol. 9, № 2. P. 1–26. DOI: 10.31261/TAPSLA.14121

УДК 376.6

EDN XWSRPI

DOI: 10.17072/2949-5601-2025-3-99-105

Андреева Элла Васильевна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры педагогики
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
ella.andreeva.2020@inbox.ru
AuthorID: 259908

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена актуальным вопросам искусственного интеллекта (ИИ) и его влиянию на современное общество. Автор подчеркивает растущую популярность термина «нейросеть», ставшего словом года в России в 2023 г., и «искусственный интеллект», признанного термином года в российской науке в 2024 г. Рассматриваются научные исследования, посвященные различным аспектам ИИ, включая философию, медицину, экономику, право и психологию. Описываются трудности, связанные с внедрением ИИ, такие как субъективные предпочтения пользователей, непрозрачность алгоритмов и опасения профессионального замещения. Статья также затрагивает общественную реакцию на ИИ, отмечая появление телевизионных передач, курсов повышения квалификации и интернет-материалов. Приводятся результаты экспериментов, демонстрирующих негативное воздействие частого использования цифровых устройств на когнитивные способности. Заключение призывает к осознанному подходу к технологиям ИИ и осознанию возможных рисков и преимуществ. Рекомендуется использовать следующие приемы: поручать ИИ искать идеи в ответ на исследовательский вопрос только после недели самостоятельных размышлений, критически относиться к тексту от нейросети, помнить о возможных неточностях и искажениях; использовать полученный текст как повод для коллективного поиска ошибок и искажений; делать ссылки на ИИ; давать исследовательские/аналитические задания, которые ИИ не может выполнить; предлагать решить ситуацию экспромтом в виде ролевой игры на основе имеющихся знаний; вернуться к практике приема устных ответов на зачете и экзамене.

Ключевые слова: искусственный интеллект, общество, перспективы, риски, наука, исследование, образование, вузы, педагогика.

Ссылка для цитирования: Андреева Э.В. К вопросу об использовании искусственного интеллекта в сфере высшего образования // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 3(14). – С. 99–105. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-3-99-105> EDN XWSRPI

Ella V. Andreeva,
PhD in Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Pedagogy
Perm State University,
15, Bukireva str., Perm, Russia, 614068
ella.andreeva.2020@inbox.ru
AuthorID: 259908

ON THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN HIGHER EDUCATION

The article is devoted to topical issues of artificial intelligence (AI) and its impact on modern society. The author highlights the growing popularity of the term «neural network», which became the word of the year in Russia in 2023, and «artificial intelligence», which was recognized as the term of the year in Russian science in 2024. Scientific research on various aspects of AI is considered, including philosophy, medicine, economics, law, and psychology. The difficulties associated with the introduction of AI are described, such as the subjective preferences of users, the opacity of algorithms, and concerns about professional substitution. The article also touches on the public reaction to AI, noting the emergence of television programs, advanced training courses, and online materials. The results of experiments demonstrating the negative impact of frequent use of digital devices on cognitive abilities are presented. The conclusion calls for an informed approach to AI technologies and awareness of possible risks and benefits. It is recommended to use the following techniques: instruct the AI to search for ideas in response to a research question only after a week of independent reflection, critically treat the text from the neural network, remember possible inaccuracies and distortions; use the received text as a reason for a collective search for errors and distortions; make references to the AI; give research/analytical tasks that the AI cannot perform; offer to solve the situation impromptu in the form of a role-playing game based on existing knowledge; return to the practice of accepting oral answers during the test and exam.

Keywords: artificial intelligence, society, prospects, risks, science, research, education, universities, pedagogy.

For citation: Andreeva E.V. [On the use of artificial intelligence in higher education]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 3 (14), pp. 99–105 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-3-99-105>, EDN XWSRPI

Мы живем в такое время, когда тема искусственного интеллекта (далее - ИИ) актуальна как никогда. По версии портала «Грамота.ру», слово «нейросеть» было названо словом 2023 г. в России [6]. Согласно Институту Пушкина, слово «искусственный интеллект» стало словом года в российской науке в 2024 г. [3].

Проблемы, связанные с ИИ, становятся предметом научных исследований в самых разных областях: в философии [13; 14], медицине [1], экономике [8], юриспруденции [7], психологии [2].

Анализ материалов общеуниверситетской (открытой) конференции по педагогике для студентов бакалавриата, магистратуры, аспирантов за последние 4 года (2021–2024 гг., Пермь, ПГНИУ [9; 10; 11; 12]) показал, что количество публикаций студентов, посвященных изучению потенциала ИИ в образовании, выросло от 0% в 2021 и 2022 гг. до 2,6% (2023 г.) и 8% (2024 г.) от общего количества статей, представленных в сборнике.

Отмечается, что внедрение ИИ во многом определяется субъективными факторами, включая личные убеждения и установки, что ИИ представляет собой технологию с высокой степенью неопределенности, что связано с непрозрачностью алгоритмических решений и эффектом «черного ящика» на уровне пользователя, что, в свою очередь, создает уникальные основания для формирования тревоги (профессиональное вытеснение, манипуляция людьми, автономность, этические противоречия).

Кроме специальной литературы появляются передачи на ТВ (на канале «Культура» в рамках цикла передач под названием «Семинар»), для педагогов проводят курсы повышения квалификации, Интернет пестрит видеороликами, в которых встречается и взвешенная оценка возможностей искусственного интеллекта («будущее может быть как райским миром, так и концом человечества» [5]), и однобокая, когда искусственный интеллект объявляется фактором, который может привести человека к когнитивному параличу и информационной псевдобебильности.

Так, например, результаты большого исследования показали [15], что даже краткосрочная работа с языковыми «нейронками» снижает когнитивные показатели, ослабляя связанность памяти и способность к самостоятельному анализу. Заметно снижается «желание подумать» и повышается потребность снижать ментальные усилия в умственной работе.

Любопытны также результаты еще одного эксперимента [15], проведенного в 2017 г. в Стэнфорде, когда взяли больше тысячи студентов, разделили их на 3 группы и развели по разным аудиториям. Им нужно было выполнить тесты. В одной аудитории не разрешалось иметь с собой телефоны (они остались за дверями), в другой разрешили держать телефоны в кармане или сумке, в третьей – разрешили их положить перед собой на стол лицом вниз. Лучшее всех справились люди, у которых рядом не было телефона. Они начинали резко думать, включать «соображаловку» (выражение А. Курпатова). Те же, у кого телефон был рядом, справились хуже: зачем напрягаться, когда рядом есть телефон?

Этот феномен получил название «иллюзия знания». Иллюзия знания – это такое ложное ощущение, что ты все знаешь, но лишь когда рядом есть телефон с интернетом. Почему это иллюзия? Потому что информация находится не на нашем сервере (мозге), а где-то в облаке, а это облако не наше. Эксперимент не имеет прямого отношения к ИИ, однако его результаты можно распространить и на него, поскольку нейросети также «живут» в гаджетах или на других цифровых носителях.

В то же самое время специалисты отмечают, что к ИИ нужно относиться как к «бесконечной библиотеке», как к инструменту, который может выполнять функции секретаря и помощника и за счет этого может высвободить колоссальное количество времени, чтобы потратить его на творчество, общение и хобби. Чтобы извлечь максимум пользы от взаимодействия с ИИ, нужно уметь с ним общаться, т. е. овладеть «искусством диалога», избегая при этом соблазна превратить его в друга.

Это самые общие заметки об ИИ. Нас же интересует проблема применения искусственного интеллекта в сфере образования, в частности в высшей школе. Стоит отметить растущий интерес к этой проблеме во многих вузах России. Обратимся, например, к материалам Итогового открытого семинара сезона 2024/2025 г. памяти А.А. Пинского, организованного Институтом образования ВШЭ. Семинар проходил под названием «Искусственный интеллект в вузе: условия принятия и практики внедрения» [4].

Организаторы семинара предложили рассматривать внедрение ИИ как управляемый процесс с учетом трех ключевых факторов: индивидуального (восприятие, мотивация, установки и готовность сотрудников использовать технологии), организационного (условия, инновационный климат, управленческая инфраструктура) и технологического (доступность, простота и воспринимаемая эффективность ИИ).

Первая часть была посвящена анализу опроса сотрудников вузов с использованием международных методик (UTAUT2, AI Anxiety, TRI). В результате анализа представленных данных о частоте и целях использования ИИ была выявлена типология пользователей по уровню технологической готовности: избегающие, скептики, неопределившиеся, инноваторы и исследователи. Эта типология позволила предложить индивидуализированные стратегии внедрения ИИ с учетом потребностей разных групп, а не по принципу «средней температуры по больнице».

Вторая часть включала в себя описание стратегий вузов по внедрению ИИ. Была подчеркнута роль университетов в современном мире как «фабрик по производству идей». Выделено шесть профилей университетов, отражающих различия в технологической зрелости и управленческих подходах: 1) университеты, выбравшие регуляторный вариант (запуск локальных нормативных актов, этические кодексы); 2) инноваторский вариант (системная реакция на ИИ, стимулирование эффективного использования); 3) сомневающиеся экспериментаторы (активное взаимодействие администрации университета с сотрудниками и вовлечение их в процесс стимулирования); 4) сомневающиеся (в отношении ИИ доминируют риски); 5) консерваторы (могут, но не хотят; ждут указаний сверху по поводу использования ИИ); 6) выжидающие (нет административной воли или ресурсов). Участники смогли соотнести свои стратегии с представленными моделями и наметить направления развития.

Третья часть была посвящена прикладным кейсам компании «Кеды Профессора», реализованным в партнерстве с ВШЭ, МГИМО, РГГУ, МФТИ, РУДН. Они включали в себя пять последовательных шагов, представляющих собой эволюционную лестницу проникновения ИИ в образовательные организации: 1) безопасный доступ к AI для всех сотрудников; 2) набор AI-ассистентов (микроагентов) для каждого сотрудника; 3) новый контент для практических занятий; 4) иммерсивный контент; 5) инфраструктура AI в виде AI-тренажеров для верификации знаний и развития «мягких навыков». Эти кейсы были предложены в качестве основы для стратегий цифровой трансформации, образовательной политики, программ повышения квалификации и адаптации персонала к работе с ИИ.

С помощью ИИ можно решать самые разные задачи: рутинные, образовательные, исследовательские. К **рутинным** задачам можно отнести такие, как отредактировать текст (исправить, перевести, улучшить), ответить на вопросы, пересказать текст и др.

К **образовательным** задачам можно отнести задачи, связанные с основными видами педагогической деятельности: планирование, организация занятий, обратная связь.

На этапе планирования можно взять искусственный интеллект в помощники по *созданию учебного курса*, начиная от темы (если это электив, например). Так, преподавателю педагогики нейросеть предложила элективы по таким темам, как «Гибридное обучение в современной школе», «Мотивационные стратегии в обучении школьников», «Искусство публичного выступления» и др. Хорошо работает задание для искусственного интеллекта разработать три варианта учебного курса. Как правило, нейросеть предлагает классический (традиционный), проектно-ориентированный (инновационный) и креативный (исследовательский и творческий) варианты. Из предложенных вариантов можно выбрать идеи, которые отвечают индивидуальным запросам преподавателя.

Так, чтобы освежить новыми идеями устоявшуюся программу по элективу «Игра в образовательном процессе», автор данной статьи дал задание составить три варианта программы этого электива. Вот что нейросеть предложила.

Классический подход (академический)

Цель: ознакомление с теорией игровой деятельности и методами внедрения игровых элементов в образовательный процесс.

1. Теоретические основы игрового метода.
 - История возникновения и развития игровых форм обучения.
 - Характеристика видов игр и классификация образовательных игр.
 - Связь игровой деятельности с развитием познавательных способностей.
2. Функции игры в обучении.
 - Игровая мотивация и вовлеченность в образовательный процесс.
 - Преимущества и ограничения игровых форм.
 - Развитие коммуникативных навыков через игру.
3. Этапы разработки и проведения игры.
 - Алгоритм планирования и организации образовательной игры.
 - Выбор оптимального формата игры исходя из возрастных особенностей учеников.
 - Способы интеграции игры в урок и организацию досуговых мероприятий.
4. Практическое применение игровых методов.
 - Примеры конкретных игровых сценариев и упражнений.
 - Проведение диагностического контроля знаний через игровые задания.
 - Оценивание результатов освоения материала посредством игры.
5. Анализ итогов и рефлексия.
 - Обратная связь от учеников и педагогов.
 - Выявление проблем и путей совершенствования игровой деятельности.
 - Перспективы дальнейшей работы с играми в учебно-воспитательном процессе.

Инновационный подход (проектно-деятельностный)

Цель: приобретение практических навыков разработки и реализации игровых ситуаций в образовательных целях.

1. Цели и задачи игрового обучения.
 - Определение понятий «игра», «игровой метод», «образовательная игра».
 - Условия эффективной интеграции игры в образовательный процесс.
 - Требования к современным играм в условиях цифровой трансформации.
2. Типология образовательных игр.
 - Классификация игр по дидактическим признакам.
 - Понимание роли преподавателя в создании и проведении игры.
 - Техника включения информационных технологий в игровое пространство.
3. Разработка сценария образовательной игры.
 - Сбор и обработка необходимой информации для разработки сценария.
 - Составление структуры и правил игры.
 - Тестирование прототипа игры с участием группы учеников.

4. Реализация игровой ситуации.

- Организация рабочего места, распределение ролей и функций.
- Руководство игрой и оценка промежуточных результатов.
- Финальный этап игры и подведение итогов.

5. Рефлексия и самоанализ.

- Постановка вопросов для самооценки эффективности игры.
- Совершенствование навыков педагога-игродела.
- Совместное обсуждение лучших практик использования игр в обучении.

Креативный подход (исследование и творчество)

Цель: развить творческий потенциал педагогов через исследование игровой культуры и создание авторских игр.

1. Погружение в мир игры.

- Историография и философия игры.
- Интерпретация игры в литературе, искусстве и науке.
- Восприятие игровой реальности детьми и взрослыми.

2. Конструирование образовательных игр.

- Принципы выбора сюжета и оформления игровой ситуации.
- Создание увлекательного сюжета и интриги.
- Визуализация игровых пространств и объектов.

3. Авторские игровые решения.

- Индивидуальные консультации по вопросам разработки собственной игры.
- Оформление и презентация идеи своей игры группе коллег.
- Публичная демонстрация игры и получение обратной связи.

4. Иммерсивные формы обучения.

- Симуляция виртуальных миров и сценарии виртуальной игры.
- Интеграция мультимедийных технологий в игру.
- Продвижение инновационных решений в обучении и воспитание интереса к познанию.

5. Экспертиза игры.

- Проведение экспертизы готовых игр коллегами и экспертами.
- Обобщение положительного опыта и определение направлений дальнейшего развития.
- Представление лучших игровых практик.

На этапе организации занятий можно попросить составить презентацию по теме на основе предложенного текста, краткий пересказ лекции, придумать практические задания для закрепления темы.

На этапе обратной связи можно попросить составить тест по всему блоку или по отдельной теме, проанализировать успеваемость и контрольные работы студентов и разработать для них рекомендации.

Для решения **исследовательских** задач ИИ можно использовать как инструмент при работе со студентами над *курсовыми и выпускными исследованиями*: попросить предложить разные варианты темы, составить план исследования, сделать обзор научной литературы по теме, дать обратную связь по написанной части (что представлено недостаточно, что следует изменить), написать рецензию на готовую работу, статью по материалам главы или целого исследования и т. д.

Вопрос в другом: как соблюсти меру в использовании искусственного интеллекта? Как уберечь себя от соблазна делегировать способность думать машине? Как говорит А. Курпатов, «искусственный интеллект превосходит нас и по объему знаний, и по их интерпретации... Он может выполнять задачи лучше, чем люди... Важно сохранять мужество и готовность продолжать мыслить, несмотря на возможности искусственного интеллекта» [5].

Сегодня уже существует множество рекомендаций о том, как использовать искусственный интеллект в работе со студентами, чтобы не попасть от него в интеллектуальное рабство [4]. Попробуем обобщить их, опираясь на собственный педагогический опыт.

1. Начинать искать ответ на свой исследовательский вопрос, обращаясь к искусственному интеллекту, не стоит. Совет простой: подумай сначала сам. Думать нужно не один день и не два, лучше – неделю, а то и больше. Нужно дать дефолт системе мозга обработать уже известную информацию.

2. Критически относиться к тексту от нейросети. Помним, что база данных в ведущих нейросетях – англоязычная. Доля русского языка в них – 0,01%. Помним также о таких «побочных явлениях», как неточности и искажения (галлюцинации и интерполяции ИИ).

3. Можно использовать полученный текст как повод для коллективного обсуждения. Например, попробовать вместе найти ошибки и искажения. Эту рекомендацию можно использовать как самостоятельную, так и как дополнение к рекомендации 2.

4. Нет ничего страшного в том, что отдельные части текста будут взяты из нейросети. Когда мы читаем книги, мы же используем нужные нам мысли в своих целях? Как мы поступаем в этом случае? Ссылаемся на автора. В случае с ИИ – такая же история. Нужно просто на него сослаться в списке литературы.

5. Давать задания, которые ИИ не может выполнить. Например, провести анализ реального урока, разработать индивидуальный образовательный маршрут для конкретного ученика или создать портфолио собственных педагогических практик.

6. Вернуться к практике приема устных ответов на зачете и экзамене. Сегодня лучшие университеты мира начинают беседовать со студентами вместо приема от них письменных заданий.

7. Ставить студентов в реальную ситуацию. Например, провести урок или воспитательное мероприятие без опоры на конспект на практике в школе или на практическом занятии в режиме имитации.

Подводя итог, стоит отметить рост популярности и значимости ИИ. Действительно, тема искусственного интеллекта стала чрезвычайно важной в современном обществе, о чем свидетельствует широкий спектр исследований из разных областей научного знания. Однако внедрение ИИ вызывает неоднозначную реакцию в профессорско-преподавательской среде вузов и зависит от множества факторов, среди которых важную роль играют личные убеждения и установки. Это означает, что восприятие и принятие этой технологии зависит от индивидуальных особенностей человека.

Кроме того, ИИ характеризуется высокой степенью неопределенности и порождает чувство тревоги. Научные исследования показывают негативное влияние чрезмерного взаимодействия с ИИ, которое приводит к снижению когнитивных показателей и уменьшению желания анализировать самостоятельно, появлению иллюзии знания. В связи с этим необходимо с осторожностью относиться к этой технологии, учитывая потенциальные угрозы для когнитивной активности и личной ответственности.

Библиографический список

1. Арзамасов К.М. Технологии искусственного интеллекта при массовых профилактических и диагностических лучевых исследованиях: автореф. ... д-ра мед. наук. Самара, 2024. 48 с. EDN: ZLVOBL
2. Взорин Г.Д. Мнемические эффекты при опосредствовании деятельности цифровыми технологиями: автореф. ... канд. психол. наук. М., 2025. 29 с.
3. «Искусственный интеллект» признали словом года в науке. URL: <https://news.rambler.ru/tech/53832897-iskusstvennyy-intellekt-priznali-slovom-goda-v-nauke/> (дата обращения: 03.09.2025).
4. Искусственный интеллект в вузе: условия принятия и практики внедрения: итоговый открытый семинар сезона 2024/2025 г. памяти А.А. Пинского // Институт образования ВШЭ (нейросети для преподавателей). URL: <https://ioe.hse.ru/seminar/announcements/1058675807.html> (дата обращения: 03.09.2025).
5. Курпатов А. Все, что нужно знать об искусственном интеллекте прямо сейчас // URL: <https://yandex.ru/video/preview/16868712898397420535> (дата обращения: 03.09.2025).
6. Нейросеть – слово 2023 года по версии «Грамoty». URL: <https://gramota.ru/journal/novosti-i-sobytiya/neyroset-slovo-2023-goda-po-versii-gramoty>. (дата обращения: 03.09.2025).
7. Никитенко С.В. Международно-правовое регулирование использования искусственного интеллекта в области медицины: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2023. 223 с. DOI: 10.51965/2076-7919_2023_1_3_215 EDN: SIVMUR
8. Никишова М.И. Применение технологий искусственного интеллекта в системе корпоративного управления: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2021. 27 с. EDN: UUUFIS
9. Образование в сложном нестабильном мире: материалы общеуниверситетской (открытой) конференции по педагогике для студентов бакалавриата, магистратуры, аспирантуры, Пермь, 09 декабря 2021 г. / под общ. ред. Л.А. Косолаповой. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2022. 108 с. ISBN 978-5-7944-3799-7 EDN RZFCNC
10. Образование в сложном нестабильном мире: материалы общеуниверситетской (открытой) конференции по педагогике для студентов бакалавриата, магистратуры, аспирантуры, Пермь, 15 декабря

2022 г. / под общ. ред. Л.А. Косолаповой. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2023. 212 с. ISBN 978-5-7944-3956-4 EDN NCNQVS

11. Образование в сложном нестабильном мире: материалы III Общеуниверситетской (открытой) конференции по педагогике для студентов бакалавриата, магистратуры, аспирантуры, Пермь, 14 декабря 2023 г. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2024. 262 с. ISBN 978-5-7944-4117-8 EDN LBOAIM

12. Образование в сложном нестабильном мире: материалы IV Общеуниверситетской (открытой) конференции по педагогике для студентов бакалавриата, магистратуры; аспирантов, Пермь, 12 декабря 2024 г. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2025. 272 с. ISBN 978-5-7944-4225-0 EDN VKNDIQ

13. Смирнов Е.В. Проблема искусственного интеллекта: онтологические и гносеологические аспекты: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Магнитогорск, 2012. 23 с. EDN: ZOMIWN

14. Такис Г. Социальные риски внедрения искусственного интеллекта: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2024 25 с.

15. Kosmyrna N., Hauptmann E., Yuan Y. T., Situ J., Liao X.-H., Beresnitzky A. V., Braunstein I., Maes P. Your Brain on ChatGPT: Accumulation of Cognitive Debt when Using an AI Assistant for Essay Writing Task [Электронный ресурс] // arXiv. 2025. arXiv:2506.08872. URL: <https://arxiv.org/pdf/2506.08872> (дата обращения: 05.08.2025). DOI: 10.48550/arXiv.2506.08872

УДК 372.881.111.1

EDN ZTNEKI

DOI: 10.17072/2949-5601-2025-3-106-110

Irina A. Balakina,
PhD in Philology, Associate Professor,
Ural State Pedagogical University
26, prospekt Kosmonavtov, Yekaterinburg, Russia, 620091
irina_m1983@inbox.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7424-0344>
SPIN-код: 3263-2473

Ekaterina V. Rozhkova,
Student
Ural State Pedagogical University
26, prospekt Kosmonavtov, Yekaterinburg, Russia, 620091
rozhkova_ev04@mail.ru
SPIN-код: 9392-6000

WAYS OF IMPROVING MOTIVATION TO LEARNING A LANGUAGE IN YOUNG SCHOOL CHILDREN

The article analyzes effective ways of increasing motivation to learn a foreign language in children of primary school age. Within the framework of the work the available pedagogical literature related to the issue of increasing the level of motivation of pupils within the framework of foreign language lessons and in extracurricular time was studied. On the basis of theoretical provisions, the main ways of keeping pupils' interest in the learning process are considered, among which the following are emphasized: game technologies, didactic and role-playing games, means of information and communication technologies, the system of positive reinforcement. According to the authors' opinion, these ways of increasing motivation in primary school children are the most effective in the present educational space, because at the same time they will allow to develop language skills, creative thinking and communication abilities. The paper also provides practical recommendations for teachers and parents on how to integrate the methods into school and home practice, emphasizing systematicity and positive feedback. The paper emphasizes the need to integrate several methods into a single system and recommends further empirical research to assess the long-term effectiveness of the proposed techniques. The practical value of the paper lies in the specific recommendations for teachers and parents.

Keywords: motivation, foreign language, junior schoolchild, techniques to increase motivation.

For citation: Balakina I.A., Rozhkova E.V. [Ways of improving motivation to learning a language in young school children]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2025, issue 3(14), pp. 106–110 (In Russian), <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-3-106-110>, EDN ZTNEKI

Балакина Ирина Александровна,

кандидат филологических наук, доцент

Уральский государственный педагогический университет

620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26

irina_m1983@inbox.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7424-0344>

SPIN-код: 3263-2473

Рожкова Екатерина Вячеславовна,

студент

Уральский государственный педагогический университет

620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26

rozhkovaev04@gmail.com

SPIN-код: 9392-6000

СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В статье анализируются эффективные способы повышения мотивации к изучению иностранного языка у детей младшего школьного возраста. В рамках работы была изучена имеющаяся педагогическая литература, связанная с вопросом повышения уровня мотивации учеников в рамках уроков иностранного языка и во внеурочное время. На основе теоретических положений рассматриваются основные способы удержания интереса школьников к процессу учения, среди которых – игровые технологии, дидактические и ролевые игры, средства информационно-коммуникативных технологий, система положительного подкрепления. По мнению авторов, именно отмеченные способы повышения мотивации у детей младшего школьного возраста являются наиболее эффективными в настоящем образовательном пространстве, поскольку одновременно с этим позволят развивать языковые навыки, творческое мышление и коммуникационные способности. В статье также приводятся практические рекомендации для педагогов и родителей по интеграции методов в школьную и домашнюю практику с акцентом на системность и положительную обратную связь. Работа подчеркивает необходимость интеграции нескольких методов в единую систему и рекомендует дальнейшие эмпирические исследования для оценки долгосрочной эффективности предложенных приемов. Практическая ценность статьи заключается в конкретных рекомендациях для педагогов и родителей.

Ключевые слова: мотивация, иностранный язык, младший школьник, способы повышения мотивации.

Ссылка для цитирования: Balakina I.A., Rozhkova E.V. Ways of improving motivation to learning a language in young school children // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2025. – № 3(14). – С. 106–110. <http://dx.doi.org/10.17072/2949-5601-2025-3-106-110> EDN ZTNEKI

Studying foreign language at primary school age is becoming increasingly important in the conditions of globalization and integration into the world educational space. Motivation is one of the key factors influencing the success of mastering a foreign language, especially in primary school children, for whom learning should be not only effective but also exciting. Over the past decades, methods of increasing motivation have undergone significant changes: from traditional approaches based on discipline and constant repetition and consolidation to modern techniques focused on game and communicative approach. The purpose of this research paper is to theoretically examine the main ways of increasing motivation to learn a foreign language in junior schoolchildren, to offer relevant techniques and pedagogical tasks aimed at effective inclusion of schoolchildren in learning activities in the classroom.

From the beginning of the first pedagogical thought, “the main technique of education in school, as well as in the family, was the example of elders”, and “learning was based on endless repetition” [5, p. 19]. Only over time, other methods and techniques of teaching began to emerge and actively used in pedagogical activities. On this basis, the only ways to motivate children to learn were: personal example, awakening interest, drawing a parallel between antagonists and protagonists in works of folklore genre and cautionary stories. Over time, the situation took a different form, thanks to the works of many great educators, in particular – J.A. Comenius. In our work we adhere to the idea that this scientist, being the founder of pedagogical science, was able to significantly reorganize the way of society in the pedagogical field. Perhaps his most important merit was the formulation and justification of the principles of learning, among which he emphasized: “the principle of visibility, ease of learning, consciousness and activity” [9].

Realization and implementation of the principles of elementary education described by J.A. Comenius. J.A. Comenius' understanding and implementation of the principles of elementary education described by J.A. Comenius in his work "The Great Didactics" should have contributed to the systematization and ordering of the educational process. The main goal was to make learning comprehensible, accessible and effective for each student through the consistent presentation of material, the use of visual aids and methods, as well as the development of a natural interest in knowledge. J.A. Comenius emphasized the importance of the rational construction of lessons – from simple to complex, from general to particular, which allowed to ensure the solid assimilation of knowledge and the formation of sustainable skills. Thus, the realization of these principles was to improve the quality of education, the level of children's motivation and desire to learn, facilitate the learning process and contribute to the all-round development of the student's personality.

Modern pedagogical practice is built on the same principles, which should, it would seem, support the level of education and high learning outcomes. However, nowadays it is annually noted in educational institutions that the level of learning results is decreasing. As a rule, one of the underlying reasons is the insufficient level of schoolchildren's motivation to study school subjects, unwillingness to consolidate the material at home in the framework of self-study. Speaking of a foreign language, repetition and memorization of material after lessons, practicing the language at home is extremely necessary, because without it the development of communicative skills is impossible, the language will be forgotten, which will make it impossible to learn it. Thus, teachers now face a difficult task – not only to conduct lessons, explaining the material, but also to constantly support the interest of students to study the subject and the desire to learn new things.

We will take the following as a basis for the definition of the concept of "motivation": "motivation is an internal psychological characteristic of a person, which finds expression in outward manifestations, in relation to a person to the surrounding world, to various activities" [7].

The level of motivation is a set of available motives, i.e. subjective reasons (conscious or unconscious) for this or that behavior, actions of a person, which are divided into internal and external [6].

Let's consider the concepts of types of motives in more detail.

Internal motives are "motives that develop under the influence of the trainee's own thoughts, experiences, aspirations, resulting in the emergence of awareness of internal necessity" [2].

External motives are motives that are conditioned by external stimuli – "grades, praise, awards, expectations of parents and teachers". In this case, a schoolchild is motivated not by the learning process itself and the pleasure received from it, but by receiving external acceptance from society, various kinds of rewards for success. Despite the fact that internal and external motives are quite separate in concepts, in life they exist in a bundle, although sometimes they can exist separately. Sometimes a child may have only intrinsic motives for learning a foreign language, which is associated with his desire to immerse himself in the culture of another country, to learn its cultural code, to involve himself in it. Sometimes a schoolchild may not have this desire, but at the same time he/she is motivated to learn a language, because he/she strives to please his/her parents by his/her successes in learning, getting good marks, hearing praise from the teacher.

As it was mentioned earlier, the problem of schoolchildren's lack of motivation worsens every year. This problem is especially relevant in the case of learning a foreign language. There are several reasons for this.

- Difficulty with the structure and sound of language – difficulties with grammar, vocabulary and pronunciation quickly demotivate and reduce the child's confidence in success.

- Underdeveloped phonemic hearing – if the child does not distinguish sounds well and does not memorize their features, the acquisition of speech is slower, especially at the initial stage.

- Heavy learning load – high volume of materials and fast pace of learning lead to fatigue and burnout.

- Lack of personal motivation – without understanding why the language is needed, the child rarely makes an effort; reminders from adults alone often do not work.

- Fear of making mistakes – fear of ridicule or criticism inhibits speaking, which inhibits practical application of knowledge.

- Pressure from adults – insistent demands from parents or teachers are perceived as coercive and cause resistance.

- Routine lessons – one-size-fits-all school classes, oriented to the average student, reduce learning to rote memorization and reduce interest.

- Excessive theory – overemphasis on rules and word lists without communicative practice overloads some children and reduces effectiveness.

- Irrelevant curriculum – if the topics and examples are far removed from the child's interests and daily experience, the material seems meaningless and is poorly absorbed.

All this suggests that significant changes in the educational process are urgently needed. At the present moment, teachers should actively use the inclusion in the educational process of techniques to increase the motivation of students, which will make the process of learning a foreign language in elementary school more exciting and will increase the motivation of students.

Thanks to the literature we have studied, we have identified several standard ways to increase the level of motivation in primary school students.

- One of the most successful ways to increase children's interest in lessons is pair or group work. Having differences in mastering communicative skills, schoolchildren can help each other in pair work, explaining the material to each other, working on different types of tasks [3].

- Correcting mistakes without reproach. If a child makes a mistake, it is imperative that the teacher tactfully informs the child about it and asks the child to correct it, because “when the teacher points out every mistake, students become too afraid of making mistakes. Consequently, due to excessive obsession with mistakes, children will be too reluctant to participate in communication” [3]. Some ways of correcting children's errors in foreign language lessons include: interjection, teacher's reference example in response to an erroneous statement, interjection with answer options, self-correction and others.

- Incorporating games into the educational process. “Play is a natural form of activity for younger students, through which they perceive the world, develop and learn” [4]. Specially designed for the educational process didactic games allow in a non-standard form to consolidate the already studied material, stimulate cognitive interest. It is also recommended that teachers include in the educational process role-playing games that allow “children to try on different roles, while developing communication skills, creative thinking and empathy”, which is especially important for the development of communication skills in foreign language lessons at school to develop the ability to “understand the feelings and actions of others, as well as to develop strategies for behavior in different situations” [ibid].

- The alternation of lessons of different types, implying active inclusion of pupils in a communicative situation: “lesson-quiz, lesson-competition, lesson-journey, lessons-discussion of different topics; lessons-communication on the Internet (effective as a variant of independent preparation); round tables; mini-conferences in groups; lessons-tests; lessons-presentations” and so on [2].

- The use of information and communication technologies. “Computer-based training programs have many advantages over traditional teaching methods. They allow to train different types of speech activity and combine them in different combinations, help to realize linguistic phenomena, form linguistic abilities, create communicative situations, automate language and speech actions” [1].

- Project activity in teaching. In recent years, foreign language teachers increasingly offer schoolchildren to perform a project on a selected or given topic, because project-based learning contributes to the increase of educational achievements due to interactive forms of work. “In the process of this activity, the teacher with students finds difficult moments in learning, poses a problem relevant to students, thinks about connections with other objects and phenomena, and also develops a vision of practical application of the received knowledge, as a result of which the motivation for learning activity increases” [8].

In addition, we would also like to offer our own set of ways and motivational tasks for elementary school children to get them interested in learning a foreign language in elementary school [10].

- Story puzzle: the teacher distributes cards with words/phrases and pictures, the children's task is to put the pairs together and make short sentences.

- Quest race: teams are given a route of several points with tasks (find an object, say a sentence, repeat a phrase, etc.). The team with the most completed tasks wins.

- Foreign Bingo: the teacher hands out picture cards. The students take turns naming one of the pictured objects, and the others paint or mark the cell with the object that stands for the named word.

- Sound detective: the teacher says a few words, the task of children is to hear words with the right sound and mark those in which it is, suggesting that children perform some action after hearing a word with a given sound. This task can be organized as a phonetic warm-up.

- Creative project "My Day" in which children draw a picture of their day and describe their routine.

- Creative project "Dream Collage", in which children have to collect pictures of things they dream about and sign them in English, then tell a short story.

- Creative project "Word Hunt": pupils need to find unusual objects in the house and translate them into a foreign language, make a photo and tell about them in class. Such a task will allow not only to memorize new words, but also to transfer the language to the real environment.

- Speed-chat – inclusion in the educational process of 1–2 minute dialogs by alternating partners on simple topics (name, age, favorite food) in order to reduce the fear of communicating in a foreign language.

- Interview messenger – students interview each other and prepare a short class note about each student.

- Video diary – ask pupils to keep a video diary in a foreign language by recording short videos about their day. The results can be presented in class, for example, when going through topics that involve telling about their daily routine. This task is also suitable as an additional task to overcome the fear of speaking.

- Interactive quests – using online games/platforms to complete tasks with instant feedback. Unfortunately, not all modern schools are equipped with information and communication technologies that allow to perform such tasks directly in the classroom. Therefore, a teacher can assign such tasks as homework, which will allow not only to consolidate the material learned in lessons, but also to include gamification, which allows attracting attention and generating interest in the performance of tasks, in the educational process.

- Stickers and stickers as a system of rewards given for achievements (speaking, successfully completed tasks, active participation and other). This method can be realized in the following way: offer children different types of activities during the lesson. Provided that they are included in each of them, correctly completed tasks they receive encouraging stickers. In case a pupil accumulates 5 stickers, he/she gets a mark 5 in the journal. This system will help to form the habit of active work at lessons and form positive reinforcement.

The above interactive, personalized and communicative tasks increase pupils' engagement in learning a foreign language and keep them motivated. Regular positive feedback and emphasis on successes will develop a positive attitude towards the learning process and improve children's progress. Taking into account the peculiarities of child development (short attention span, need for movement and emotional response), the tasks that keep children motivated should be age-appropriate, varied and focused on the success of each student.

The implementation of the methods and techniques discussed in our work to increase the motivation of schoolchildren requires systematic and reflective behavior on the part of teachers and, if implemented correctly, leads to a sustainable interest in a foreign language and better long-term learning results.

References

1. Abulaisova N.A., Abdurakhmanova P.D., Magomedova U.A. [Means of increasing motivation to learn a foreign language among primary school students]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture and education], 2019, issue 2(75), pp. 293–296, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-povysheniya-motivatsii-k-izucheniyu-inostrannogo-yazyka-u-mladshih-shkolnikov> (accessed: 10.07.2025). (In Russian) EDN: KHCOBJ
2. Borichevskaya E.M. [Ways to increase motivation in English lessons]. *Vestnik Donetskogo pedagogicheskogo institute* [Bulletin of the Donetsk Pedagogical Institute], 2018, issue 3, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-povysheniya-motivatsii-na-urokah-angliyskogo-yazyka> (accessed: 07.08.2025). (In Russian) EDN: ZSOWSB
3. Gusaeva S.B., Agalarova R.I. [Ways to Increase Motivation in Teaching a Foreign Language]. *Molodoj uchenyj* [Young Scientist], 2020, issue 25(315), pp. 388–389, available at: <https://moluch.ru/archive/315/71943/> (accessed: 11.08.2025). EDN: BMNHIZ
4. Zakharova O.A. [Game as a Means of Influencing the Academic Motivation of Primary School Students]. *Molodoj uchenyj* [Young Scientist], 2024, issue 40(539), pp. 142–147, available at: <https://moluch.ru/archive/539/117993/> (accessed: 11.08.2025). (In Russian) EDN: DDSJJW
5. *Istoriya obrazovaniya i pedagogicheskoy mysli za rubezhom i v Rossii: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zavedenij* [History of Education and Pedagogical Thought Abroad and in Russia: a textbook for students of

higher pedagogical educational institutions] (Ed. by I.N. Andreeva, T.S. Butorina, Z.I. Vasilyeva, et al.), Moscow, Academy, 2006, 432 p. (In Russian) EDN: SYQATR

6. Kodzhaspirova G.M., Kodzhaspirov A.Yu. *Slovar' po pedagogike* [Dictionary of Pedagogics], Moscow; Rostov-on-Don, MarT, 2005, 448 p. (In Russian)

7. Nigmatullina G.R. [Methods of increasing motivation in teaching English to younger students]. *Molodoj uchenyj* [Young scientist], 2017, issue 16(150), pp. 474–476, available at: <https://moluch.ru/archive/150/42482/> (accessed: 11.08.2025). (In Russian) EDN: YLNXIF

8. Pautova I.V. [Project activities of students as one of the techniques for increasing motivation to learn English]. *Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii «Nauka i sotsium»* [Proceedings of the Russian scientific and practical conference “Science and Society”], 2017, issue 2, pp. 148–151, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektnaya-deyatelnost-uchaschihsya-kak-odin-iz-priemov-povysheniya-motivatsii-izucheniya-angliyskogo-yazyka> (accessed: 02.08.2025). (In Russian) EDN: YTFWNL

9. Sokolova L.A. [Formation of educational motivation: from antiquity to modernity]. *Vestnik YuUrGGPU* [The Herald of South-Ural state Humanities-Pedagogical University], 2012, issue 6, pp. 115–124, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-uchebnoy-motivatsii-ot-drevnosti-do-sovremennosti> (accessed: 10.08.2025). (In Russian) EDN: PBSHJT

10. Shenkevich V.A. [Motivation. How to Increase a Child's Interest in Learning]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie* [Modern Pedagogical Education], 2017, issue 1, pp. 17–19, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-kak-povysit-interes-k-uchebe-u-rebenka> (accessed: 07.08.2025). EDN: ZXHOBT

РЕТРАКЦИЯ

EDN ZTNEKI

УВЕДОМЛЕНИЕ О РЕТРАКЦИИ СТАТЬИ

Редакция научного журнала «Социальные и гуманитарные науки: теория и практика» уведомляет об отзыве (ретракции) статьи из журнала «Социальные и гуманитарные науки: теория и практика» (2024. № 2(9). С. 74–83.) статьи автора Бабенцева Д.Н. «Будущее христианства как мировой религии» (EDN XDAXGL).

Причина отзыва (ретракции) статьи: выявление существенных ошибок в публикации (в т. ч. неправильная интерпретация результатов исследования), снижающих ее научную ценность.

Основание отзыва (ретракции) статьи: решение редакционной коллегии (Выписка из протокола заседания редакционной коллегии № 002 от 08.07.2025), личное заявление автора.

NOTIFICATION OF ARTICLE RETRACTION

The editors of the scientific journal "Social and Humanitarian Sciences: Theory and Practice" inform you of the retraction of an article from the journal "Social and Humanitarian Sciences: Theory and Practice" (2024, issue 2(9), pp. 74–83 (In Russian)) by D.N. Babentsev entitled "The Future of Christianity as a World Religion" (EDN XDAXGL).

Reason for retraction: identification of significant errors in the publication (including an incorrect interpretation of the research results), which reduce its scientific value.

Basis for retraction: decision of the editorial board (Extract from the minutes of the editorial board meeting No. 002 dated July 8, 2025), personal statement by the author.

Научное издание

**Социальные и гуманитарные науки:
теория и практика**

2025

Выпуск 3(14)

Редактор А.С. Беляева
Компьютерная верстка Н.Ю. Биктаевой
(ответственный секретарь коллегии)

Подписано в печать 12.11.2025
Дата выхода в свет 14.11.2025
Формат 60х84/8. Тираж 500 экз.
Усл. печ. л. 13,02. Заказ 123

Адрес учредителя и издателя:
614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:
614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
(Философско-социологический факультет).
Тел. +7 (342) 239-63-05

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
Управление издательской деятельности
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел.+7 (342) 239-66-36

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ПГНИУ
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел.+7 (342) 239-65-47

Бесплатно.